Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет»

На правах рукописи

КИРСАНОВ Роман Сергеевич

ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РАБОЧИХ СРЕДНЕВОЛЖСКОГО КРАЯ В 1928–1936 гг.

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Камардин Игорь Николаевич

Пенза – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И РАБОЧИЙ КЛАСС СРЕДНЕВОЛЖСКОГО КРАЯ В 1928–1936 гг. 28

§ 1.1. Индустриальное развитие региона 29

§ 1.2. Изменения в рабочем классе и влияние на трудящихся общественных и политических организаций 57

Глава 2. ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРОЛЕТАРИАТА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ 90

§ 2.1. Социалистическое соревнование как фактор роста промышленного потенциала региона 91

§ 2.2. Нарушение дисциплины труда: причины, виды и последствия 106

Глава 3. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ РАБОЧИХ В ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ 119

§ 3.1. Материальное стимулирование и уровень доходов трудящихся 120

§ 3.2. Охрана труда и медицинское обслуживание 143

§ 3.3. Культура и досуг пролетариата 162

§ 3.4. Жилищно-бытовые условия работников промышленности 177

Заключение 191

Список сокращений и условных обозначений 199

Список использованных источников и литературы 201

Приложения 220

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. На сегодня годы первых пятилеток по-прежнему представляют интерес для современного общества. Модернизация экономики отразилась на всех сторонах существования населения, в том числе и на системе трудовых отношений на производстве и в повседневной жизни рядового рабочего. Задачи восстановления экономики потребовали от государства не только изменения управления народным хозяйством, но и создания новых способов привлечения работника к трудовой деятельности.

При этом следует отметить, что к истории трудовых отношений и повседневности отечественные историки стали обращаться только после распада СССР. В центре внимания советских исследователей находилась политическая и социально-экономическая история страны. Данные работы были сильно идеологизированы и не показывали реальных процессов, которые происходили на промышленных предприятиях СССР. В то же время анализ трудовых отношений и повседневной жизни рабочего помогает осознать переживания, желания и мотивацию как отдельного индивида, так и трудового коллектива в целом, что приобретает особое значение при изучении переломных моментов в истории.

Безусловно, крупные политические события или коренные социально-экономические изменения находятся всегда в центре внимания ученых, но микроисторические исследования позволяют нам проникнуть в реальную жизнь советского человека, изучить его потребности, отношение к происходящим событиям в стране и понять данную эпоху.

Анализ особенностей трудовых отношений и повседневной жизни рабочего позволяет изучить и другие вопросы: историю становления и развития рабочего класса, досуговую сферу людей, проявление девиантности в рабочей сфере, феномен социалистического соревнования.

Актуальность темы работы определяется также необходимостью развития региональных исследований. Именно на региональном уровне можно проследить

как общие моменты становления системы трудовых отношений на заводах и повседневной жизни рабочих в СССР, так и местные особенности.

Также данная тема важна для современного развития общества. Определение наиболее приемлемой и устойчивой системы трудовых отношений на экономических объектах находится в центре внимания современных менеджеров.

Поставленная в диссертации проблема также представляет актуальность для экономического прогресса любой современной страны, ведь в основе производства стоит человек, и прогрессивно будет развиваться то общество, где сложится наиболее приемлемое устройство трудовых отношений.

Объектом диссертационного исследования является рабочий класс промышленных предприятий Средневолжского края в 1928–1936 гг.

Предметом исследования являются особенности трудовых отношений и повседневной жизни промышленных рабочих Средневолжского края в 1928–1936 гг. Также предметом исследования диссертации стали процессы, происходившие в промышленности и обусловленные социально-экономическим развитием страны и региональной спецификой, которые привели к складыванию трудовых отношений на предприятиях региона в изучаемый период.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1928 по 1936 г. Этот выбор обусловлен тем, что временной отрезок совпал с существованием на карте страны Средневолжской области (края), а также формированием новой системы трудовых отношений на промышленных предприятиях изучаемого региона.

Территориальные рамки исследования ограничиваются регионом Средневолжского края, в состав которого входили Оренбургский, Самарский, Бугурусланский, Ульяновский, Пензенский, Сызранский, Кузнецкий округа и Мордовская автономная область. Наиболее развитыми в промышленном плане были Пензенский, Самарский и Ульяновский округа. В качестве критерия региональной принадлежности целесообразно рассмотреть сходную отраслевую структуру промышленности, в которой ведущее место занимали производства по переработке сельскохозяйственной продукции. Таким образом, однородный

уровень социально-экономического развития Средневолжского края, близкая структура промышленности и состава рабочих позволяют рассматривать изучаемый регион как единое целое в указанных территориальных границах.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема трудовых отношений на производстве и повседневная жизнь рабочих на советских предприятиях эпохи «сталинской индустриализации» в качестве предмета исследования в трудах советских историков затрагивалась косвенно, вскользь рассматривался и Средневолжский край. Но отдельные стороны данной проблемы все-таки были освещены в работах ученых-экономистов, специалистов по вопросам труда в годы первых пятилеток. Для исследования указанной проблемы необходимо было также обратиться к работам, посвященным развитию промышленности в 20–30-х гг. XX в., и целому ряду монографий, которые давали характеристику рабочему классу эпохи индустриализации.

Историографию изучаемой проблемы целесообразно разделить по хронологическому принципу на два этапа: советский и постсоветский.

1920-е гг. – начало 1930-х гг. в целом стали очень плодотворным периодом в рассмотрении проблем трудовых отношений и принципов советской политики относительно рабочего класса. В газетах появлялись статьи, выходили книги, которые опирались на большой статистический материал. Б. Лившиц, В. Михайлов, А. И. Рабинович, П. Попов[1] и многие другие начали освещать вопросы заработной платы и ее регулирования в отдельных отраслях и в целом в народном хозяйстве. Также в этот период проводилась научная работа по сравнительной характеристике уровня жизни и условий работы до революции и в годы новой экономической политики (НЭП) и индустриализации. Но стоит отметить, что использование различного статистического материла для отражения материальных стимулов показывало только самый общий вид процессов дифференциации труда. Появлялись первые монографии, посвященные рабочему

[1] *Лившиц Б.* Проблема рынка и кризисов. М. : Плановое хозяйство, 1926. 311 с. ; Баланс народного хозяйства Союза СССР / под ред. П. Попова. М., 1993. 250 с.

классу. Ведущим специалистом по данному вопросу считался А. Рашин[2], который пытался описать формирование, изменение, динамику фабрично-заводского пролетариата.

С конца 1920-х гг. начинается исследование проблемы подготовки рабочих кадров. Основную массу публикаций в это время составляли брошюры и журнальные статьи. Несмотря на то, что эти работы содержали большой фактический материал, они все-таки опирались на скудную источниковую базу. Особо следует отметить С. С. Тизанова[3]. В своих статьях автор отражает опыт технического обучения, показывает достижения и трудности в решении задач индустриализации. Работы А. В. Луначарского, Н. К. Крупской, А. С. Бубнова[4] посвящены опыту, формам и методам общеобразовательной подготовки, содержат огромный фактический материал, раскрывающий борьбу с неграмотностью.

В 1930 г. был опубликован целый ряд работ, освещающих подготовку рабочих в системе фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), но все они были написаны в соответствии с официальной доктриной. В течение 1930-х гг. эта тема будет очень актуальной в советской историографии. Плюсом данных работ является огромный статистический материал[5].

В целом в 1920–30-е гг. была создана основа для последующего исследования проблемы трудовых отношений и повседневной жизни рабочих промышленных предприятий. Помимо указанных выше проблем, советские ученые изучали нормирование и организацию труда, стахановское движение[6].

---

[2] *Рашин А.* Состав фабрично-заводского пролетариата СССР. М., 1930. 191 с.

[3] *Тизанов С. С.* Кадры: состояние, потребность и подготовка их в СВК. М. ; Самара, 1930. 56 с. Его же. Культурное строительство СВО. М. ; Самара, 1930. 121 с.

[4] *Луначарский А. В.* Проблемы народного образования : сб. ст. М., 1925. 226 с. ; *Бубнов А. С.* Статьи и речи о народном образовании. М., 1959. 416 с.

[5] *Бейлин А. Е.* Кадры специалистов СССР, их формирование и рост. М., 1935. 415 с. ; *Его же.* Подготовка кадров в СССР за 15 лет. М., 1932. 55 с. ; *Бронтман Л.* Борьба за кадры. М., 1930. 64 с. ; *Дацук Г.* Проблема квалифицированных кадров народного хозяйства. М., 1930. 96 с.

[6] *Гастев А. К.* Нормирование и организация труда. Л., 1929. 120 с. ; *Розенберг Л. Я.* Учет работы стахановцев в промышленности. Л., 1936. 22 с.

В 1940–50-е гг. выходит целый ряд работ. Такие авторы, как А. Н. Веселов, В. М. Бритов, указывают на то, что решающую роль в подготовке рабочих сыграла партия[7]. В трудах А. П. Финарова и Р. П. Дадыкина поднимаются вопросы трудового соперничества[8]. О. А. Ерманский в своей монографии анализирует ход и методы стахановского движения по стране в 1930-е гг.[9]

В 1940 г. вышла в свет работа И. И. Кузьминова «Стахановское движение – высший этап социалистического соревнования»[10] и коллективный историко-экономический труд «Развитие советской экономики»[11]. В этих монографиях рассмотрены социальные последствия индустриализации, а именно: динамика численности рабочих СССР, ликвидация нэпманской буржуазии, вытеснение капиталистических элементов в промышленности, изменение в месте жительстве людей, вызванное размещением промышленности.

Историография 1950–80-х гг. по изучаемой проблеме составляет небольшой список работ. Стоит сказать, что освещение трудовых отношений и повседневности рабочих все больше приобретало односторонний характер. Это было связано с жесткой идеологизацией исторической науки, недоступностью многих архивных материалов. Историки связывали трудовой энтузиазм рабочих с чувством причастности пролетариата к «великим переменам» в судьбе страны, с гордостью превращения СССР в великую державу. Но все-таки партией были сняты некоторые ограничения в получении архивных документов. Исследования стали публиковаться на более широкой источниковой базе, а следовательно, они отличались большей глубиной исследований[12].

---

[7] *Веселов А. Н.* Профессионально-техническое образование в СССР. М., 1951. 435 с. ; *Бритов В. М.* Очерки истории Ивановской организации КПСС. Иваново, 1957. 516 с.

[8] *Финаров А. П.* Борьба партии за социалистическую индустриализацию страны и подготовку сплошной коллективизации сельского хозяйства, 1926–1929 гг. М., 1953. 112 с. ; *Дадыкин Р. П.* Начало массового социалистического соревнования в промышленности СССР. М., 1954. 224 с.

[9] *Ерманский О. А.* Стахановское движение и стахановские методы. М., 1940. 370 с.

[10] *Кузьминов И. И.* Стахановское движение – высший этап социалистического соревнования. М. 1940. 220 с.

[11] Развитие советской экономики / под ред. А. А. Арутиняна и Б. Л. Маркуса. М., 1940. 664 с.

[12] *Бейлин Л. А.* Как родилось социалистическое соревнование. М., 1960. 88 с. ; *Зворыкин А. А.* Социалистическое соревнование в промышленности СССР. М., 1961. 215 с. ; *Зуйкова Е. М.* Быт при социализме. М., 1977. 240 с. ; *Ковалев С. М.* Коммунистическое воспитание

Нетрадиционным подходом к изучению истории индустриализации СССР стоит отметить работу А. И. Пашкова, которая была опубликована в 1958 г. На большом статистическом материале он показал, что «основы действия, социальное содержание и роль закона преимущественного роста средств производства одинаковы как при капитализме, так и при социализме»[13].

В 1960-е гг. некоторое внимание стало уделяться вопросам стимулирования труда, трудовой дисциплины на предприятиях. Эти темы затронули Л. М. Майоров, М. Н. Лаптин, Ф. С. Веселков, Л. Б. Генкин и другие[14]. Работы данных авторов ставят пред собой схожую задачу: показать, как государство вырабатывало принципы принуждения к участию людей в промышленном производстве и повышения производительности их труда. Авторы данного периода указывают на огромное значение сочетания материальных и моральных стимулов к труду. Узким местом монографий советских авторов являлась слабая опора на источниковую базу. Ученые просто не имели возможности получить доступ к закрытым по политическим причинам фондам.

Также следует отметить статью А. Ф. Хавина, в которой он признавал, что в ходе индустриализации советским людям пришлось преодолевать большие трудности. Индустриализация совпала с коренной перестройкой сельского хозяйства и с «неизбежными при этом трудностями и издержками». Быстро росло городское население. Для закупки за границей промышленного оборудования «в ущерб внутреннему потреблению» экспортировалось большое количество хлеба.

трудящихся. М., 1960. 526 с. ; *Остапенко И. П.* Участие рабочего класса СССР в управлении производством. М., 1964. 208 с. ; *Трифанов И. П.* Проблемы городского населения СССР. Л., 1973. 144 с.

[13] *Пашков А. И.* Экономический закон преимущественного роста средств производства. М., 1958. 232 с.

[14] *Веселков Ф. С.* Материальное стимулирование трудящихся в СССР. М., 1962. 238 с. ; *Лаптин М. Н.* В. И. Ленин о материальных стимулах к труду. М. 1962 ; Ленин о стимулировании труда при социализме. М., 1969 ; *Майоров Л. Н.* Соревнование и его роль в условиях развитого социализма. М., 1977. 157 с. ; *Генкин Л. Б.* Становление новой дисциплины труда. М., 1967. 200 с.

Ученый также отмечает и трудности в организации управления промышленностью. «Межотраслевое, внутриотраслевое и внутризаводское планирование только налаживались». Поэтому обыденным явлениям были простои на производстве из-за перебоев в подаче сырья, топлива. Но при этом автор убежден, что именно самоотверженный труд рабочего класса позволил преодолеть возникшие трудности.

В 1960–70-е гг. продолжаются дискуссии, научные конференции по поводу роли рабочего класса в деле индустриализации и его структуры, в результате выходили достаточно часто сборники статей[15], посвященные динамике промышленных кадров СССР за 1917–1961 гг. т размещению промышленных кадров. Поднимается вопрос динамики численности работниц (в наши дни очень популярная тема), анализируются сдвиги в численности инженерно-технических работников. Есть статьи, которые посвящены какой-либо отдельной группе рабочих. К примеру, М. Т. Гольцман в своей статье о составе строительных рабочих СССР в годы первой пятилетки анализирует постоянный и временный состав рабочих, включая отходников и женщин, занятых в строительстве[16]. В этот период появляются новые специалисты, изучающие положение рабочего класса. О. И. Шкаратан[17] дает подробную характеристику основных групп источников, рассматривает социалистическое переустройство общества, миграцию населения, политику государства в области социальных отношений, поднимает проблему роли общего образования и профессиональной подготовки в развитии рабочего класса. М. М. Кучеренко изучает вопросы молодого поколения рабочего класса, его обучения и воспитания в рамках коммунистической идеологии[18].

---

[15] Изменение в численности и составе советского рабочего класса : сб. ст. / под ред. Рашина. М., 1961. 291 с. ; Формирование и развитие советского рабочего класса (1917–1961 гг.) : сб. ст. / под ред. Полетаева и Рогачевской. М., 1964. 403 с.

16 *Гольцман М. Т.* Состав строительных рабочих СССР в годы первой пятилетки (по материалам профсоюзных переписей 1929 и 1932 гг.) // Изменения в численности и составе советского рабочего класса. М., 1961. С. 124–202.

[17] *Шкаратан О. И.* Проблема социальной структуры рабочего класса СССР. М., 1970. 472 с.

[18] *Кучеренко М. М.* Молодое поколение рабочего класса СССР: процесс формирования и воспитания. 1917–1979 г. М., 1979. 189 с.

Советские ученые уделяли внимание рабочему классу с точки зрения его движения к коммунистическим идеалам. Официальная история пролетариата была серьезно приукрашена и, конечно, была далека от реальности. Источниковую базу этих исследований составляли документы партии и государственных органов власти[19].

В 1970-е гг. в СССР вышла энциклопедия «История социалистической экономики СССР» в семи томах. Данная работа ставила целью исследовать практическое исполнение, воплощение в жизнь основных закономерностей построения социалистической экономики. В ней дается анализ развития производительных сил и новых общественных отношений. Третий и четвертый тома посвящены первым двум пятилеткам[20]. В главах третьего тома исследуется процесс индустриализации, некоторые главы посвящены развитию отдельных отраслей народного хозяйства, улучшению материального положения и подъему культурного уровня жизни советского народа. В четвертом томе дается анализ капитального строительства и воспроизводства основных фондов, показываются важнейшие пропорции и темпы развития промышленности. Большое внимание авторы заостряют на вопросах организации социалистического производства, управлению промышленностью, освоению техники, подготовке кадров, развитию социалистического соревнования. Исследуются изменения в размещении производительных сил и сближение уровней индустриального развития различных регионов страны.

Монография «От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР. 1917–1937 гг.» отличалась тем, что в ней сделан акцент на объективные трудности осуществления индустриализации в СССР[21].

---

[19] *Королев А. И.* Государственная власть и рабочий класс СССР. История и современность. Л., 1980. 187 с. ; *Лельчук В. С., Бейлина Е. Э.* Промышленность и рабочий класс СССР в условиях НТР. М., 1982. 192 с. ; *Селунская В. М.* Социальная структура советского общества: история и современность. М., 1987. 286 с.

[20] История социалистической экономики СССР. Т. 3–4. М., 1973.

[21] От капитализма к социализму. Основные проблемы переходного периода в СССР 1917–1937 гг. Т. 2. Развернутое строительство социализма в СССР 1928–1937 гг. М., 1981. 533 с.

В книге подчеркивалось, что XVI конференция партии, одобрив оптимальный вариант пятилетнего плана, оценила его как программу развернутого социалистического наступления, которая обеспечит «укрепление экономических и политических позиций пролетарской диктатуры». Авторы признают, что в годы первой пятилетки произошел невиданный рост количества рабочих и служащих на промышленных предприятиях, который превзошел предполагаемое по плану увеличение их численности.

При этом признается, что исключительно большие трудности вызвала сдача построенных предприятий в эксплуатацию и борьба за рост проектных мощностей.

В одной из глав авторы вновь подчеркнули, что «осуществление революционного процесса преобразования капитализма в социализм в СССР в переходный период шло на основе объективных закономерностей, обязательных для всех стран, становящихся на путь созидания социализма».

Стоит отметить, что некоторое внимание в указанных разделах уделено описанию трудностей процесса индустриализации. О них авторы говорят довольно осторожно ввиду политизации исторической науки.

В девятом томе «Истории СССР», посвященном советскому обществу в 1933–1941 гг., подробно рассказывается о выполнении третьего пятилетнего плана. Авторы на большом фактическом материале излагают историю строительства промышленных предприятий тяжелой, пищевой, лесной и легкой промышленности, развития железнодорожного транспорта, подготовки квалифицированных кадров рабочих, инженеров и техников, историю возникновения и развития стахановского движения, а также изменения в численности и составе рабочего класса[22].

В 1980-е гг. выходит многотомник по истории советского рабочего класса. Во втором томе рассматривается роль пролетариата в строительстве социализма. Коллектив авторов подробно рассматривает участие рабочих в управлении

[22] История СССР. Т. 9. М., 1971. 552 с.

производством. Также отмечен рост политической и трудовой активности трудящегося народа[23]. Хотя стоит отметить, что обобщающие работы по истории советского пролетариата выходили и в 1970-е гг.[24]

Стоит сказать, что большинству исследований советского периода была свойственна крайняя политизация и сведение всех показателей к средним экономическим. Историки любили преувеличивать рост заработной платы и благосостояния рабочего класса, о негативных явлениях на предприятиях сознательно замалчивали[25].

Новый период в историографии проблемы трудовых отношений и повседневной жизни промышленных рабочих начинается с конца 1980-х гг. Появляются в исторических исследованиях новые направления. В годы «перестройки» появляются возможности исследовать архивы. Рассекреченные материалы позволили историкам более объективно показывать историческую реальность. Появились первые документальные сборники.

На протяжении 90-х гг. XX в. проблема трудовых отношений и повседневной жизни рабочих промышленных предприятий привлекала иностранных ученых (М. Харрисон, Я. Ясперс, Й. Хельбек)[26]. Именно они подтолкнули российских историков изучать психологию людей. Указанная проблема получила дополнительный импульс благодаря исследованиям в рамках совместного российско-голландского проекта «Мотивация труда в российской

---

[23] Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества. 1921–1937 гг. Т. 2. М., 1984. 512 с.

[24] Рабочий класс СССР и его ведущая роль в строительстве коммунизма. М., 1975. 568 с. ; Советский рабочий класс. Краткий исторический очерк (1917–1973 гг.) М., 1975. 576 с. ; Социальное развитие рабочего класса СССР. Рост численности, квалификации, благосостояния рабочих в развитом социалистическом обществе. Историко-социологические очерки. М., 1977. 287 с.

[25] Социальное развитие рабочего класса. М., 1977. 287 с. ; Социальная политика советского государства: укрепление ведущей роли рабочего класса в социалистическом строительстве. М., 1985. 333 с

[26] *Хариссон М.* Стабильны ли командные системы? Почему потерпела крах советская экономика? // Экономическая история. Обозрение. М., 2001. Вып. 6. С. 120–141 ; *Ясперс Я.* Общая психопатология. М., 1997. 1053 с. ; *Хельбек Й.* Личность и система в контексте сталинизма: попытка переоценки исследовательских походов // Крайности истории и крайности историков : сб. ст. к 60-летию проф. А. П. Ненарокова. М., 1997. С. 195–207.

промышленности 1861–2000 гг.: вознаграждение, побуждение и принуждение». В научных работах была рассмотрена проблема мотивации труда на текстильных предприятиях в дореволюционной России, предприятиях металлургической и металлообрабатывающей промышленности. Но региональный аспект был изучен слабо[27].

До сих пор совместными усилиями идет изучение трудовых отношений и повседневной жизни промышленных рабочих[28]. Особенно в западной историографии стоит отметить работы И. Шильниковой, А. Черемухина, М. Голосова и др. Большой вклад в исследование повседневной жизни советского рабочего класса внесли западные историки Дональд Фильцер, Марк Харрисон и др.[29]

Углубленно вопросами трудовых отношений и повседневности промышленных рабочих в России занялись в 1990-х гг. Это было связано с исследователями Института российской истории РАН, Московского государственного университета, Тверского, Ярославского и др. В это же время появляются диссертации по данной проблеме. Среди первых, кто начал исследовать различные аспекты труда и бытовой стороны жизни рабочих, стали А.

---

[27] Эволюция мотивации труда в российской промышленности, 1861–2000 г. Российско-голландский проект [Электронный ресурс]. URL: http://www. hist. msu. ru ; Исторический факультет Московского Государственного Университета им. М. Ю. Ломоносова. 1997–2017. URL: http://www. hist. msu. ru/Labs/Ecohist/version/motivation. htm (дата обращения: 26.03.2017) ; *Тили Ч.* Микро-, макро или мигрень? // Социальная история. Ежегодник. М., 2000. С. 8 ; *Лукассен Я.* Мотивация труда в исторической перспективе: некоторые предварительные заметки по терминологии и принципам классификации // Социальная история. Ежегодник. М., 2000. С. 194–205.

[28] *Shilnikova I.* Evolution of labour motivation for textile workers in Soviet Russia (1918–1929): a microanalysis of archival data // working papers: national research university higher school of economics. M., 2013. 21 p. ; *Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S., Tsyvinki A.* Industrialization and Economic development of Russia throygh the Lens of a Neoclassical Growth Model. Oxford : Oxford University Press, 2016. 57 p.

[29] *Filtzer D.* Soviet workers and de-stalinization. The consolidation of the modern system of Soviet production relations, 1953–1964. Cambridge, 1992 ; *Filtzer D.* Soviet workers and the collapse of Perestroika: the soviet labour process and Gorbachev's reforms. 1985–1991. Cambridge, 1994 ; *Harrison M.* Trends in Soviet labour productivity, 1928–1985: War. Postwar recovery, and slowdown // European Review of Economic History. 1998. № 2. P. 171–200 ; *Bergson A.* The structure of Soviet Wages. A Study is Socialist Economics. Cambridge, 1954. P. 255.

К. Соколов, С. В. Журавлев, Н. Б. Лебина, Ю. М. Иванов[30]. Авторы рассматривают отдельные стороны проблемы трудовых будней в российской промышленности в годы индустриализации, анализируют материальное и моральное стимулирование, не обходят стороной некоторые вопросы быта пролетариата. Одним из ведущих специалистов по указанному периоду считается А. К. Соколов. Ученый утверждает, что последовательных решений по изменению политики в области трудовых отношений у власти не было. Все проводилось спонтанно и явилось в большей степени реакцией на кризисные моменты в социально-экономической сфере.

С. А. Шинкарчук[31] в своем исследовании пришел к следующему выводу: в 30-е гг. XX в. люди поняли, что уклоняться ни от чего нельзя, надо принимать все как есть. В условиях развернувшихся в эти годы репрессий только успешное выполнение заданий власти могло обеспечить хоть какую-ту безопасность.

Нельзя обойти стороной взгляды Е. А. Осокиной[32]. В центре внимания автора повседневная жизнь общества в условиях командно-административной системы и краха рынка. Книга написана на основе засекреченных архивных фондов, в том числе и сводок Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). Мы можем создать представления о потребительских корзинах населения, об основных покупаемых людьми товарах. Также можно проследить систему снабжения (группы снабжения).

---

[30] *Соколов А. К.* Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917–сер. 1930-х гг.) // Экономическая история. Обозрение. 2000. № 4. С. 39–80 ; *Его же.* Перспективы изучения рабочей истории в современной России // Отечественная история. 2003. № 5. С. 135 ; *Журавлев С. В.* «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920–1930 гг. М., 2000. 352 с. ; *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 гг. СПб., 1999. 320 с. ; *Иванов Ю. М.* Положение рабочих в России в 20-х – начале 30-х гг. // Вопросы истории. 1995. № 5. С. 122–128.

[31] *Шинкарчук С. А.* Общественное мнение в Советской России в 30-е гг. (по материалам Северо-Запада). СПб., 1995. 142 с.

[32] Осокина Е. А. За фасадом «Сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927–1941. М., 1999. 271 с.

Стоит отметить работы Ю. А. Полякова[33] и И. Б. Орлова[34], которые одни из первых занимались исследованием методологии и историографическим аспектом истории советской повседневности. Огромный шаг в постсоветское время был сделан отечественными историками в изучении психологии советского народа[35].

Особый интерес представляет монография А. А. Ильюхова, который проанализировал политику советской власти в области материального стимулирования[36]. Ученый в своем анализе опирается на законодательные и подзаконные акты. Особенно широко были использованы им материалы Наркомата труда. Автор посвящает большую часть работы анализу заработной платы квалифицированных и неквалифицированных рабочих, становлению «уравниловки», а потом борьбе с ней; определяет задачи, которые ставит власть, регулируя зарплату, и методы их реализации. Конечно же, ученый не обходит стороной социальный аспект политики в области оплаты труда, показывает роль заработной платы в обеспечении уровня жизни советского гражданина. А. А. Ильюхов также указывает, что в годы индустриализации было подорвано сознательное, заинтересованное отношение к труду в связи с окончательным формированием командно-административной экономической системы.

---

[33] *Поляков Ю. А*. Человек в повседневности // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 125–127.

[34] *Орлов И. Б.* Советская повседневность. Исторический и социологический аспекты становления. М., 2002. 317 с.

[35] *Бехтерева Л. Н.* Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х годов // Отечественная история. 2002. № 2. С. 170–177 ; *Ерошкина О. Н.* Социально-психологический портрет советских людей 1920–1930-х гг. в записях современников // Кино. 2002. № 2. С. 35–43 ; *Окольская Л. А.* Российская формула труда: исторический экскурс // Человек. 2006. № 4. С. 16–30 ; *Макарова Н. Н.* Социальные аспекты индустриализации: девиантное поведение и «стратегии выживания» советских горожан в экстремальных условиях в 1929–1935 гг. (по материалам Магнитогорска) // Экономическая история. Ежегодник. 2009. М., 2009. С. 270–299 ; *Лютова Л. Н.* Настроения рабочих провинции в годы НЭПа // Отечественная история. 2007. № 4. С. 6–74 ; *Миндолин В. А.* О социально-психологических характеристиках рабочих 1920-х гг. // Вопросы истории Сибири XX века : межвуз. сб. научн. тр. Новосибирск, 1996. С. 43–52 ; *Тяжельникова В. С.* Повседневная жизнь московских рабочих в начале 1920-х гг. // Россия в XX веке: Люди, идеи, власть. М., 2002. С. 194–218 ; *Яров С. В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб., 1999. 224 с.

[36] *Ильюхов А. А.* Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. 415 с.

Нельзя не уделить внимание труду М. Г. Меерович, посвященному жилищной политике советской власти[37]. Автор, опираясь на материалы ранее засекреченных законодательных документов Политбюро, центрального исполнительного комитета (ЦИК), Высшего Совета Народного хозяйства (ВСНХ), наркомата внутренних дел (НКВД), описывает основную цель жилищной политики коммунистов: огосударствление жилища с целью использования его как средства управления людьми. Ученый ярко показывает использование жилища как способа прикрепления людей к месту работы, принуждения к установленному уровню производительности труда и предписываемому образу жизни.

С. П. Постников и М. А. Фельдман[38] в своей работе раскрывают изменения в социокультурной среде российских рабочих. Национализация экономики привела к тому, что в нашей стране исчезли основания для размывания классов. Но при этом сохранились хозяйственный быт, повседневные занятия и привычки, которые во многом определили уклад промышленных рабочих. Авторы убеждены, что изменения в культурной среде рабочих были не такими кардинальными. Иначе на это смотрела советская власть. Историк М. А. Фельдман из Екатеринбурга на примере Урала изучил проблемы численности, образования, профессионализма и культуры пролетариата[39].

В XXI в. в отечественной историографии наблюдается интерес к изучению истории отдельных объектов экономики. Так, об истории московского Электрозавода нам рассказывают С. В. Журавлев и М. Ю. Мухин[40]. Авторы

---

[37] *Меерович М. Г.* Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М., 2008. 303 с.

[38] *Постников С. П., Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. 370 с.

[39] *Фельдман М. А.* Рабочий класс Урала в контексте модернизации в 1900–1940 гг. // Уральский исторический вестник. Вып. 9. Екатеринбург, 2000. С. 352–360 ; *Его же.* Рабочие черной металлургии Урала в 1913–1940 гг.: динамика численности и социальная структура // Уральский исторический вестник. Вып. 9. Екатеринбург, 2003. С. 182–194 ; *Его же.* Советское решение рабочего вопроса на Урале (1929–1941 гг.) // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 123–132 ; *Его же.* Уровень образования промышленных рабочих России и СССР в 1900–1941 гг. // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 13–30.

[40] *Журавлев С. В., Мухин М. Ю.* «Крепость социализма»: повседневность и мотивация на советском предприятии. 1928–1938 гг. М., 2004. 258 с.

рассматривают подготовку рабочих, оплату труда, ударничество, социалистическое соревнование, стахановское движение, условия и охрану труда, негативные явления на предприятии. Ученые одни из первых показали влияние «общепита» и соцкультбыта на процесс дальнейшего развития социалистического соревнования и стахановского движения. Историки приходят к выводу, что усилия власти, направленные на воспитание рабочих, так и не поспели за форсированными темпами индустриализации. Подобным произведением, всесторонне рассматривающим жизнь советского предприятия, можно считать монографию А. М. Маркевича и А. К. Соколова про московский завод «Серп и молот»[41]. Авторы описывают борьбу с «уравниловкой» и дифференцированную политику в оплате труда на отдельно взятом предприятии, значительный рост заработной платы по сравнению с увеличением производительности труда. Ученые рассказывают о неудачах социалистического соревнования и стахановского движения на заводе. Хотя по инициативе Истпрофа Всесоюзного центрального совета профсоюзов (ВЦСПС) в советское время тоже активно изучали историю фабрик и заводов[42].

Очень интересны взгляды Н. Н. Козловой[43], которая рассматривала мотивацию труда промышленных рабочих через призму постоянной военной угрозы 1930-х гг. В мышлении советских граждан утвердилось понимание необходимости жертв ради новых промышленных объектов. Образ врага вне и внутри страны был великолепно «подогрет» советской властью.

Проблемы трудовых отношений и повседневной жизни рабочих промышленных предприятий Средневолжского края в изучаемый период

---

[41] *Маркевич А. М., Соколов А. К.* «Магнитка близ Садового кольца»: стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот». 1883–2001 гг. М., 2005. 368 с.

[42] *Блинов Б. Н.* Киевский станкостроительный: К пятидесятилетию Киевского ордена Трудового Красного Знамени завода станков-автоматов им. М. Горького. Киев, 1984. 222 с. ; *Водолагин М. А.* Первый тракторный (Волгоградский тракторный завод им. Ф. Э. Дзержинского). М., 1968. 112 с. ; *Казакова Л. В.* Гусь-Хрустальный: О Гусь-Хрустальном заводе. М., 1973. 215 с.

[43] *Козлова Н. Н.* Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М., 1996. 215 с.

затрагивались такими историками, как Н. А. Шарошкин и Т. Н. Кузьмина[44]. Монографии ученых наиболее полно раскрывают особенности промышленного развития и производственный отношений рабочего класса. Историки комплексно освещают проблему формирования рабочих региона и историю индустриализации Средней Волги, но вскользь рассматривают трудовые отношения и повседневность, почти не раскрывают сущность материальных и моральных стимулов. М. В. Зелев рассматривает в своей диссертации формирование инженерной элиты Средневолжского края[45]. На региональном уровне слабо изучены негативные явления на производстве в первые пятилетки. А. В. Мирясов рассматривал мотивацию труда пролетариата на примере Пензенской губернии в эпоху НЭПа[46]. В работах И. Н. Камардина описываются положение рабочего класса, материальное стимулирование и трудовые конфликты на предприятиях Поволжья вплоть до 1929 г.[47]

Можно с уверенностью сказать, что вопросы трудовых отношений и повседневной жизни рабочих после распада СССР в отечественной историографии перестали быть второстепенными проблемами в истории России. Благодаря привлечению огромного нового архивного материала мы можем увидеть, что на трудовые отношения и повседневность рабочих промышленных предприятий влияло значительное число факторов. В целом отечественная историография продолжает искать новые пути изучения социально-экономических процессов, которые развернулись в годы индустриализации.
Уже вышел целый ряд статей и монографий по отдельным аспектам трудовых отношений и повседневности (материальное стимулирование, жилищная политика,

---

[44] *Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А.* Подготовка рабочих кадров в Поволжье: проблемы и итоги. 1920–1930-е гг. Пенза, 2004. 263 с. ; Т. *Н. Кузьмина, Н. А. Шарошкин*. Индустриальное развитие Поволжья. 1928 – июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки. Пенза, 2004. 263 с.

[45] *Зелев М. В.* Инженерно-техническая интеллигенция Среднего Поволжья в 1928–1941 гг. : дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2001.

[46] *Мирясов А. В.* Мотивация труда рабочих промышленных предприятий России в 1920-е гг. (на материалах Пензенской губернии) : дис. … канд. ист. наук. Пенза, 2002.

[47] *Камардин И. Н.* Трудовая дисциплина на промышленных предприятиях Среднего Поволжья в 1921-1929 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2005. № 1(16). С. 84–93 ; *Его же.* Пьянство среди рабочих Поволжья в Период НЭПа // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 26–33.

проявления девинатности в рабочей среде и др.), но они носят обобщающий характер. На региональном уровне данная проблема до конца не изучена, хотя в конце XX –начала XXI в. издавались научные исследования трудовых отношений и повседневной жизни промышленных рабочих регионов России в разные исторические периоды[48]. К примеру, в диссертации Н. В. Володиной поднимается проблема производственной повседневности тюменского пролетариата в послевоенное время[49]. На страницах научных журналов тоже появляются статьи, посвященные рабочим и промышленности разных регионов[50]. Это позволяет определить цели и задачи исследования.

Цель исследования: всестороннее изучение проблемы трудовых отношений и повседневной жизни промышленных рабочих в 1928–1936 гг. на материалах округов Средневолжского края.

Из поставленной цели вытекают следующие **задачи:**

1. Рассмотреть влияние развития промышленности Средневолжского края в годы первых пятилеток на структуру рабочего класса, систему трудовых отношений и повседневную жизнь рабочих.

---

[48] *Сметанина В. В.* Культура повседневности сибирского рабочего: 1920–1930-е гг. : дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 2006 ; *Чебоксарова Т. Г.* Производственная повседневность технической интеллигенции Западной Сибири в годы НЭПа : дис. … канд. ист. наук. Омск, 2007 ; *Бадретдинова М. М.* Промышленность и рабочие Южного Урала в период НЭПа (1921–1927 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Оренбург, 1995 ; *Белоусова О. А.* Иностранные рабочие и специалисты на Кузнецком металлургическом комбинате (1929–1939 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Томск, 2004 ; *Богданов А. В.* Иностранные рабочие и специалисты на предприятиях Челябинска и Магнитогорска (1929–1933 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2011 ; *Бехтерева Л. Н.* Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 1920-е годы (количественные и качественные характеристики) : дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 1998 ; *Плохотников В. С.* Производственная повседневность рабочих г. Тюмени в годы первых советских пятилеток (октябрь 1928 – июнь 1941) : дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2017.

[49] *Володина Н. В.* Производственная повседневность тюменских рабочих в 1945–1965 гг. : дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2012.

[50] *Кружинов В. М., Сокова З. Н.* В начале «великого перелома»: первая пятилетка Тюмени (1928–1932 гг.) // Земля Тюменская. Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 2007. Вып. 21. Тюмень. 2008. С. 106–126 ; *Лозбенев И. Н.* Особенности рабочего движения в центральном промышленном районе России в 1920-е гг. // Отечественная история. 2005. № 5. С. 141–147.

2. Разобрать структуру рабочего класса, уровень образования и деятельность общественных организаций по становлению системы трудовых отношений, их влияние на повседневную жизнь рабочих в 1928–1936 гг.

3. Проанализировать социалистическое соревнование и стахановское движение как фактор роста промышленного потенциала Средневолжского края.

4. Рассмотреть негативные явления на производстве, их причины, виды и последствия.

5. Исследовать взаимосвязь материального стимулирования рабочих и уровень жизни рабочих Средневолжского края в 1928–1936 гг.

6. Проанализировать условия труда рабочих в процессе форсированной индустриализации и медицинское обслуживание, их взаимосвязь с системой трудовых отношений и повседневной жизни.

7. Дать характеристику основным формам досуга рабочих Средневолжского края как составляющей повседневной жизни.

8. Проанализировать жилищные условия как одну из сторон повседневности рабочих Средневолжского края в изучаемый период.

Источниковая база исследования включает в себя комплекс архивных документов и опубликованных материалов, содержащих сведения о рабочем классе Средневолжского края в 1928–1936 гг.

В ходе написания научной работы автор использовал следующие типы письменных источников: делопроизводственные документы, нормативно-правовые и законодательные акты, статистические материалы, документы личного происхождения, периодическую печать.

Первую группу составляют неопубликованные материалы центральных и местных архивов. В диссертации были использованы материалы восьми государственных архивов.

1. *Российский государственный архив социально-политической истории* (РГАСПИ): Фонды Центрального комитета КПСС и фракции РКП (б), ВКП (б) в ЦК профессионального союза рабочих швейной промышленности СССР (Ф.Р-17), в которых содержится информация о нормативно-правовых актах в области

мотивации труда, деятельности партийных и профсоюзных органов по улучшению условий производственной повседневности рабочего класса СССР.

2. *Российский государственный архив экономики* (РГАЭ): фонд Госплана СССР (Ф.Р-4372), содержащий широкий статистический материал по развитию промышленности Средневолжского края и по динамике численности рабочего класса в исследуемый период.

3. *Государственный архив Российской Федерации* (ГАРФ): фонд Народного комиссариата труда СССР (Ф.Р-5515), в котором содержится информация по трудовым отношениям на территории советского государства в годы индустриализации, политика советской власти в области мотивации труда.

4. *Государственный архив Ульяновской области* (ГАУО): фонд Володарского райкома Всероссийского союза работников машиностроения (ВСРМ)

г. Ульяновска (Ф.Р-454), в котором содержатся материалы по социалистическому соревнованию, условиям труда и быта рабочего класса Ульяновского округа.

5. *Государственный архив новейшей истории Ульяновской области* (ГАНИ УО): фонды ульяновского окружного комитета ВКП (б) (Ф.Р-3) и ульяновского городского комитета (Ф.Р-13), в которых представлен фактический материал по жилищной политике партии в регионе, раскрывается досуговая сторона жизни пролетариата в 1928–1936 гг.

6. Значительное количество фактического материала взято из фондов *Государственного архива Пензенской области* (ГАПО): фонды завода им. Фрунзе (Ф.Р-324), «Маяк революции» (Ф.Р-510), Никольского стекольного завода «Красный Гигант» (Ф.Р-2503). В указанных фондах содержатся материалы по трудовой дисциплине, социалистическим соревнованиям, культуре и досугу рабочих на предприятиях Средневолжского края в 1928–1936 гг.

7. *Государственный архив Самарской области* (ГАСО): фонды завода имени Масленникова (Ф.Р-2934), Чапаевского завода химических удобрений (Ф.Р-2305), Металлотреста (Ф.Р-671), Станкостроительного завода (Ф.Р-1111), в которых представлены материалы по становлению системы мотивации на отдельных

предприятиях региона, условиям труда и уровню медицинского обслуживания рабочего класса, формы подготовки квалифицированных кадров для завода.

8. *Самарский областной государственный архив социально-политической истории* (СОГАСПИ): фонд профсоюзной организации металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности (Ф.Р.4391), фракции ВКП (б) Средневолжского крайотдела профсоюза текстильщиков (Ф.Р-520), в которых содержится информация по деятельности партии и профсоюзов Средневолжского региона в области мотивации труда и улучшения материального положения и жилищно-бытовых условий рабочего класса в 1928–1936 гг.

Всего в работе были использованы материалы 45 фондов центральных и местных архивов.

К опубликованным источникам **второй группы** можно отнести сборники документов, нормативно-правовые и законодательные акты, которые позволяют проанализировать и проследить различные процессы, происходившие на промышленных предприятиях страны. В первую очередь это различные формы проявления социального протеста. После распада СССР стали выходить сборники документов, посвященные ранее запретным темам. В частности, в 2006 г. был опубликован сборник документов, посвященный трудовым конфликтам в СССР. Авторы попытались проанализировать основные причины недовольства различных групп рабочих, рассмотреть взаимоотношения рабочих с администрацией, проследить динамику трудовых конфликтов и забастовок. К трудовым конфликтам и формам их проявления отнесены: волнения, подача рабочими коллективных жалоб и заявлений, групповые отказы от работы, забастовки (стачки), рабочие собрания, «волынки»[51].

Особо ценна для исторического исследования **третья группа** источников: статистические сборники, которые отражают в первую очередь материальную составляющую повседневной жизни рабочих. Можно проследить динамику

[51] Трудовые конфликты в СССР 1930–1991. Сборник статей и документов. М., 2006. 445 с.

заработной платы и премирования[52]. Данные источники зачастую имеют узкую направленность.

Четвертая группа источников включает мемуары и воспоминания современников об индустриализации Средневолжского региона, которые воссоздают картину от первого лица (И. Мизов, Г. М. Толбицын, В. А. Хонин, Л. Р. Милх и др.)[53]. Стоит отметить, что воспоминания о событиях того времени носят позитивный характер, а о проблемах индустриализации Средневолжского края упомянуто вскользь.

Пятая группа: для написания диссертационной работы были использованы периодические издания Средневолжского края («Волжская коммуна», «За индустриализацию», «Пролетарский путь», «Трудовая правда»). В газетах и журналах можно найти богатый фактический материал, который позволяет взглянуть на проблему со стороны обычного рабочего того или иного предприятия. Благодаря периодике тех лет мы можем составить представление о повседневной жизни людей, узнать их интересы и потребности, заботы и переживания. Также с помощью периодической печати можно примерно проанализировать досуг и увлечения рабочих Средневолжского края в исследуемый период. Но при этом стоит отметить, что статьи подвергались цензуре, поэтому максимально достоверной картины с помощью только газет и журналов по изучаемой проблемы получить нельзя.

Следует отметить, что использованные в написании диссертации источники помогли всесторонне исследовать трудовые отношения и повседневную жизнь рабочих промышленных предприятий Средневолжского края, и данный источниковый материал является репрезентативным для решения поставленной цели и заявленных задач.

---

[52] 150 лет Самарской губернии (цифры и факты): Статистический сборник. Самара : Облкомстат, 2000. 405 с. ; Народное хозяйство Ульяновской области. Ульяновск, 1961. 272 с.

[53] *Мизов И.* Ударники Волги. М. ; Л., 1931. 24 с. ; *Толбицын Г. М.* Год социалистического соревнования. Самара, 1930. 28 с. ; *Хонин В. А.* Промышленность Средне-Волжского области. Самара : Государственное издательство. Средне-Волжское отделение, 1929. 128 с. ; *Милх Л. Р.* Средняя Волга в XIV годовщину Октябрьской революции. Москва ; Самара : Гос. изд-во, 1931. 36 с.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые изучены процесс становления и изменения трудовых отношений и повседневная жизнь рабочих промышленных предприятий Средневолжского края в 1928–1936 гг. В диссертационной работе впервые раскрываются условия труда, материальное обеспечение, образование, уровень медицинского обслуживания, жилищные условия, девиантное поведение рабочих Средневолжского края, их мотивация и участие в общественной и культурной жизни региона в 1928–1936 гг. Также был впервые введен в научный оборот значительный комплекс архивных источников, который позволяет нам воссоздать систему трудовых отношений на промышленных предприятиях Средневолжского края и повседневной жизни рабочего в указанный период. Также благодаря массиву источникового материала мы можем получить новые сведения о социальной истории советского государства в годы индустриализации.

Диссертация соответствует пунктам паспорта специальности 07.00.02 – Отечественная история: п. 6. История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития; п. 7. История развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности; п. 11. Социальная политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны; п. 19. История развития российского города и деревни.

Теоретическая и практическая значимость диссертации заключается в том, что ее материалы могут быть использованы при дальнейшем изучении социально-экономической истории России, при разработке специальных курсов по отечественной истории и при преподавании теории и методологии истории, исторических и филологических дисциплин.

Положения диссертации могут представлять интерес для разработки новой системы трудовых отношений на том или ином экономическом объекте либо для совершенствования уже имеющихся стимулов к труду.

Методологической основой исследования вопроса особенностей трудовых отношений и повседневной жизни рабочих является диалектический метод,

который предполагает рассмотрение событий в их развитии и взаимосвязи с другими событиями в окружающей действительности при соблюдении принципов научности, объективности и историзма. Принцип научности требует раскрытия причинно-следственных связей, включения проверенных знаний, которые соответствуют современному развитию науки. Принцип объективности предполагает рассматривать историческую реальность вне зависимости от желаний и взглядов исследователя. Принцип историзма предполагает, что исследователь рассматривает те или иные события во временном пространстве.

При написании работы использовались общенаучные методы описания, анализа, синтеза и др., а также специфические методы исторического исследования, в том числе проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, логический, проблемно-хронологический, которые позволяют рассмотреть проблему трудовых отношений и повседневности рабочих с разных сторон.

Методы индукции и дедукции позволили нам сопоставить конкретные явления на региональном уровне с событиями, которые происходили в СССР. Также указанные методы позволяют изучить влияние политики советского государства на социально-экономическое развитие региона. Большое значение имели методы статистического анализа, которые позволили обобщить изменения отдельных сторон жизни пролетариата Средневолжского края в изучаемый период. Поставленную проблему нельзя было решить без использования антропологического подхода, благодаря которому мы можем понять, какое место в изучаемых событиях занимали рядовые рабочие промышленных предприятий исследуемого региона. Большое значение в рассмотрении вопроса трудовых отношений и повседневности приобретает субъектно-деятельностный подход, предполагающий, что у человека есть способность принимать решения, исходя из собственных мотивов, желаний и потребностей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Благодаря первой и второй пятилеткам Средневолжский край превратился из аграрного района в индустриально-аграрный, что изменило количественный и

качественный состав рабочего класса. Ряды рабочих исследуемого региона пополнились выходцами из мещан, крестьян, служащих. В годы первых пятилеток резко возрос процент привлеченных на производство женщин. Индустриализация региона и социальное происхождение рабочего класса оказывали влияние на формирующуюся систему трудовых отношений и повседневную жизнь рабочих. Развитие образования оказывало большую роль на культурный рост пролетариата. С помощью образования поднимались квалификация, заинтересованность в труде.

2. Партийными, советскими и профсоюзными организациями Средневолжского края в исследуемый период были приняты меры по улучшению материального, бытового и социального обеспечения рабочих, которые оказали серьезное влияние на повседневную жизнь рабочих Средневолжского региона.

3. Форсированная индустриализация в исследуемом регионе привела к увеличению интенсивности труда. Социалистическое соревнование стало важным фактором роста промышленного потенциала региона.

4. Среди пролетариата Средневолжского края были распространены негативные элементы времяпрепровождения: пьянство, прогулы, халатное отношение к производственным обязанностям, которые можно рассматривать как отрицательную сторону формирующихся на предприятиях региона трудовых отношений.

5. В годы первых пятилеток власти проводили мероприятия по улучшению материального положения рабочих: стимулирование ударников, поднятие заработной платы, отмена карточной системы и др. В то же время материальное положение пролетариата оставалось на низком уровне, что было связано с продовольственным кризисом начала 1930-х гг. и дефицитом товаров, низкой зарплатой неквалифицированных рабочих. Интенсификация социалистического соревнования сказывалась на размерах и на системе оплаты труда, что приводило к увеличению разрыва в размере зарплаты между «передовиками» и остальной частью работающих.

6. Высокие темпы промышленного развития вызвали необходимость усиленного внимания к охране труда и медицинскому обслуживанию, которые в

исследуемый период улучшались, но в то же время оставались на низком уровне в силу нехватки средств и отсутствия специалистов. Условия труда рассматривались советской властью как важная часть формирующихся на производстве трудовых отношений.

7. Одной из основных сторон повседневной жизни рабочих Средневолжского края была досуговая сфера жизнедеятельности. Власти стремились взять под контроль свободное время рабочих с целью восстановления физических сил, воспитания рабочего социалистического общества.

8. Строительство новых предприятий Средневолжского края стимулировало рост пролетариата выходцами из других слоев населения, что создавало дефицит жилищной площади. В этих условиях «квартирный вопрос» становится главным в повседневной жизни рабочего класса.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Апробация материалов и основных идей работы были представлены в 15 научных публикациях, в том числе в 3 научных изданиях, входящих в перечень ВАК РФ. Также положения диссертации неоднократно были предметом обсуждения на международных, всероссийских конференциях. Основные результаты диссертации были рассмотрены на кафедре «Всеобщая история и обществознание» Пензенского государственного университета.

Структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

ГЛАВА 1. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И РАБОЧИЙ КЛАСС СРЕДНЕВОЛЖСКОГО КРАЯ В 1928–1936 ГГ.

Советская модернизация была направлена на строительство новых промышленных предприятий, изменение социальной структуры населения, что повлекло количественное и качественное изменение в составе рабочего класса. Детальное изучение этих событий помогает рассмотреть проблемы формирования советского рабочего класса, условия труда, материальное вознаграждение, систему охраны труда на производстве, повседневную жизнь пролетария и, в частности, факторы мотивации труда на производстве.

В первую пятилетку советской властью был сделан упор на легкую промышленность, а во второй акцент сместился на отрасли тяжелой промышленности. Это было связано с необходимостью укрепления обороноспособности страны. В такой сложный момент и шло формирование уклада жизни рабочего.

Главным источником пополнения рабочего класса по всей стране явилось крестьянство, которое высвободилось в результате коллективизации, и непролетарские слои города. В годы второй пятилетки можно наблюдать в рядах рабочего класса женщин и молодежь. Изучение особенностей в структуре пролетариата способствует выявлению особенностей его менталитета, интересов и желаний. Все это позволяет нам многогранно рассмотреть вопрос отношений, складывающихся на производстве.

Серьезное значение в годы первых пятилеток приобрели профсоюзы и партия, которые не только оказывали посильную материальную и моральную помощь рабочим, но и вели среди них идеологическую работу, создавая для молодого Советского государства социальную опору. Тем самым профсоюзы и партия в годы индустриализации, формируя мировоззрение рабочих, оказали влияние на повседневную жизнь и систему трудовых отношений.

Все это позволяет нам многогранно рассмотреть вопрос трудовой повседневности.

§ 1.1. Индустриальное развитие региона

Средневолжский край располагался по среднему течению Волги. Его территория была вытянута в длину с запада на восток на протяжении около 1250 км. Ширина ее колебалась от 10–12 до 330 км. Волга делила край на две неравные части: восточную – Левобережье, или Заволжье, и западную – Правобережье.

Средневолжский край включил в себя семь округов: Оренбургский, Самарский, Бугурусланский, Ульяновский, Пензенский, Сызранский, Кузнецкий и Мордовскую автономную область. Самыми индустриально развитыми были Пензенский, Самарский и Ульяновский округа.

Промышленность края была развита относительно слабо по сравнению с другими территориями СССР. В первую очередь Средневолжский регион был сельскохозяйственным регионом. Причинами слабого индустриального развития областей, входящих в состав края, ученые считали неизученность природных богатств, экономических возможностей, бедность технических сил края. Таким образом, главным основанием краевого территориального определения стала аграрная специализация областей и наличие крепких транспортных связей[54].

Слабое развитие промышленности объяснялось также тенденциями исторического развития. Историческое развитие промышленности страны обусловливалось следующим образом: основное сырье располагалось на Урале и Юге страны, самыми индустриально развитыми регионами были центральные земли, а ближайшие рынки сбыта находились в западных регионах страны.

Исторически сложившееся отставание промышленности Средневолжского края преодолевалось медленными темпами. Еще в 1928/29 г. цензовая промышленность не достигла даже довоенного уровня.

---

[54] *Хонин В. А.* Проблемы индустриализации Среднего Поволжья. М., 1930. С. 22.

Слабое развитие края, естественно, наложило отпечаток на общую культурно-экономическую отсталость региона. Общую хозяйственную отсталость Средневолжского края можно подтвердить нехваткой товарной продукции, составляющей за 1927–1928 гг. на одну душу населения 58,1 руб., когда по РСФСР данный показатель составлял 114,6 руб.

Промышленное развитие региона сдерживалось слабым развитием энергетической базы. Совершенно не было районных электростанций. Локальные станции заводов и фабрик не имели достаточной мощности, чтобы обслуживать промышленность и население. Мощность электрических объектов всех категорий в 1927/28 г. составляла в Средневолжском крае 19,3 тыс. кВт[55]. На развитие энергетической и топливной базы не хватало средств. Государственное финансирование данного сектора было ограниченным.

Мешала развитию промышленности и изношенность оборудования. Средний процент изношенности промышленного оборудования в Средневолжском крае составлял 40–45 %, на некоторых предприятиях 70–80 %[56].

По социальным секторам цензовая промышленность к началу 1928 г. в значительной мере находилась в ведении государственных учреждений, частный же сектор занимал весьма незначительную величину. Из общего числа предприятий государственных было 76 %, кооперативных – 18,6 %, частных – 5,4 %[57]. В годы первых пятилеток все промышленные предприятия региона стали государственными.

Производства, относящиеся к группе, вырабатывающей средства производства (группа «А»), занимают всего лишь 15,5 % от общей суммы выработки. В главной своей массе промышленность Средневолжского края относится к группе легкой промышленности. Ведущее положение в структуре

---

[55] *Шарошкин Н. А.* Промышленность и рабочие Поволжья в 1920-е годы. Пенза, 1998. С. 54–55.

[56] *Каштанов О. А.* Промышленность и рабочий класс Мордовии в период осуществления политики индустриализации страны. 1926–1941 гг. Саранск, 1996. С. 49–50.

[57] *Наякшин К. Я.* Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев, 1962. С. 492.

производства Средневолжского региона занимали: винокуренная, крахмалопаточная, маслодельная, мукомольная, текстильная, кожевенная отрасли.

Промышленность распределялась по губерниям следующим образом: Самарская – 43,9 %, Ульяновская – 27,7 %, Пензенская – 11,7 % и Оренбургская – 11,7 %. Наибольшее количество предприятий, следовательно, было расположено в Самарском, Ульяновском и Пензенском округах. По средней мощности выделялись Сызранский и Кузнецкий округа.

К 1928 г. в крае было 538 цензовых промышленных предприятий с основным капиталом в 138,6 млн руб. и общей мощностью двигательных установок в 56 тыс. лошадиных сил[58].

В 1927/28 г. основной отраслью промышленности данного региона была пищевая. Она давала около 50 % валовой продукции всей цензовой промышленности края. Пищевая промышленность на 3/5 состояла из мукомольных предприятий и на 1/5 – из винокуренного и спирто-водочного производства.

Пищевая, текстильная и другие отрасли, связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья, составляли 73 % всей валовой продукции цензовой промышленности региона.

Основными районами распространения мукомолья были Самарский и Ульяновский округа, а также частью Сызранский и Бугурусланский округа. Средневолжский край имел значительное количество крупных мельниц. В мукомольном деле страны цензовое мельничное хозяйство Средневолжского края дало в 1927/28 г. – 6,2 %.

Из других пищевкусовых отраслей было развито винокурение, спирто-водочное и пивоваренное производства. Последнее было представлено крупнейшим в союзе Жигулевским пивоваренным заводом, продукция которого поставлялась не только на союзный рынок, но и за границу.

Третьей из значительно развитых в Средневолжском крае отраслей промышленности являлась деревообрабатывающая, которая давала валовой

[58] Пятилетний план индустриализации Средневолжского края. М. ; Самара, 1931.

продукции в размере 25,3 млн руб. 57 лесопильных заводов составляли деревообрабатывающую промышленность края. Все они были объединены Средневолжским трестом.

В рамках цензовой лесопильной промышленности СССР Средневолжский край давал 6–7 % всей продукции, а во всей деревообрабатывающей промышленности Союза – около 5,5 %.

Тяжелой промышленности и машиностроения по сути дела не было. Металлообрабатывающая промышленность была развита крайне слабо и имелась главным образом в крупных городах (чугунно-литейные ремонтные заводы и мастерские). Самарский завод «Средневолжский имени «ЦК Металлистов» специализировался по станкостроению, Пензенский производил несложные сельскохозяйственные машины. Имелась также Штамповочная фабрика в Самаре. На долю данной отрасли приходилось всего лишь 1,3 % всей цензовой промышленности региона[59].

Кожевенная промышленность располагалась в Самаре, Оренбурге и Кузнецке.

В текстильной промышленности особое место занимало грубосуконное производство: 5 фабрик в Ульяновском округе, 4 фабрики в Сызранском, 4 в Кузнецком и по 1 фабрике в Пензенском и Самарском округах. Имелась также одна льнопрядильная фабрика в Мелекесе (Ульяновский округ). Грубосуконная промышленность имела важное государственное значение и составляла почти пятую часть всей промышленности региона. Данная отрасль работала в основном на привозном сырье и почти не имела связи с местным сельским хозяйством.

Бумажная промышленность состояла из четырех фабрик в Сызранском округе, одной – в Ульяновской, одной – в Саранском округе и одной, наиболее крупной, – в Пензе («Маяк революции»).

Спичечная промышленность располагалась в Пензенском округе в Нижнеломовском районе – «Власть народа» и в Самаре – фабрика «Волга».

---

[59]ГАСО. Ф. Р-655. Оп. 5. Д. 75. Л. 50.

В последние годы НЭПа в Средневолжском регионе бурно развивалась мелкая и кустарно-ремесленная промышленность. Об этом свидетельствуют и цифры. В 1927/28 г. данная отрасль народного хозяйства произвела валовой продукции почти на 177 млн руб. На 1 октября 1928 г. в Средневолжской области в кустарном производстве было занято 180 тыс. человек (таблица 1)[60].

Таблица 1 – Удельный вес цензовой и кустарной промышленности Средневолжской области по числу занятых лиц и произведенной продукции на начало индустриализации

Отрасль	Число занятых лиц (тыс. человек)		Валовая продукция (млн руб.)	
	Цензовая промышленность	Кустарная промышленность	Цензовая промышленность	Кустарная промышленность
Кожевенно-обувная	789	26837	6,8	22,5
Швейная	1146	18390	6,1	28,8
Металло-обрабатывающая	1264	13462	2,7	5,2
Трикотажная	–	2658	–	1,44
Дерево-обрабатывающая	3536	35769	25,3	7,6
Канатно-веревочная	156	3302	0,8	2,2
Валяльно-войлочная	72	14298	0,2	9,1
Пищевая	6448	25819	10,5	72,6

Как мы можем видеть, в ряде отраслей кустарная промышленность являлась основной, а цензовая лишь служила ее дополнением. Приведенные статистические данные еще раз подчеркивают, что к началу первой пятилетки Средневолжский край был сельскохозяйственным регионом. Валовая продукция, производимая кустарями, в несколько раз превышала показатели цензовой промышленности.

[60] РГАЭ. Ф. Р-4372. Оп. 36. Д. 748. Л. 5. ; *Серебрянская Г. В.* Волго-Вятский арсенал: промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Н. Новгород, 1997. С. 12.

Особенно это заметно в кожевенно-обувной, швейной и пищевой отраслях производства.

Но, несмотря на все вышеуказанное, у Средневолжского края были великолепные возможности индустриального развития.

Сельскохозяйственные ресурсы покрывали потребность развивающейся промышленности региона. При этом учитывались низкая товарность и вообще отсталость сельского хозяйства, и это в начале пятилетки в связи с принимаемыми мерами по реконструкции и интенсификации должно было измениться в сторону еще большего увеличения сырьевых ресурсов.

Сельскохозяйственные ресурсы открывали большие возможности для развития пищевой, кожевенной, пенько-джутовой отраслей. Предполагалось, что кожевенная промышленность, несмотря на быстрый темп роста, будет перерабатывать менее 50 % местного сырья.

Широкие перспективы развития имела маслобойная промышленность ввиду пуска Оренбургского и Самарского маслозаводов.

Значительные ресурсы картофеля обеспечивали дальнейшее расширение винокуренной промышленности и картофельно-терочного производства.

Наличие собственного лесосырья, удобство получения лесных ресурсов с Ветлужских массивов облегчало развитие деревообрабатывающей и спичечной отраслей промышленности.

Недалеко от Самары располагались залежи гипса и серной руды большой площади. Также недалеко от города находились значительные месторождения гудронного песчаника. Гудронный песчаник чуть позднее был обнаружен и в Бугурусланском районе.

На богатейших запасах глины и известняка при грамотном подходе можно было развернуть цементное дело. Сырьевые ресурсы мела и песка создавали предпосылки для развития стекольной промышленности.

В Оренбургском районе имелись месторождения марганца, никеля, хромруды, золота, огнеупорной глины, глины-краски, соли и т. д. В Мордовской

автономной области находились залежи мергеля, трепела, известняка, торфа и т. д.[61]

Накануне индустриализации промышленность Средневолжского региона потребляла преимущественно дровяное топливо. Преобладающее значение данного вида топлива объяснялось достаточным количеством лесных массивов в северо-западной части области и сравнительной дешевизной сплава с верховьев р. Волги.

На втором месте стоит торфяное топливо. Как раз накануне и в самом начале производился перевод ряда предприятий на торфяное топливо (в частности, стекольные заводы). Снабжение другими видами топлива (нефть, каменный уголь) находилось в сравнительно неплохих условиях по сравнению с рядом других регионов СССР.

Советская власть понимала значимость Средневолжского края в хозяйстве СССР. Поэтому, с самого начала индустриализации в данном районе начались геологоразведочные работы. Интересна динамика капиталовложений в крае: в 1929 г. – 0,5 млн руб., в 1930 г. – 1,5 млн руб., в 1931 г. – 4,6 млн руб.[62] Как мы можем видеть, из года в год капиталовложения увеличивались в несколько раз. Это не могло не привести к позитивным результатам. Стоит еще сказать, что в сентябре 1930 г. все организации, занимавшиеся геологоразведочными работами, были объединены в Волжское отделение Государственного геологоразведочного управления (ГГРУ).

Топливные ресурсы Средневолжского края исчислялись залежами торфа в 250 млн т. На территории края располагалось около 50 нефтеносных площадей. А огромные залежи горючих сланцев составляли, по предварительному заключению, более 6 млрд т.

Не стоит забывать, что Средневолжский регион имел благоприятные транспортные условия. Железные дороги региона связывали основные восточные

---

[61] *Коновалов М. М.* Мордовская автономная область // Среднее Поволжье. 1931. № 1-2. С. 60–76.

[62] *Брыков А., Петров П.* Средняя волга на перепутье. М. ; Самара, 1932. С. 10.

магистрали страны с Сибирью, Азией, центром и т.д. В Ульяновске, Самаре и Сызрани происходило пересечение крупных водных и железнодорожных путей.

Можно сделать вывод, что для промышленного развития Средневолжского края имелись и полезные ископаемые, и благоприятные географические условия. Также географическое положение региона создавало хорошие возможности для развития оборонной промышленности. То есть индустриализация Средневолжского края становилась важнейшей хозяйственно-политической задачей.

В августе 1928 г. состоялась I областная партийная конференция. В соответствии с директивами партии был разработан план промышленного развития края. Основные задачи были выдвинуты следующие:

– форсированное развитие отраслей промышленности по переработке местного сельскохозяйственного сырья;

– развитие отраслей промышленности, обслуживающих сельское хозяйство;

– резкое увеличение темпов промышленного развития края по сравнению с другими областями, краями и республиками страны;

– развитие отраслей промышленности по выработке продукции широкого потребления;

– развитие отраслей промышленности, занимающихся переработкой залежей минерального сырья[63]. С ускоренным развитием промышленности была тесно связана программа «коренного преобразования сельского хозяйства». Но стоит сказать, что темпы реконструкции в данном регионе были незначительными, да и размер капиталовложений оставлял желать лучшего.

Составленный и утвержденный Госпланом СССР первый вариант пятилетки рассматриваемого региона предусматривал вложить в строительство новых предприятий 112, 5 млн руб., в том числе 73,3 млн в промышленность группы «А» и 39,2 млн – группы «Б», на реконструкцию производства предполагалось затратить 75 млн руб. (приложение 4). И. В. Сталин доказывал, что возможно

[63] СОГАСПИ. Ф. Р-655. Оп. 5. Д. 75. Л. 85.

выполнить «оптимальный план» в три или даже два с половиной года, но на практике фондов для массового строительства не оказалось.

Также отдельно намечалось вложить в химическое производство 7,8 млн руб., в том числе в основную базу индустриализации – сланцевую отрасль – 5 млн. Удельный вес вложений составил всего лишь 1,2 % по отношению к вложениям по Советскому Союзу. Химическое применение сланцев открывало перспективы для химизации региона в направлении организации производств, содействовало развитию деревни и укреплению обороны государства.

Пленум местного обкома партии, проходивший 9–13 апреля 1928 г. утвердил минимальный объем капиталовложений в промышленность ВСНХ на 1928–1933 гг. в сумме 175,8 млн руб., в том числе на новостройки – 119,4 млн руб.

В июне 1929 г. Средневолжский ОСНХ (областной совет народного хозяйства) и областная плановая комиссия предложили новый вариант пятилетнего плана развития промышленности с суммой капиталовложений уже более 187 млн руб. Данные организации также подчеркивали необходимость развития на территории области кожевенной промышленности в связи с тем, что на территории региона был целый ряд крупных боен скота.

Индустриализация началась в начале 1928 г., но суммы капиталовложений в промышленность Средневолжского региона постоянно менялись. Поэтому неудивительно, что для первых годов модернизации Средневолжского края были характерны срывы и невыполнение производственных программ.

К концу 1929 г. были достигнуты первые успехи в развитии промышленности Средневолжского края. Вошли в строй все старые производственные мощности, велось новое капитальное строительство, повысились темпы роста промышленного производства, начавшаяся разведка полезных ископаемых установила, что край имеет большие запасы

высококачественных бурых железняков[64]. Поэтому и по Союзу, и по Средневолжскому краю плановые показатели завышались.

II краевая партийная конференция, проходившая в 1930 г., утверждала, что имеются благоприятные предпосылки для значительного сокращения сроков выполнения первого пятилетнего плана и увеличения объема промышленного строительства. Поэтому сразу встал вопрос о более существенном финансировании.

15 февраля 1930 г. ЦК в своем постановлении указывал на увеличение объема капиталовложений в промышленность региона. Намечалось вложить в развитие индустриализации свыше 1,5 млрд руб. В первоначальном варианте на пятилетку намечались капиталовложения всего лишь в объеме 187 млн руб.[65] Хотя в процентном отношении капиталовложения в промышленность на 1929/30 г. составляли 39 %, а на 1930/31 г. всего лишь 7,4 %[66]. О малых суммах капиталовложений в промышленность региона свидетельствует и сравнительная статистика с соседними регионами (таблица 2)[67].

Таблица 2 – Капиталовложения в промышленность регионов за 1930 г.

Регион	Общая сумма капиталовложений
СССР	16101,5
Северный Кавказ	863,0
Нижневолжский край	471,0
Центрально-черноземная область	421,3
Средневолжский край	187,6

Исходя из данных таблицы 2, неудивительно то, что промышленность Средневолжского региона отставала от индустрии соседних регионов.

[64] *Храмков Л. В.* Введение в Самарское краеведение. Самара, 2007. С. 251.
[65] СОГАСПИ. Ф. Р-1141. Оп. 3. Д. 51. Л. 15 – 18.
[66] Народное хозяйство и профсоюзы Средней Волги. Самара, 1932. С. 1.
[67] *Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А.* Индустриальное развитие Поволжья. 1928 – июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки. Пенза, 2004. С. 113.

Финансирование Нижней Волги превышало капиталовложения Средневолжского края в три раза, а финансирование Кавказа и вовсе в пять раз.

Также намечалось не только увеличить промышленное строительство, но и изменить структуру промышленности: переход от легких отраслей производства к тяжелому. Пятилетний план предусматривал строительство более сотни новых промышленных объектов. То есть задача была – повысить удельный вес промышленности в народном хозяйстве края. Местной властью были даны следующие установки:

– повысить удельный вес промышленности края в общем балансе СССР путем широкого использования местных сырьевых возможностей и энергетических ресурсов;

– создать благоприятные условия для интенсивного развития сельского хозяйства на основе повышения технической базы и значительного расширения предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья.

Пятилетним планом намечалось построить целый ряд промышленных предприятий, в том числе машиностроительные заводы – котельный завод, завод химической аппаратуры, тракторных молотилок, судостроительной верфи. Только на один 1932 г. в новостройки Самары намечалось вложить 40–45 млн руб. Большинство предприятий должны были построить в районе Безымянки: нефтеперегонный завод, котельный завод, завод химической аппаратуры, кирпичный завод и многое другое[68]. Также ЦК ВКП (б) указывал, что имел место чрезвычайно низкий удельный вес промышленности в экономике края и малочисленность рабочих кадров. При этом имелись достаточные благоприятные географические условия и значительные сырьевые и энергетические ресурсы для более быстрого развития промышленности.

Серьезные успехи были и в Пензенском округе. В 1928 г. были выпущены первые велосипеды местным велозаводом. Пензенские велосипеды были менее эстетичны, чем харьковские или рижские, но отличались высокой надежностью.

[68] СОГАСПИ. Ф. Р-656. Оп. 5. Д. 10. Л. 7.

В октябре 1931 г. завод переименован в велосипедный, а 9 апреля 1933 г. заводу присвоено название «Пензенский завод имени М. В. Фрунзе» (ЗИФ). Но нарастить производство сразу не удалось. Вместо запланированного на 1931 г. выпуска 70 тыс. велосипедов было выпущено 50 тыс. А план на 1932 г. был рассчитан уже на 12 тыс. Но в целом, выпуск валовой промышленности за годы первой пятилетки вырос в 1,8 раза. Это был успех. Город становился промышленным центром.

1-3 апреля 1929 г. проходил пленум Пензенского окружкома, на котором решено, что партийные организации должны были не ослаблять внимание к вопросам промышленного строительства округа. Говорилось о строительстве кирпично-черепичного завода, пяти крахмалопаточных, масло- и хлебозаводов, швейной фабрики, реконструкция и расширение производства механического, кирпичного заводов, восстановление Бессоновского крахмалопаточного предприятия.

Проблема индустриализации поднималась на партийных конференциях разного уровня. На III краевой партийной конференции отмечалось, что Ульяновск и прилегающий к нему район должны стать одним из новых промышленных центров края. Для этого сложились благоприятные предпосылки: дешевая топливная база, необходимое сырье для развертывания химической, силикатной промышленности, промышленности стройматериалов. Уже имелись предприятия в городе, на которых можно было развернуть выпуск необходимой продукции. Состоянием экономической работы интересовалась также и Рабоче-крестьянская инспекция (РКИ). Так, 8 августа в Ульяновском округе предметом анализа стала деятельность Языковской суконной фабрики, 19 сентября – Игнатовской.

В конце ноября – начале декабря состоялся I съезд ударников Самарского округа, который обсудил итоги года и определил перспективы на оставшуюся часть пятилетки. Огромную роль в выполнении производственных программ сыграли производственные конференции, где рабочие обменивались своим опытом. Данные конференции носили отраслевой характер. За первый год пятилетки было проведено свыше 50 подобных совещаний. Главной задачей подобных мероприятий была передача успешного опыта индустриализации с одного

предприятия на другой. Благодаря исключительно самоотверженному труду ударников удавалось выполнять производственные программы.

На примере этих трех округов еще раз подтверждается положение, что индустриализация Средневолжского края была важной государственной задачей.

Очень важное значение имела проблема разработки сланцев, на которую планировалось израсходовать 50 млн руб. Добыча этого топлива увеличилась с 15 тыс. т в 1930 г. до 82 тыс. т в 1931 г. К тому же в Сызрани заканчивалось строительство сланцеперегонного завода[69].

Во всех районах края открывались новые предприятия. В 1931 г. были сданы медеплавильный завод в Кашпирском районе (Самарский округ), силикатный завод в Чапаевске, в 1932 г. – толерубероидная фабрика в Самаре, группа кирпичных заводов. Также в 1931–1932 гг. началось строительство крупных промышленных предприятий. На строительство новых индустриальных объектов выделялось больше в 5 раз финансовых средств по сравнению с 1931 г. К числу новостроек, которые имели всесоюзное значение, относились нефтеперегонный в Самарском округе, мясокомбинат и теплоэлектроцентраль в Пензе. В Самаре началось строительство карбюраторного завода, завода «Автотрактородеталь», Самарской гидроэлектростанция (СамГРЭС), велась реконструкция Самарского железнодорожного узла и ряда других объектов. В Пензе на заводе им. Фрунзе расширялось большое велосипедное производство и специальный цех по производству автосвечей. В Сызрани шло строительство механизированной шахты, мощной теплоэлектростанции. В Мордовской автономной области особенно отличались пенько-джутовый комбинат с количеством рабочим более двух тысяч и один из крупнейших в СССР консервных комбинатов[70]. Было начато строительство ряда промышленных объектов в Ульяновске, Чапаевске, Кузнецке и других городах региона[71].

---

[69] СОГАСПИ. Ф. Р-1141. Оп. 4. Д. 71. Л. 57.
[70] Ивашкин А., Кладов А. Социалистическая промышленность Мордовской АССР. // Советская Мордовия: очерки, посвященные 20-летию республики. Саранск, 1950. С. 24 – 48.
[71] ГАСО. Ф. Р-779. Оп. 8. Д. 19. Л. 1.

На основе таблицы 3, мы можем увидеть значительный прирост продукции в первые годы индустриализации, что также свидетельствовало о расширении промышленности в регионе[72]. Если к концу 1928 г. прирост выпуска промышленной продукции составил всего лишь около 4 %, то к концу 1931 г. он составлял 63 % по сравнению с 1927 г. Но в целом в первые годы пятилетки Средневолжский край продолжал оставаться сельскохозяйственным. Об этом свидетельствуют статистические материалы. Только к концу третьего года индустриализации рост промышленности показал серьезные цифры. К концу 1928/29 г. промышленность региона уступала в производстве продукции сельскому хозяйству почти в два раза.

Таблица 3 – Рост валовой промышленной продукции в 1926 – 1931 гг. по Средневолжскому региону[73]

Год	Выпуск валовой промышленной продукции
1926/27	108,1 %
1927/28	112,3 %
1928/29	144 %
1929/30	146,7 %
1930/31	171,2 %

К примеру, промышленность Пензенского округа за 1928/29 г. выросла на 23,1 % по сравнению с прошлым годом, а в Ульяновском округе – на 10,1 %. Промышленность стройматериалов увеличила выпуск продукции в 6,5 раза, металлопромышленность – в 9 раз, деревообрабатывающая – в 3,5 раза, выпуск одежды возрос в 10 раз[74].

Для Средневолжского края большое значение имело постановление ЦК партии от 15 февраля 1930 г. «Об основных хозяйственных

---

[72] *Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А.* Индустриальное развитие Поволжья. 1928 – июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки. Пенза, 2004. С. 125.

[73] Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А. Индустриальное развитие Поволжья. 1928 – июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки. Пенза, 2004. С. 130–131.

[74] *Брыков А.* Средняя волга на переломе. М. ; Самара, 1932. С. 4.

проблемах Средневолжского края». Планировалось направить дополнительные финансовые средства в сланцевую отрасль – 207,5 млн руб., лесную – 113,4 млн, строительную – 67,3 млн, металлообрабатывающую – 38,6, цветную металлургию – 32,6 млн.

1929/30 год в целом предприятия региона закончили успешно. Выпуск валовой промышленной продукции составил 61,7 млн руб. В плане было указано 61 млн. В 1930 г. производство валовой продукции всей крупной промышленности возросло на 40 %.

1931 г. стал переломным в преодолении отставания промышленного развития Поволжья. 8 мая На заседании Госплана слушали отчет Средневолжского крайплана и принял решение, в котором говорилось, что темпы капитального строительства не обеспечивают решающего сдвига в индустриализации региона на основе энергетического и химического использования минерального сырья. Госплан указывал, что следует завершить геологоразведочные и научно-исследовательские работы, осуществить перелом в развитии металлопромышленности. В 1931 г. на Средней Волге было создано 11 новых предприятий. Некоторые заводы подвергались реконструкции. Так, завод им. Фрунзе (Пензенский округ) организовал производство велосипедов и автосвечей.

Партийная конференция, состоявшаяся в 1932 г., отметила, что темпы индустриального развития значительно увеличились за счет более полной загрузки существующих предприятий, их коренной реконструкции, а также завершения строительства крупнейших новостроек. Исходя из этого, на строительство фабрик и заводов выделялось в 1932 г. средств в 5 раз больше, чем в 1931 г. Наиболее важными объектами являлись объекты электростроительства: Орская теплоэлектроцентраль, Капширская теплоэлектроцентраль на сланцах, СамГРЭС. Предусматривалось окончание строительства электростанций в Пензе, Кузнецке.

Проводились работы по реконструкции промышленности: переоборудование производства, укрупнение, рационализация производства, сокращались мелкие нерентабельные заведения, строились новые заводы. То есть предприятия стали увеличивать выпуск продукции. Так, Средневолжский механический завод,

созданный на базе железнодорожных мастерских и переоборудованный на выпуск станков тяжелого типа, увеличил выпуск продукции с 1,1 млн руб. в 1929 г. до 2,2 млн в 1930 г.[75]

Всего за годы первой пятилетки было построено и введено в работу 65 новых предприятий. Наиболее значительными являлись следующие: заводы автозапчастей в Оренбурге и Самаре, толерубероидная фабрика, 3 гудронных и асфальтовых завода, 5 силикатно-кирпичных заводов, Трепельный завод, Кашпирский, завод тракторных запчастей и некоторые другие. Наиболее крупной реконструкции были подвергнуты 12 предприятий. Особо стоит здесь отметить станкостроительный завод, завод киноаппаратуры в Самаре, котельный завод в Самаре, Пензенскую бисквитную фабрику, Пензенский завод «Красный пахарь», Кузнецкий завод «Возрождение»[76].

На декабрьском пленуме крайисполкома 1932 г. говорилось, что за пятилетку продукция тяжелой промышленности выросла с 26 млн в 1928 г. до 78 млн руб. в 1932 г., продукция легкой промышленности – с 65 до 170 млн руб., пищевая – с 90 до 200 млн руб. Валовая продукция всей цензовой промышленности края на начало индустриализации составляла 187,0 млн, а к 1932 г. она возросла до 514,2 млн руб. Если в 1929 г. мощность всех электростанций составляла 23 тыс. кВт., то в конце 1932 г. этот показатель увеличился до 50 тыс. кВт[77]. То есть промышленность приобретала ведущую роль в народном хозяйстве Средневолжского края. Об этом и говорят данные таблицы 4.

---

[75] *Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А.* Индустриальное развитие Поволжья 1928 – июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки. Пенза. 2005. С. 69.
[76] СОГАСПИ. Ф. Р-1141. Оп. 40. Д. 113. Л. 181.
[77] ГАСО. Ф. Р-779. Оп. 8. Д. 18. Л. 8.

Таблица 4 – Динамика развития легкой промышленности Средневолжского края в 1932–1936 гг.

Отрасль	1932 г.			1936 г.		
	Среднее число рабочих	Осн. произв. фонды (тыс. руб.)	Валовая продукция (тыс. руб.)	Среднее число рабочих	Осн. произв. фонды (тыс. руб.)	Валовая продукция (тыс. руб.)
Текстильная	10051	20416	54274	10166	31107	78298
Швейная	5830	3074	36398	7075	5001	46605
Кожевенная, меховая, обувная	1793	1642	8244	1936	1359	8151

Общий объем капитальных вложений в промышленность края за 1932 г. составил 166 млн. против 45,3 млн за прошлый год. Примерно столько же планировалось вложить и в 1933 г. О росте промышленной продукции свидетельствуют и статистические материалы[78].

Из данных таблицы 5 можно увидеть, что в первые годы индустриализации производство промышленных предприятий составляло одну треть от всего народного хозяйства региона[79].

Таблица 5 – Рост промышленной продукции цензовых предприятий Средневолжского края (млн руб.) за 1929–1931 гг.

	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Валовая продукция народного хозяйства	1116,1	1191,1	1248
Цензовая промышленность	251,4	336,8	463,2

По производству валовой продукции первое место продолжало занимать пищевое производство. Второе место в крае занимало текстильное производство. Далее шли лесная промышленность, кожевенно-обувное производство, писчебумажная, химическая и т. д.

[78] ГАСО. Ф. Р-779. Оп. 8. Д. 18. Л. 8.

[79] *Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А.* Индустриальное развитие Поволжья. 1928 – июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки. Пенза, 2004. 203 с.

Важнейшим итогом первой пятилетки также, безусловно, можно считать следующее: были выявлены огромные природные ресурсы, в частности богатейшие ископаемые Орско-Халиловского промышленного округа, начато строительство ряда промышленных гигантов, о которых было указано выше.

Тяжелая промышленность была плохо развита в Средневолжском крае. В металлообрабатывающей отрасли было представлено всего семь небольших предприятий. Особое место принадлежало Самарскому станкостроительному заводу и штамповочной фабрики. Но для развития отрасли были все условия: развитие энергетической базы, металлургии на основе крупных залежей бурых железняков.

Также имелось достаточное количество металлистов, т. е. рабочих рук хватало. В некоторых округах развивалась к тому же кустарная промышленность.

Как уже отмечалось выше, Средневолжский край имел месторождения медных и никелевых руд. При этом же промышленность цветных металлов в СССР была развита слабо. Особое место занимало станкостроение. Средневолжский край должен был стать одним из центров данной отрасли производства. Производство станков по металлу уже активно осуществлялось в Самаре. Из года в год местный станкостроительный завод наращивал объемы производства. В Ульяновском округе планировалось создать завод по производству деревообрабатывающих станков. Пензенский велозавод в это время тоже стал производителем станков. Работал цех по производству фрезерных станков-автоматов «Индекс-112».

Параллельно советская власть осуществляла модернизацию сельского хозяйства. В деревне начала появляться специализированная техника. Особое внимание придавалось выполнению правительственных заказов на производства запасных частей к тракторам. В Средневолжском крае подобные детали изготавливали Пензенский велосипедный, Куйбышевский заводы и предприятия им. Масленникова. Стоит сказать, что Пензенский велозавод организовал автотракторное свечное производство. Оно развернулось в двух самостоятельных цехах. То есть самое крупное предприятие Пензенского округа носило многоотраслевой характер.

Можно сделать вывод, что для Средневолжского края был характерен рост производства в машиностроении. Поскольку исторически Средневолжский регион был сельскохозяйственным регионом, то машиностроительные предприятия изготавливали машины для нужд села. Был возведен ряд новых предприятий, которые были оборудованы новейшей техникой. Ускоренными темпами велось сооружение тракторного и комбайнового заводов.

В годы первой пятилетки успешно развивалась топливная промышленность. Как таковой до 1928 г. в Средневолжском регионе не было топливной базы. Производственные программы добычи ресурсов в годы первой пятилетки так и не были выполнены. Причина неудач заключалось в слабом финансировании.

Химическая промышленность региона была представлена заводом по производству взрывчатых веществ в Чапаевске (Самарский округ) и спичечной фабрикой в Верхнем Ломове (Пензенский округ), на которой трудилось более 1000 рабочих.

Как уже говорилось, Средневолжский край имел достаточно развитую деревообрабатывающую промышленность. План предусматривал создание еще большего количества новых предприятий и реконструкцию старых. В Пензенском округе было построено целых два новых лесозавода. Стоит сказать, что Пензенский район был лидером в данной отрасли среди всех регионов Средневолжского края.

Средневолжский регион страдал от слабой энергетической базы. Это признавали и партийные лидеры Средневолжского края. Так, ответственный секретарь Ульяновского окружного комитета ВКП (б) Л. Р. Милх говорил следующее: «Раньше мы, Средняя Волга, давали стране хлеб и мясо. Будем давать хлеб, мясо, металл и нефтепродукты. Вот то новое, что характеризует собой лицо Средневолжского края. Больше всего эту работу может затормозить недостаток энерговооруженности края. Надо достроить небольшую станцию в Оренбурге и других городах и ставить наряду с Волгостроем ряд новых задач, особенно базируясь на сланцах»[80].

[80] *Милх Л. Р.* Средняя Волга в XIV годовщину «Октябрьской революции». Самара, 1931. С. 20 – 21.

Первый пятилетний план развития Средневолжского края предусматривал увеличить мощность энергоустановок только до 33 тыс. кВт/ч. Это, конечно же, не соответствовало задачи становления края как индустриально развитого. В 1930 г. было принято решение о строительстве Самарской ГРЭС. В конце 1920-х гг. сооружается первая в регионе гидроэлектростанция в Сызрани, мощность которой составила около 2 тыс. кВт/ч. Годом позже была пущена Пензенская электростанция. В 1931 г. планировалось сооружение еще двух районных станций. К тому же была увеличена мощность Самарской тепло-электроцентрали, расширялись электростанции в Оренбурге и Ульяновске. В итоге к концу пятилетки количество действующих электростанций в Средневолжском крае увеличилось с 15 в 1928 г. до 45 в 1932 г..

Конечно, Средневолжский регион по мощности электростанций занимал небольшой удельный вес в стране, но в годы первой пятилетки наметился серьезный подъем в строительстве новых и реконструкции действующих электростанций. Но на основе данных таблицы 6, мы можем видеть, что из года в год капиталовложения в энергетическую базу Средневолжского края падали[81].

Таблица 6 – Удельный вес вложений в электростроительство по отношению ко всем вложениям в народное хозяйство

Регион	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
СССР	3,7 %	3,9 %	4,5 %	–
Средневолжский край	4,6 %	3,3 %	2,7 %	2,5 %

Легкая промышленность по сравнению с тяжелой развивалась более ускоренными темпами. Наибольший удельный вес занимало текстильное производство. В объединение союза рабочих текстильной промышленности в начале пятилетки входило 17 предприятий. Стоит отметить, что грубосуконная

[81] *Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А.* Индустриальное развитие Поволжья. 1928 – июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки. Пенза, 2004. С. 209.

промышленность региона составляла половину всего производства грубых сукон СССР. Первый год пятилетки принес дальнейший рост суконного производства. Отдельные фабрики, такие как, к примеру, им. Гимова, им. Ст. Разина (Ульяновский округ) перевыполнили производственное задание. В годы первой пятилетки улучшил показатели Сызранский кожевенный завод. В 1930 г. план был выполнен на 101 %, в 1931 г. – на 104,8 %, в 1932 г. – на 105 %, в 1933 г. – на 248,7 %.

Стекольное производство Средневолжского края было представлено двумя заводами. Особо следует отметить Никольский стекольный завод (Пензенский округ). В 1764 г. с разрешения императрицы Екатерины II А. И. Бахметьев основал Никольско-Бахметевский хрустальный завод, который уже вскоре получил всероссийскую известность, а в конце XIX в. и вовсе международное признание. После революции 1917 г. завод, сменивший название, стал народной собственностью. Смена в 1923 г. вывески на «Красный гигант» не принесла существенных изменений в жизнь завода: он продолжал выдавать сортовую посуду, не забывая о высокохудожественных заказах[82]. В 1931 г. завод произвел 833 т выдувной посуды, 863 т прессованной и 184 т аптекарской. Посуда «Красного гиганта» пользовалась огромным спросом не только в пределах Союза, но и за рубежом.

Планировалось развитие и писчебумажной промышленности путем строительства двух целлюлозно-бумажных комбинатов в Сызрани и Ульяновске. В данной отрасли ведущим предприятием оставался «Маяк революции». Фабрика была образована еще в 1850 г. П. В. Сергеевым и получила его имя. В первый год пятилетки предприятие, как и многие другие, перевыполнило задание по производству бумаги. 20 января 1930 г. предприятие перешло на ударную работу. В 1931 г. было выпущено продукции на сумму 6,5 млн руб.

Ведущее положение в Средневолжском крае занимала пищевкусовая промышленность. Особо выделялось мукомолье. Центром мукомолья оставались,

---

[82] *Парафонова В. А.* Бриллиант в хрустальной империи // Наука в России. 2011. № 5. С. 87–95.

как и в дореволюционное время, Самара и Мелекесс. Край был одним из центров производства мясной промышленности.

Средневолжский край имел развитую кондитерскую промышленность. Бисквитная фабрика в Пензе производила разнообразные карамель и пряники. Численность рабочих, трудившихся на фабрике к концу первой пятилетки, составила более 1300 человек. В 1932 г. было произведено более 26 тыс. т продукции. Крупным предприятиям были и Куйбышевская кондитерская фабрика, на которой трудилось к началу второй пятилетки более 500 рабочих[83]. Параллельно в Пензе проводилась реконструкция дрожжевого завода. К тому же Пензенский округ имел развитую крахмалопаточную промышленность, представленную 34 предприятиями. В апреле 1931 г. было принято постановление об объединении всех крахмалопаточных заводов в Средневолжский трест. А с середины лета трест был переведен из Самары в Пензу. Остальные предприятия данной отрасли располагались в Ульяновском округе и Мордовии.

Также на территории Средневолжского края с нуля были созданы два механизированных хлебозавода (в Пензе и Самаре). Спиртовые предприятия из года в год увеличивали свою производительность – завод № 79 (Рамзай), Алексеевский завод № 14 и др.

Каждый округ тоже имел свои планы по развитию мелкой и кустарно-ремесленной промышленности. Большинство кустарных промыслов было рассредоточено в Пензенском, Ульяновском и Самарском округах. Планом предлагалось увеличить выпуск валовой продукции в разы. Этому должно было способствовать производственное кооперирование кустарей, которое началось с конца 1928 г. При этом на местах власть применяла меры экономического и внеэкономического характера, зачастую дискриминируя кустарей в области их политических и социальных прав.

Но, несмотря на развитую пищевую промышленность, Средневолжский край в 1932 г. не смог выполнить производственную программу первого квартала. Это

[83] ГАСО. Ф. Р.-2100. Оп. 1. Д. 94. Л. 13.

было в первую очередь связано со слабым руководством и слабой массово-воспитательной работой. Несмотря на то, что было объявлено об успешном завершении пятилетки за четыре года и три месяца, задания к 1932 г. по многим промышленным объектам, как по Союзу, так и по Средневолжскому региону выполнены не были.

По краю борьба за индустриализацию дала значительное повышение удельного веса промышленности в общем объеме народного хозяйства. За пятилетку цензовая промышленность поднялась с 22,5 до 35,7 %, а вместе с мелкой промышленностью – с 39,3 до 50,7 %, сельское хозяйство снизилось с 51,3 до 38,9 %. Удельный вес в валовой продукции группы «А» за период с 1925/26 по 1930 г. оставался неизменным в 23 % и только в 1931 г. группа «А» поднялась до 28 %.

Валовая продукция цензовой промышленности четырех наркоматов в неизменных ценах от 1925/26 к 1932 г. возросла с 204 до 527 млн руб. Стоит заметить, что промышленное развитие начало набирать серьезные обороты лишь в 1931–1932 гг. Но при этом среднегодовые темпы прироста валовой промышленности были выше на 12–13 %, чем в целом по Советскому Союзу (22 %).

Вместе с достижениями имелись и существенные недостатки. По ряду предприятий себестоимость продукции вместо снижения растет (красный кирпич, пиломатериал бессортный, станок фуго-фрезинины). Себестоимость текстильной промышленности за 1931–1932 гг. оставалась почти на одном уровне. Мелкая и кустарно-ремесленная промышленность за пятилетку не имела большого развития[84].

Конечно же, целый ряд объектов, намеченных к строительству в первой пятилетке, так и не был завершен, но накопленный опыт позволил более широко развернуть промышленное строительство в регионе. Если останавливаться на

[84] 15 лет Средней Волги. М. ; Самара. 1932 г. С. 4–5.

промышленных предприятиях, то следует выделить следующее благодаря докладу председателя Куйбышевского совета народного хозяйства В. А. Хонина:

– неритмичность снабжения сырьем, материалами, финансовыми средствами;

– недостаточное обеспечение квалифицированными кадрами, транспортом для перевозки сырья и необходимых для производства материалов;

– текучесть кадров, наличие большого количества сезонных рабочих.

В свою очередь уже упомянутый выше ответственный секретарь Ульяновского окружного комитета ВКП (б) Л. Р. Милх отмечал: «Мы переживаем «детские болезни» начала больших строек. На примере карбюраторного завода мы убедились, что строили плохо, медленно, непродуманно, еще не научились сосредотачивать свои силы на этом с такой же упорностью, как делаем это, скажем, в отношении сева»[85].

Выпали из строительства завод дорожных машин, Самарский литейно-механический, два ремонтных завода, трубопрокатный цех при Пензенском велозаводе и др. Также не было выполнено решение ЦК ВКП (б) о химизации и энергетическом использовании сланцев. Крайком отмечал, что кроме оборонной, грубосуконной и спичечной промышленности, все остальные отрасли не справились с производственным заданием.

В начале 1932 г. состоялась XVII конференция ВКП (б), где были разработаны и приняты директивы к составлению плана развития народного хозяйства во второй пятилетке (1933–1937 гг.). Председатель Госплана СССР В. В. Куйбышев, говоря о Средневолжском крае, отмечал: «Здесь развивается крупная промышленность на базе тех сырьевых богатств, которыми располагает этот край. Прежде всего я назову постройку Халиловского металлургического завода и никелевого завода. Развивается суперфосфатная промышленность; развивается быстрыми темпами сланцевая промышленность с постройкой сланцевых комбинатов для перегонки добываемых сланцев. При этом электроэнергия будет получаться тоже на базе использования сланца. Для

[85] *Милх Л. Р.* Средняя Волга в XIV годовщину «Октябрьской революции». Самара, 1931. С. 20–21.

переработки продукции сельского хозяйства в Средневолжском крае сооружаются сахарные заводы, мясокомбинаты, организуется шерстяное и пеньковое производство, строится завод синтетического каучука в Сызрани»[86]. Основной хозяйственной задачей второй пятилетки XVII конференция ВКП (б) поставила завершение реконструкции народного хозяйства на новейшей технической базе.

Основой индустриализации во второй пятилетке должны были стать:

– развитие цветной металлургии с производством никеля, меди;

– развитие черной металлургии с производством специальных сплавов, сталей;

– развитие машиностроения;

– развитие мощной топливной и сланцевой промышленности, торфодобывающей и переработки нефти;

– развитие химической промышленности;

– быстрый рост легкой индустрии и пищевкусовой промышленности[87].

Высокие темпы роста явились характерной чертой индустриального развития края во второй пятилетке. Общий рост народного хозяйства в 1933 г. был на 24 % выше, чем в 1932 г. В 1930 г. край дал валовой промышленной продукции на 350 млн руб., в 1932 г. – на 470 млн руб., а уже в 1933 г. – на 655 млн руб.[88] То есть мы видим резкой рост промышленного производства Средневолжского региона в первый год второй пятилетки.

В 1933 г. был сдан целый ряд новых предприятий. Началось строительство 20 предприятий-гигантов. В частности, серный завод, карбюраторный завод, несколько электростанций. Также планировалось дальше развивать легкую и пищевкусовую промышленность. В новой пятилетке планировалось обеспечить такой темп развития легкой промышленности, чтобы к концу пятилетки была бы возможность перерабатывать большую часть сельскохозяйственного сырья. И для

---

[86] *Куйбышев В. В.* Избранные произведения. М., 1958. С. 361.
[87] Из истории социалистической индустриализации Среднего Поволжья : сб. ст. Куйбышев, 1973. С. 182.
[88] СОГАСПИ. Ф. Р-1141. Оп. 6. Д. 44. Л. 20.

этого намечалась постройка ряда крупных предприятий, двух мясокомбинатов в Орске и Самаре, заводов по переработке кожи, обувных фабрик.

Только капиталовложения в промышленность г. Куйбышева за 1933–1936 гг. составили 142,3 млн руб. Больше всего денег получили завод им. Куйбышева, Трактордеталь, карбюраторный завод, завод киноаппаратуры [89]. К концу второй пятилетки и Пенза стала одним из центров промышленного развития Средней Волги. Годовая выработка крупной индустрии составляла около 80 млн руб. Выпуск некоторой продукции, такой как велосипеды, вырос почти в четыре раза. Также огромных успехов в годы второй пятилетки достигли Ульяновский округ, Оренбург, Мордовия, Орско-Халиловский район, которые входили в состав Средневолжского края. К примеру, в Мордовии в Зубово-Полянском районе на полную мощность заработал экстрактовый завод «Дубитель», который поставлял продукцию на кожевенные заводы всего Советского Союза[90].

V областная партийная конференция в 1937 г. подчеркивала, что во все народное хозяйство края в 1933–1936 гг. было вложено более полутора миллиарда рублей. Основные фонды промышленности группы «А» увеличились за 1934–1936 гг. на 82,8 %, а группы «Б» – на 48,9 % Государственная промышленность увеличила выпуск продукции с 564 млн руб. в 1932 г. до 1241 млн руб. в 1936 г. Товарооборот в 1936 г. вырос до 1987 млн руб. [91]. Также стоит подчеркнуть, что центральные финансовые органы СССР заложили бюджет на народное хозяйство Средневолжского края намного меньше, чем требовалось. Если потребности края на 1932 г. определялись в 215 млн руб., то Совнарком отпустил всего лишь 165 млн руб.[92]

Местным партийным органам нужно было искать дополнительные источники проведения индустриализации. Внимание было обращено на народ. В годы первой пятилетки было пять государственных займов. По Средневолжскому

---

[89] *Афанасьев И.* Куйбышевская область. Куйбышев, 1939. С. 40–43.
[90] *Верендякин В. В.* Пять лет Мордовской АССР и десять лет Мордовской автономной области // Записки МНИИЯЛИ. Вып. 1. Саранск, 1940. С. 3-31.
[91] СОГАСПИ. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 118. Л. 419–420.
[92] СОГАСПИ. Ф. Р-1141. Оп. 4., Л. 73. Л. 29.

региону удалось собрать более 190 млн руб. Подобные мероприятия имели место и в годы второй пятилетки.

Все это дало значительные результаты. Рост производительности труда по отраслям промышленности в 1936 г. сравнительно с 1933 г. составил: по металлообрабатывающей промышленности – 77 %, легкой – 11,8 %, пищевой – 17,4 % стройматериалов – 35,3 %, полиграфической – 27,4 %, энергетике – 16,4 %[93]. Был освоен выпуск изделий, которые раньше совершенно не делались на предприятиях региона: карбюраторы, сера, химикаты, комбикорм и многое другое. Не стоит также забывать, что успешному выполнению планов промышленного строительства способствовала трудовая активность работников (социалистическое соревнование, ударничество, движение новаторов, стахановское движение).

Таким образом, в годы второй пятилетки индустриальное развитие края улучшилось по сравнению с первым пятилетием. По сравнению с 1932 г. вся государственная промышленность стала выпускать в два раза больше продукции к концу 1936 г. При этом планы были очень сильно завышены. Поэтому и ценность результатов второй пятилетки была значительна. И исходя из данных таблицы 7 можем заключить, что Средневолжский регион стал индустриальным районом СССР[94].

Таблица 7 – Промышленность региона к концу 1936 г.[95]

Регион	Число предприятий	Среднегодовое число рабочих
Куйбышевская (включая Ульяновский округ)	8170	77659
Пензенская	5591	46117

Из таблицы 7 мы видим, что общее число предприятий было увеличено за первые пятилетки более чем в четыре раза. Куйбышев, Ульяновск и Пенза по праву стали считаться крупными промышленными городами Советского Союза. Также

[93] СОГАСПИ. Ф. Р-714. Оп. 2. Д. 2348. Л. 5–6.
[94] *Шарошкин Н. А.* Промышленность и рабочие Поволжья в 1920-е гг… С. 6.
[95] *Шарошкин Н. А.* Промышленность и рабочие Поволжья в 1920-е гг… С. 6.

можно сказать, что, к примеру, промышленность Мордовии почти полностью была создана за годы двух пятилеток. В Мордовской Автономной Советской Социалистической Республике почти в десять раз выросли производственные фонды по сравнению с 1913 г., а выпуск валовой продукции увеличилась почти в шесть раз. Удельный вес только деревообрабатывающей промышленности достиг 16,9 % (0,8 % в 1913 г.)[96].

Можно сделать вывод, что за годы первых двух пятилеток не всегда были успехи. Некоторые предприятия легкой промышленности и вовсе не смогли реализовать свои производственные программы. Заводы по переработке пеньки по разным причинам не действовали на полную мощность. К примеру, Кузнецкая обувная фабрика строилась очень медленно. Не хватало финансов и рабочих рук на ее строительство. А некоторые фабрики суконной промышленности совершенно не реконструировались.

Если в годы первой пятилетки в регионе активно развивалась легкая промышленность, то во второй, как и в целом по стране, уклон делался в сторону тяжелой промышленности. Об этом свидетельствовали и выделяемые финансовые средства на крупные стройки (СамГРЭС, Халиловский металлургический завод и др.).

Несмотря на ряд достижений, в отдельные годы производственная программа по региону полностью не выполнялась. В 1934 г. она была выполнена всего лишь на 84,6 %, а годом ранее и вовсе на 74,5 %[97].

Причинами неудач явилось слабое оперативно-техническое руководство предприятиями со стороны краевых управлений и трестов, отсутствие борьбы с прогулами, низкая обеспеченность сырьем и топливом, плохая организация снабжения рабочих, бытового обслуживания, текучесть кадров, а также недостаточное развитие соревнования, ударничества, хозрасчета, сдельщины. Также явно было недостаточным внимание центральных органов к

---

[96] *Рузавин Д., Петров С.* Мордовская АССР. Саранск, 1936. С. 55–58.

[97] *Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А.* Индустриальное развитие Поволжья. 1928 – июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки. Пенза, 2005. С. 172.

индустриализации Средневолжского края. Слабостью индустриального развития Средневолжского региона продолжала оставаться энергетическая база.

Стоит отметить, что развитие промышленности в изучаемый период, отложило определенный отпечаток на структуру рабочего класса Средневолжского края и систему трудовых отношений.

§ 1.2. Изменения в рабочем классе и влияние на трудящихся общественных и политических организаций

Во второй половине 1920-х гг. наблюдался рост населения Средневолжского региона. Самыми густонаселенными районами считались Мордовский, Пензенский, Самарский, Ульяновский округа. Но городское население составляло всего лишь 12,1 % от общего количества.

В начале 1930-х гг. демографическая ситуация в указанном регионе изменяется в худшую сторону. Причиной стал голод 1933 г., который явился следствием коллективизации, принудительных хлебозаготовок. По разным данным, общие потери населения Средневолжского региона в этот период составили около 1 млн человек.

Общее количество рабочих в цензовой промышленности края составляло в 1928/29 гг. – 45710 человек. При этом к 1930 г. число рабочих возросло уже до 51 тысячи человек[98]. Концентрация их была невысокой: предприятий с числом рабочих свыше тысячи мелось всего шесть. Это стеклозавод «Красный гигант» в Кузнецком округе (1244 рабочих); сахарно-рафинадный завод в пос. Тимашево (1551 рабочий); суконная фабрика имени Ленина в Сызранском округе (1185 рабочих); Мелекесскальяно-прядильная фабрика (1096 рабочих), пенько-джутовый комбинат в Мордовии (более 1000 человек) и писчебумажная фабрика «Маяк революции» в Пензе (1057 рабочих). На одно предприятие цензовой промышленности приходилось в 1927/28 г. в среднем 93 человека, в то время как

[98] За индустриализацию Средней Волги. 1930. Январь. С. 2.

по цензовой промышленности СССР этот коэффициент уже в 1926/27 г. был равен 193[99].

Всего в 1929 г. в регионе насчитывалась 171 тыс. рабочих, занятых в промышленности, строительстве, связи, лесном хозяйстве и на транспорте. К 1932 г. количество индустриальных рабочих возросло до 250 тыс. человек. Главным образом за счет сельского населения. Огромное значение приобрели биржи труда. Так, с октября 1929 г. по июль 1930 г. с бирж было направлено более 140 тыс. человек[100].

К началу индустриализации в Средневолжском крае имелось значительное количество безработных. В сельских районах наблюдалось аграрное перенаселение. Промышленность региона еще была слабо развита. Это создавало большие резервы рабочей силы для начинавшееся модернизации Средневолжского региона.

В годы первых двух пятилеток много людей отправилось на всесоюзные стройки СССР. Так, для новостроек Магнитогорска, Уралмашстроя и других Средневолжский регион дал 103379 «отходников». В 1931 г. по Средневолжскому краю предстояло выделить не менее 400 тыс. рабочих, в том числе для строек союзного значения – 158 тыс. Набирали рабочих на стройки за счет отходников. В сельскую местность были посланы специальные агитаторы. В ходе проведенного обследования выявлялись факты срыва вербовки. В ряде районов Пензенского округа не было вовсе вербовщиков. Были и другие причины. Так называемая официально властью кулацкая пропаганда (Чембарский уезд в 1930 г.). 24 октября 1930 г. крайком партии принял решение о привлечении не менее 100 тыс. отходников на строительство и лесозаготовки нескольких регионов страны.

Определенные проблемы были с сезонными рабочими. Стоит отметить, что на них разлагающее влияние оказывал завербованный на работы уголовный элемент. Вербовщиками Северолеса (треста лесной промышленности Северо-

[99] Средневолжский край. М. ; Самара, 1930. С. 301–324.
[100] СОГАСПИ. Ф. Р-1141. Оп. 20. Д. 275. Л. 83

Беломорского района) завербовано в Самаре 240 человек, из них до 30 человек – это воры-рецидивисты и 60 человек, вовсе не имеющих документов. По прибытии на место работы начались кражи, пьянство, дебоширство, картежная игра и т. д.[101]

При сравнительно небольшом размахе строительства в крае в начале пятилетки ощущалась уже острая нужда в квалифицированных строителях, в металлистах, рабочих по добыче сланца, руды, минералов и т. д. К примеру, Халиловский Горный Трест систематически не довыполняет программу главным образом из-за отсутствия рабочих рук. Кашпирстрой дает 6–7 % выполнения промфинплана по той же причине.

Между тем свободной рабочей силы в Крае было достаточно много. Колхозы при условии рационализации работы в бригадах, введения повсеместно сдельщины, правильной организации труда и максимального использования сельско-хозяйственных машин, могли дать свободных рабочих для промышленности не менее 700–800 тысяч[102].

С возрождением промышленности в 1920-е гг. менялся состав рабочих в связи с новыми пополнениями. Основной приток рабочих падал на два периода: до 1905 г. – 21,3 % и 1922–1925 гг. – 20,3 %. По отраслевому принципу наибольший стаж имели рабочие в суконной промышленности – 14,5 лет, льняной – 13,9 лет. Профсоюзная перепись 1932–1933 гг. свидетельствовала, что по мукомольно-хлебно-кондитерскому союзу рабочих Средневолжского региона в 1922–1925 гг. впервые включились в производство 1064 человека, или 9,4 % от общего числа учтенных рабочих. Большинство рабочих новых предприятий имели стаж от 1 до 3 лет или вообще не имели опыта работы в промышленности. На июль 1929 г. на заводе им. Масленникова рабочих с дореволюционным стажем и первых лет Советской власти насчитывалось 160–170 человек, пришедших в годы восстановления народного хозяйства – 1200, а поступивших в 1927–1929 гг. – около

[101] Лубянка Сталину о положение в стране (1922–1934 гг.) Проект «Исторические материалы» [Электронный ресурс]. URL. http://istmat. info/node/22548 (дата обращения: 23.08.2018).
[102] За индустриализацию Средней Волги. 1930. Июль. С. 10.

4000, 3–4-летний стаж на этом заводе был более чем у 70 %. На Пензенском трубочном заводе 80,9 % рабочих имели стаж пять лет.

Большая часть промышленных рабочих сосредотачивалось в производстве предметов потребления. По количеству рабочих на первом месте находилась пищевкусовая промышленность. К началу первой пятилетки численность фабрично-заводских рабочих всего Поволжья достигла 1913 г.

Но все-таки пролетарская прослойка в населении края была весьма небольшой. Из 3,9 млн самодеятельного населения количество рабочих не превышало 100 тыс. человек. В 1928 г. в регионе было более 80 тысяч безработных, среди которых более 20 % – индустриальные рабочие. Всего лишь 90 человек имели высшее образование и 306 – среднее. Что составляло не более 2 % к общему количеству всех рабочих[103].

Среди рабочих имелось немалое количество выходцев из крестьянства, которые продолжали сохранять тесную связь с крестьянским хозяйством и исповедовали иное понимание частной собственности. Неудивительно, что газеты тех лет писали о пассивном участии рабочих фабрик и заводов в общественной работе. Важнейшей характеристикой социального положения рабочих является степень их связи с землей, наличие у них собственного хозяйства. В исследуемом регионе в силу специфического развития большинство предприятий было сосредоточено в сельской местности. Естественно, они имели тесные связи с сельским хозяйством и были наиболее подвержены мелкособственническим настроениям. Связь с землей рабочих (а пополнение их рядов за счет крестьян сопровождалось распространением в этой среде мелкобуржуазных настроений) приводила к завышенным претензиям на получение материальных и бытовых благ. Подобное явление связано с рассмотрением производства как дополнительного заработка в условиях малоземелья в региона.

Во второй половине 1920-х гг. неоднородность социальной структуры стала более заметной. К началу 1926 г. в основном были исчерпаны резервы роста

[103] СОГАСПИ. Ф. Р-1141. Оп. 20. Д. 2. Л. 4.

рабочих за счет возвращения на предприятия кадровых рабочих, оторванных от производства в годы гражданской войны и голода 1921–1922 гг. Большая часть рабочих, которые пришли на заводы и фабрики после 1928 г., – это молодые крестьяне, совершенно незнакомые с фабрикой.

В процессе реконструкции народного хозяйства численность индустриальных рабочих выросла на 109 %. Значительный отряд рабочих и служащих составляли работники транспорта и строительные рабочие. Темпы роста рабочих Средневолжского края были в среднем выше, чем по СССР. Наиболее интенсивно росло городское население в местах, где строились крупные предприятия. Например, оно увеличилось с декабря 1926 г. по январь 1939 г. в Куйбышеве на 222,3 %, в Пензе – на 173,8 %, Ульяновске – на 139,9 %. В Самаре трудилось на конец первой пятилетки более 50 тыс. рабочих.

В среднем среди рабочих и учеников доля выходцев из семей рабочих оставляла по промышленности жилкомстроительства 41–42 %, по заводу «Красный Октябрь» (Пензенский округ) – 42,3 %. Трудовые кадры предприятий пополнялись также за счет демобилизованных красноармейцев. В Ульяновске даже была создана специальная комиссия по трудоустройству вернувшихся из армии. Средневолжский отдел труда сообщал об успешном наборе в Самаре, Сызрани, Пензе демобилизованных красноармейцев. Одним из резервов пополнения рабочих стала кустарная промышленность. К концу первой пятилетки наблюдался процесс отрыва бывших крестьян от сельского хозяйства. В отчете пензенской суконной фабрики «Коллективное творчество» говорилось, что в 1932 г. рабочих, связанных с сельским хозяйством, было всего лишь 3 %.

Стоит еще раз подчеркнуть, что по Средневолжскому региону перед началом индустриализации наблюдался довольно высокий процент безработных. Так, по Ульяновскому округу их насчитывалось 34,7 %. Из них 60 % не имели никакой квалификации, 19 % были признаны полуквалифицированными, а 21 % – квалифицированными. Это являлось следствием слабого развития промышленности и кустарного производства. На фоне достаточно высокого уровня безработицы в 1928 г. со стороны рабочих росло недовольство деятельностью бирж

труда. В Самаре пролетариат внес предложение создать союз безработных и комиссии для контроля работы биржи. В Сызрани на местной бирже труда в апреле имел место крупный конфликт. Руководители биржи, используя свое служебное положение, устраивали на работу по знакомству. Кроме того, в Сызрани наблюдалось грубое и нетактичное отношение к безработным. Летом в Ульяновске были расклеены листовки, где содержалось требование работы или бесплатного питания для безработных и их семей. Данные листовки были подписаны: «Ульяновская группа партизан-фронтовиков 1917 года»[104]. Стоит отметить, что в малых городах Средневолжского края (к примеру, Сызрани), безработица существовала вплоть до 1935 г.[105]

В 1932 г. потребность в рабочей силе еще больше возросла. Процент выходцев из рабочих семей повысился, снизилось число отходников из крестьян, уменьшилось количество направляемых рабочих в различные районы. Все большую роль приобретали оргнабор, подготовка кадров через систему профтехобразования. Значительные изменения произошли в возрастном составе рабочих. За годы первых пятилеток рабочий класс стал моложе. Приток на производство молодежи привел к понижению рабочего стажа. На заводе им. Масленникова (Самарский округ) на 1930 г. с дореволюционным стажем и первых лет советской власти было всего лишь около 170 рабочих (менее 10 %). На пензенском велосипедном заводе более 80 % рабочих имели стаж менее пяти лет.

За годы первых двух пятилеток население Пензы выросло в два раза и составило 165 тыс. чел. К концу второй пятилетки Пенза стала одним из главных промышленных центров края. В городе насчитывалось порядка 50 тыс. рабочих.

Трудовое настроение рабочих способствовало привлечению безработных к общественно-полезному труду. В 1928 г. в Елабуге была создана ячейка

---

[104] Лубянка Сталину о положение в стране (1922–1934 гг.) Проект «Исторические материалы» [Электронный ресурс]. URL: http://istmat. info/node/22548 (дата обращения: 23.08.2018).

[105] *Войнаровская Ю. В.* Настроения населения малых городов Поволжья (1920–1930-е гг.) // Известия Самарского университета научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 2. С. 134.

«Всероссийского общества слепых» (ВОС). Активисты данной организации принимали участие в улучшении материального обеспечения инвалидов по зрению. Общая численность рабочих и служащих общества составляла 80 человек[106].

Изменения в социальной структуре тружеников промышленности происходили и по гендерному признаку. В изучаемый период активно стал развиваться процесс вовлечения женщин в производство.

Удельный вес женщин в промышленности к концу первой пятилетки увеличился. В Средневолжском крае он поднялся с 27,0 % в 1929 г. до 38 % в 1932 г. В строительстве соответственно с 6 до 18 %. На заводе «Красный Октябрь», по данным переписи 1932–1933 гг., было зарегистрировано 20 %. Вовлечение женщин в производство способствовало улучшению материального благосостояния рабочих семей, вело к устранению неравенства мужчины и женщин. О вовлеченности женщин в цензовой промышленности свидетельствую данные таблицы 8[107].

Таблица 8 – Рабочие кадры промышленности Средневолжского Края

1929 г.			1930 г.			1931 г.		
Всего	Женщины	% от общего числа рабочих	Всего	Женщины	% от общего числа рабочих	Всего	Женщины	% от общего числа рабочих
43873	14508	33 %	57096	16018	28 %	103756	34139	32,9 %

Исходя из статистической информации, можно видеть, что женщины составляли примерно одну треть всех рабочих Средневолжского региона. Со стабильным ростом общего числа пролетариата наблюдался и рост женщин-рабочих. В таблице 8 особенно хорошо видно, что в 1931 г. женщин на производстве было в два раза больше, чем в 1930 г.

[106] Там же.
[107] Народное хозяйство и профсоюзы Средней Волги. Самара, 1932. С. 4.

В годы первой пятилетки резко возрос удельный вес женщин в машиностроении и металлообработке, а по предприятиям машиностроения женский труд составлял 45–50 %. Заводы и фабрики были вынуждены принимать на работу представительниц слабого пола, так как не хватало рабочих рук для выполнения завышенных планов индустриализации.

Из этих данных виден стабильно высокий рост количества женщин-рабочих на промышленных предприятиях региона. По данным статистики, в промышленности РСФСР в 1929 г. было занято 35,2 % женщин, а в Средневолжском края всего только чуть более 24 %[108]. В промышленность Средневолжского края в 1930 г. было вовлечено 12 тыс. женщин, а к 1932 г. было занято уже 25 тыс. женщин. В строительстве в 1929 г. было всего лишь 6 % женщин от общего числа рабочих, а к 1932 г. уже около 18 %.

В годы второй пятилетки удельный процент женщин в промышленности только увеличивался. В Средневолжском крае он составил 38 %[109]. Отмечалось полное преобладание женщин в производстве одежды и туалета – 84,9 % и текстильной промышленности – 54,6 %[110]. Вовлечение женщин в народное хозяйство требовало от власти на разных уровнях новых усилий по подготовке квалифицированной рабочей силы.

Советской властью была разработана целая программа по изучению женского труда на вторую пятилетку с целью более рационального внедрения женщины на производство:

1. Распределение женской рабсилы между различными отраслями промышленности и пятилетний план внедрения женской рабсилы в промышленность.

2. Квалификация и план подготовки женской рабсилы.

3. Охрана женского труда.

---

[108] За индустриализацию Средней Волги. 1930. Январь. С. 8.
[109] Труд в СССР. М., 1934. С. 25-29.
[110] 15 лет Средней Волги. М. ; Самара, 1932. С. 13.

4. Качественные показатели женского труда.

5. Участие работниц в общественной жизни производства, в социалистическом соревновании, ударничестве и в сквозных бригадах.

6. Социальные и бытовые условия и их влияние на интенсивность внедрения женской рабсилы в промышленность[111].

Женщины сыграли огромную роль в деле индустриализации изучаемого региона. Среди представительниц слабого пола в 1928-1936 гг. было немало ударников и стахановцев.

В советское время профсоюзы были активными участниками государственного и хозяйственного строительства, несмотря на постоянно меняющиеся задачи. Первый профсоюз в СССР был создан в 1918 г. при Всероссийском союзе металлистов. Зачастую председатели профсоюзов назначались по указке заводских комитетов.

Но все-таки в годы социалистического строительства профсоюзы сыграли огромную роль в защите прав трудящихся, были организаторами социалистического соревнования и «стахановского движения», заботились об улучшении условий труда и быта рабочего, о повышении материального благосостояния. Профсоюзы активно привлекали рабочих к занятию физкультурой и спортом и удовлетворяли духовные потребности пролетариата.

Большое внимание профсоюзные организации уделяли совершенствованию оплаты труда рабочих. Средняя зарплата рабочих Средневолсжкого края в 1928 г. составляла 53–54 руб. Но в подавляющем большинстве отраслей заработная плата пролетариата не соответствовала квалификации и качеству труда. Обыденным явлением была обезличка и уравниловка, которые способствовали текучки рабочей силы, нарушениям трудовой дисциплины, невыполнению производственных планов. К примеру, профсоюз железнодорожников выявил, что заработная плата квалифицированных рабочих значительно ниже рабочих других регионов. В результате проведенной работы с 1 декабря 1929 г. расценки сдельщиков

[111] ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 4. Д. 106. Л. 14–15.

повысились больше чем на 5 %, а в апреле 1930 г. зарплата таких рабочих была повышена в среднем на 5 % по Самаро-Златоустовской дороге на 5 %.

Также пристальное внимание профсоюзы Средневолжского края заострили на устранении фактов уравниловки. 5 августа 1931 г. Президиум краевого совета профсоюза определил основные направления деятельности по ликвидации уравниловки, которые предусматривали введение индивидуальной прогрессивной оплаты труда, повышение заработной платы работников ведущих отраслей, пересмотр тарифных ставок. И уже к началу 1931 г. на прогрессивную форму оплату было переведено 67 % от общего числа рабочих.

Помимо зарплаты, рабочие получали разнообразные выплаты из фондов социального страхования, пособия, пенсии, стипендии, бесплатную медицинскую помощь, бесплатные и льготные путевки в санатории и дома отдыха, диетическое питание. Определенные льготы предоставлялись и для детей рабочих. Улучшение финансового положения в стране в начале 1930-х гг. способствовало увеличению расходов по социальному обеспечению рабочих.

Профсоюзы Средневолжского края делали все возможное для поднятия авторитета социального страхования. Социальное страхование должно было стать орудием повышения производительности труда, улучшению качества проводимых культурно-массовых мероприятий, приближению социального страхованию к производству. Профсоюзы помогали в организации отдыха рабочих, способствуя расширению сети домов отдыха, санаториев.

В связи с начавшейся индустриализацией быстро начался рост городского населения. Это поставило задачу реконструкции и развития городского хозяйства. Профсоюзы изучаемого региона уделяли огромное внимание коммунальному строительству, считая его одной из основных задач индустриализации. Профсоюзный съезд Средневолжского края в 1928 г. заострил внимание на необходимости ускоренного строительства жилья, благоустройства старых районов, на том, что нужно расширять сеть водопроводов, электроснабжения, увеличить количество бань, общественных прачечных, усилить финансирование

всех этих мероприятий[112]. Под эгидой профсоюзов создавались комиссии, которые контролировали ход строительства новых жилых домов, распределение жилой площади в первую очередь в пользу рабочих промышленных предприятий, а также многодетных семей.

За годы первой пятилетки жилищное строительство в регионе выросло в два раза. Было построено 373 тыс. м^2 жилой площади с вложением средств до 30 млн руб.[113] Но темпы роста городского населения оставались очень высоки. Поэтому жилищная проблема оставалась острой в годы индустриализации. Краевой комитет ВКП (б) принял 28 августа 1932 г. специальное Постановление «О мерах по реконструкции и развитию жилищного строительства края», в котором была дана развернутая программа по укреплению и развитию городского хозяйства края.

Уже за четыре года первой пятилетки по Средневолжскому краю удалось ввести в эксплуатацию 527 тыс. м^2 жилья. За это же время было расширено энергоснабжение городов (хотя по сравнению с другими районами СССР энергетическая сеть Средневолжского региона была слабой), проведена огромная работа по благоустройству. В 1929–1931 гг. в Самаре пустили новую водопроводную станцию.

С самого начала индустриализации перед профсоюзами стояли задачи выявления и точного расходования хозяйственными органами средств на благоустройство бараков, столовых, общежитий, проведение массовых субботников по уборке рабочих мест, жилищ, территорий. В этом направлении в годы первых пятилеток были достигнуты определенные положительные результаты. На заводе им. Масленникова бригады в 1933 г. обследовали более тысячи квартир рабочих. По результатам проверки были выделены десятки тысяч рублей на ремонт этих квартир.

---

[112] ГАСО. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 3. Л. 119.
[113] Коммунист. Самара. 1931. № 14–15. С. 6.

К примеру, завком Кузнецкого овчинно-шубного завода организовал обследование более двухсот квартир своих рабочих и выделил на ремонт необходимый строительный материал (мел, стекло, кирпичи и т. п.). Фабрично-заводской комитет Кузнецкой швейно-шубной фабрики осуществил побелку 30 квартир рабочих.

Забота профсоюзов о быте рабочих способствовала появлению тысячи ударников труда, развитию движения за высокую производительность труда, привлекала все новые слои трудящихся на фабрики и заводы. Особенно профсоюзы региона заботились о здоровье рабочей молодежи. Только за 1932 г. были выделены десятки тысяч рублей для этой цели. Параллельно огромные ассигнования выделялись на охрану труда на промышленных объектах.

Перед профсоюзами с самого начала индустриализации встала задача по активизации деятельности комиссий с инспекцией труда по охране труда на промышленных объектах. Уже в 1929–1930 гг. профсоюзы вместе с партийными органами увеличили сумму ассигнований на мероприятия, связанные с охраной труда, почти до 900 тыс. руб. Параллельно фабрично-заводские комитеты заключали в массовом порядке трудовые соглашения с хозяйственными органами. И положительные результаты не заставили себя ждать. Пошел на снижение производственный травматизм благодаря усиленному контролю соблюдения административно-хозяйственным персоналом трудового законодательства, правил техники безопасности. Профсоюзные организации проводили выездные проверки чистоты цехов, рабочих мест, оформляли стенды по технике безопасности. Данные мероприятия способствовали улучшению условий труда на заводах и фабриках.

В связи с тяжелой продовольственной ситуацией конца 1920-х – начала 1930-х гг. в работе профсоюзных организаций все большее значение приобрели вопросы рабочего снабжения и поднятия реальной заработной платы. Уже в 1930 г. многие краевые профсоюзы включились в реальную работу по оказанию конкретной помощи органам рабочего снабжения и кооперации.

Особое значение приобрел государственный и общественный контроль за торговлей, общепитом и кооперацией. В сентябре 1931 г. при Краевом совете профсоюзов был создан штаб организации рабочего контроля за кооперацией. Данные контрольные комиссии, состоявшие из рабочих, служащих и профсоюзных активистов, ежедневно осуществляли контроль за работой магазинов, буфетов, столовых, подсобных хозяйств.

В Средневолжском крае получило распространение заключение двусторонних договоров между производственными коллективами и коллективами торговых организаций, в которых они брали взаимные обязательства. К примеру, договор между работниками магазина № 2 и рабочими депо станции Самара по количеству и качеству продовольственных товаров.

Профсоюзные организации постоянно использовали проведение декадников по проверке кооперации. Рабочий контроль позволял улучшить работу кооперации, обеспечить организационную перестройку. Вовсю профсоюзы способствовали расширению сети столовых, фабрик-кухонь, буфетов, чайных-столовых, кафе, что в свою очередь способствовало вовлечению женщин в промышленное производство и общественную деятельность.

Стоит подчеркнуть, что Средневолжские профсоюзы направляли резервы питания для рабочих заводов, фабрик. Одним из факторов улучшения рабочего снабжения явилась организация пригородных хозяйств. Для контроля этих хозяйств профсоюзы привлекали рабочих и служащих. Фабрично-заводские комитеты участвовали в распределении земельных участков под огороды, помогали в закупке семян и огородного инвентаря. Развивая пригородные хозяйства, профсоюзы оказывали посильную помощь в различных сельскохозяйственных работах. На многих предприятиях по предложению профсоюзных организаций создавались собственные продовольственные базы.

Но в начале индустриализации в Средневолжском регионе наблюдались серьезные проблемы с продовольственным снабжением. Об этом свидетельствуют жалобы рабочих. В 1928 г. в Пензе на окраинах раздавались даже призывы к забастовке. Очереди за продуктами питания достигали 600 человек. Были случаи,

когда женщины в результате сильной давки падали в обмороки. На протяжении всего 1928 г. на территории Средневолжского края распространялись листовки с требованием улучшения снабжения хлебом.

Не лучше обстановка была и в следующем в 1929 г. Летом наблюдались затруднения на мясном и овощном рынках, были снижены хлебные нормы для отдельных групп потребителей в Пензе. Все это создало почву для ухудшения настроения отдельных групп рабочих. В Самаре и Сызрани в июне-июле были отмечены очереди до 300–400 человек. В августе в Сызрани на фоне продовольственных затруднений было зафиксировано несколько инцидентов. 20 августа 300 человек ворвались в магазин и вытащили заведующего, угрожая самосудом. 25 августа не получившие хлеба рабочие прогнали из магазина начальника угрозыска и милиционеров. К 1 сентября затруднения со снабжением хлебом были ликвидированы[114]. Но волнения в других города и поселках Средневолжского края продолжались до зимы. Эти примеры иллюстрируют, что деятельность профсоюзных организаций не могла решить все проблемы даже в крупных промышленных центрах региона.

Рабочие очень охотно входили в профессиональные профсоюзы. Так, за 1928 г. Пензенский губернский совет профсоюзов сообщал, что за год членов союзов выросло с 65381 до 73 531 человек. Повысилась посещаемость собраний и активность союзной массы. Поднялась зарплата на 11,1 %[115]. Бюджеты профсоюзов стабильно из года в год росли. Причиной тому было стабильное увеличение членов этих организаций.

Исходя из статистических данных, мы можем видеть рост членов профсоюзов среди рабочего класса. Это свидетельствовало в первую очередь об их успешной работе среди трудящегося населения. Но если смотреть в процентном отношении, то согласно данным таблицы 9, наблюдается постепенное снижение

---

[114] Лубянка Сталину о положение в стране (1922–1934 гг.) Проект «Исторические материалы» [Электронный ресурс]. URL: http://istmat. info/node/22548 (дата обращения: 23.08.2018).
[115] Трудовая правда. 1928. 4 декабря. С. 3.

числа рабочих, обхватанных профсоюзным членством[116]. Это было связано с большим количественным ростом пролетариата.

Таблица 9 – Рост рабочего класса. Охват профсоюзным членством

Год	1929 г.	%	1930 г.	%	1932 г.	%
Всего рабочих	283344	100 %	410273	100 %	650037	100 %
Членов союза	246605	87 %	314545	83 %	490424	75 %

Зачастую на многих предприятиях профсоюзная работа оставляла желать лучшего. О профсоюзной работе на крупных предприятиях в начале индустриализации дают представление архивные материалы. На заводе № 42 рабочие пассивно относятся к цеховым собраниям, и посещаемость их упала до 20–40 %. Другим показателем являются стенгазеты. На заводе № 42 их нет. Фабрично-заводские комитеты и цеховые профессиональные органы мало обслуживают индивидуально рабочих предприятия и цеха. Они крайне слабо реагируют на вопросы перемещения рабочих, увольнения, недовольства приработком и т. п. В результате игнорирования интересов одного рабочего возникает скрытое недовольство всего цеха. На некоторых предприятиях наблюдалось невнимательное отношение профорганов к бытовым вопросам. На фабрике «Красная Звезда» работница очень болезненно реагировала на следующее: «все цеха на обеденный перерыв запираются и работникам приходится проводить его в полутемных коридорах. Еду к обеду приходится покупать в ларьке, простаивая долго в очереди и не успевая иногда из-за этого пообедать»[117].

Стоит отметить, что в 1930-е гг. стала наблюдаться тенденция по сращиванию профсоюзных организаций с партийными органами. Некоторых особо отличившихся рабочих записывали на заводах в партийные ячейки.

[116] Народное хозяйство и профсоюзы Средней Волги. Самара, 1932. С. 14.
[117] СОГАСПИ. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 80. Л. 1–6.

В Ульяновске в 1930 г. на кирпичном заводе № 1 из 136 рабочих 6 состояло в партии, на велозаводе № 2 из 78 рабочих в ячейке числилось 15 человек[118].

В течение первых двух пятилеток количество цеховых партячеек быстро возрастало. Численность цеховых партячеек на фабрике «Маяк Революции» с 1928 по 1934 гг. увеличилось на 112, 5 %, на заводе им. Володарского с 1928 по 1936 г. – на 58,5 %, Велосипедный завод – на 150 %, Станкостроительный – на 200 %[119]. О социальном составе членов ВКП (б) Средневолжского региона свидетельствуют многочисленные архивные данные[120].

Исходя из архивных данных, мы можем заключить, что партия была заинтересована, чтобы рабочие составляли большинство в местных ячейках партии (таблицы 10, 11)[121]. Тем самым советская власть видела в рабочих свою социальную опору, которой можно было управлять. Насколько искренне было желание рабочих вступать в партию, сказать сложно. Зачастую люди видели в этом желание улучшить свою жизнь и продвинуться вверх по карьерной лестнице.

Таблица 10 – Социальный состав членов ВКП (б) на 1 октября 1928 г.

Район	Всего человек	Рабочие	% рабочих от общего числа членов
Бугурусланский	1341	574	42,8
Бузулукский	1145	511	44,8
Кузнецкий	1406	697	49,6
Сызранский	1887	1179	62,5
Мордовский	2665	911	34,2
Ульяновский	3147	1572	50,0
Пензенский	3858	2335	60,6
Самарский	5197	3306	63,6
Оренбургский	5262	2877	54,7
Всего	25908	13962	53,9

[118] ГАНИ УО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1363. С. 27, 35.
[119] СОГАСПИ. Ф. Р-714. Оп. 1. Д. 160. Л. 24.
[120] СОГАСПИ. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 146. Л. 3.
[121] СОГАСПИ. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 146. Л. 23.

Таблица 11 – Социальный состав кандидатов ВКП (б) на 1 января 1929 г.

Район	Всего человек	Рабочие	% рабочих от общего числа членов
Бугурусланский	1035	431	41,7
Бузулукский	622	223	35,9
Кузнецкий	1127	556	49,3
Мордовский	1725	495	28,7
Оренбургский	2273	1113	48,9
Пензенский	2149	1172	54,5
Самарский	2953	1915	64,8
Сызранский	1472	776	52,7
Ульяновский	2257	1057	46,8
Всего	15613	7738	49,6

Партийная учеба на заводах Средневолжского края в указанный период была низкого уровня. Так, на лесозаводе Ульяновской железной дороги постоянно запаздывали с началом занятий, руководители систематические пропускали занятия, уровень их подготовки тоже оставлял желать лучшего[122]. Можно из этого заключить, что уровень политграмотности рабочего класса, опоры советской власти, был на низком уровне. Власть пыталась переломить эту тенденцию. Учебу стали организовывать не только горкомы и райкомы, но и партийные организации предприятий. К примеру, Пензенский горком партии организовал с 1 июля 1930 г. двух- и четырехнедельные курсы по подготовке партийного актива при Велозаводе, фабрике «Маяк Революции». В 1931 г. на Пензенской швейной фабрике на курсах парторгов обучалось 46 человек.

Но, несмотря на все усилия, производственные совещания не пользовались популярностью у рабочих. В 1928 г. посещаемость их достигала 45 % от всего числа рабочих цеха, в то время как на общезаводских совещаниях она не превышала и 9 % в среднем. На заводе № 42 общезаводские совещания в среднем посещают 26 человек, а цеховые – 48. Некоторые предприятия, например типография им. Мяги, созывали совещание за шесть месяцев только один раз[123].

[122] Трудовая правда. 1928. 15 февраля. С. 3.
[123] СОГАСПИ. Ф. Р. -52. Оп. 1. Д. 77. Л. 12–17.

К перевыборам Советов рабочих привлекали мало. Так, в 1928 г. в Пензенской окружной избирательной комиссии не оказалось ни одного рабочего с производства[124]. Периодически проходили призывы в партию. Так, в февральский призыв 1928 г. Стеклозавод № 1 принял 43 человека. Что составило около 10 % рабочих[125]. В Ленинские дни (дни приема в партию) в 1931 г. в Самаре на Заводе им. Масленникова в партию было принято 712 рабочих, на Средневолжском станкозаводе – 96[126].

Постепенно в партийную работу вовлекались и женщины. Так, в 1928 г. в партийных цеховых ячейках Самарских главных мастерских из 812 человек было 45 женщин[127].

В типичной цеховой ячейке проводилась агитационная и пропагандистская работа по следующим направлениям:

– о мироздании;

– об антисемитизме;

– об учебе;

– о культурной революции;

– о займе индустриализации;

– о печати;

– о дне 1 Мая;

– об Автодоре[128].

Роль образования до сих пор является важнейшим вопросам в социальной политике государства. Ведь, чем образованнее человек, тем лучше он может овладеть определенными знаниями, умениями и навыками в какой-либо области. Тем самым образованные люди могут являться «локомотивом» экономического развития страны. Также стоит отметить, что образованными людьми можно успешно управлять.

---

[124] РГАСПИ. Ф. Р-17. Оп. 32. Д. 166. Л. 7.
[125] Трудовая правда. 1928. 1 февраля. С. 3.
[126] СОГАСПИ. Ф. Р-714. Оп. 1. Д. 101. Л. 1.
[127] СОГАСПИ. Ф. Р.-52. Оп. 1. Д. 84. Л. 22–32.
[128] СОГАСПИ. Ф. Р.-52. Оп. 1. Д. 84. Л. 22–32.

В историю нашего государства вторая половина 1920-х – 1030-е гг. вошли большими переменами в социально-экономической сфере. В стране началась индустриализация. Она повлекла за собой огромную миграцию населения в город. Это, в свою очередь, обострило ситуацию с социальным обслуживанием населения.

Бесплатное образование было особенной гордостью советской власти.

Характерной чертой внутренней политики государства, которое добилось некоторых успехов в развитии экономики, культуры, является приоритет образования. Борьба за решение проблемы специалистов для различных сфер народного хозяйства проходила по всей стране.

В Средневолжском регионе остро стояла проблема грамотности населения. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., уровень грамотности региона оставался очень низким и был намного ниже, чем по стране. По РСФСР грамотность составляла 44,1 %, по Средневолжскому краю – 36,4 %. При этом грамотность городского населения был выше, чем сельского[129].

Борьба за повышение грамотности началась в Средневолжском регионе почти сразу после окончательного установления здесь советской власти. К примеру, в Пензенской губернии огромную роль в обучении играли школы грамоты, культурно-просветительские комиссии на предприятиях города. Также были созданы программы для вечерних школ при заводах. Для подростков, занятых на производстве, посещение подобных школ было обязательным. В Самарской губернии еще в начале 1920-х гг. была открыта 21 школа для взрослых, в них были организованы столярные, слесарные и прочие мастерские[130].

Во второй половине 1920-х гг. борьба с малограмотностью населения только усиливалась. Переход к форсированной индустриализации потребовал значительного количества грамотных рабочих. В годы индустриализации наблюдается процесс огосударствления массовых общественных организаций, в том числе и образовательных.

---

[129] РГАЭ. Ф. Р-4372. Оп. 26. Д. 695. Л. 81.

[130] *Кузмина Т. Н., Шарошкин Н. А.* Подготовка рабочих кадров в Поволжье: проблемы и итоги. 1920 – 1930-е годы. Пенза, 2004. С. 23.

Сами рабочие массово стали участвовать в борьбе за ликвидацию неграмотности с конца 1920-х гг. В кампании принимали участие в основном кадровые рабочие. 17 мая 1929 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О работе по ликвидации неграмотности». А еще в 1928 г. по инициативе комсомола начался культурный поход, который ставил перед собой цель: активизировать работу по ликбезу. В начале 1930-х гг. происходит новый этап оживления участия рабочего класса в ликвидации неграмотности в форме культэстафеты.

Не остался в стороне и Средневолжский край. 24 сентября 1928 г. президиум местного облисполкома утвердил комиссию по культпоходу. Президиум отмечал недостаточный темп в работе по ликвидации неграмотности, но уже 2 января следующего года говорили о положительных результатах развития культпохода[131].

Но все-таки в конце года президиум Средневолжского крайисполкома подчеркивал, что, несмотря на определенные успехи в проведении мероприятий в борьбе за грамотность, общее состояние культпохода признается неудовлетворительным. Власть отмечала, что надо принимать более решительные меры по развитию культпохода, особенно среди фабрично-заводского пролетариата. Самарский горком в это же время направил комсомольцев для обучения рабочих. Зачастую инициатива обучения исходила от трудовых коллективов промышленных предприятий.

Идея всеобщего обучения взрослых широко обсуждалась в трудовом коллективе суконной фабрики «Красный Октябрь». Был проведен вечер, записаны неграмотные, определены даты занятий. Местный кооператив рабочих предоставил право обучающимся внеочередного снабжения дефицитными товарами. Подобные пункты ликвидации неграмотности создавались и на других предприятиях, на которые приглашались педагоги. Большое внимание было обращено на детей рабочих[132]. На пензенском велозаводе только с апреля 1930 г.

[131] ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 106. Д. 455. Л. 61–62.
[132] ГАПО. Ф. Р-383. Оп. 1. Д. 152. Л. 31.

по январь 1931 г. было проведено 15 заседаний по вопросу повышения общеобразовательного и политического уровня рабочих.

На предприятиях действовали вечерние рабочие школы. К примеру, в 1928 г. на самарской швейной фабрике «Красная Звезда» действовало подобное учреждение. Школа была рассчитана на 40 учащихся в возрасте от 14 лет, прошедших полностью или частично первую ступень образования. Преподавали техническую математику, физику, обществоведение и русский язык[133].

Госплан СССР в мае 1931 г. отмечал, что сдерживающим фактором развития народного хозяйства является безграмотность. Но были предприятия, которые имели в своем составе почти полностью грамотный персонал. IV Пленум Средневолжского крайкома союза машиностроения в июле 1932 г. отметил, что на велозаводе, заводах им. Масленникова и им. Володарского осталось 728 неграмотных (2,7 % работников) и 1781 малограмотных (5,6 %)[134].

Второй пятилетний план развития народного хозяйства Средневолжского края предусматривал полностью ликвидировать неграмотность населения. По всем округам, особенно по Пензенскому, наблюдался рост числа школ (семилетки, девятилетки). В Пензе в январе 1936 г. предприятиям было рекомендовано взять шефство над неграмотными людьми. Особенного успеха добилась фабрика «Красный Октябрь». Подобная работа проводилась и на других промышленных предприятиях региона. Завод им. Фрунзе на ликвидацию неграмотности и малограмотности выделил 56 тыс. руб., сформировал 85 групп[135]. И уже к концу второй пятилетки Средневолжский край вышел на одно из первых мест по уровню грамотности в Советском Союзе.

Внимание партии к образованию рабочих было обусловлено рядом причин. В первые годы индустриализации наблюдался численный рост пролетария

---

[133] Волжская коммуна. 13 января. 1928. Л. 2.
[134] ГАРФ. Ф. Р-7676. Оп. 1. Д. 241. Л. 27.
[135] ГАПО. Ф. Р-381. Оп. 1. Д. 256. Л. 11–14.

Средневолжского края. Причем более половины рабочих не имела серьезного производственного стажа. Также в рабочей среде серьезно выросла прослойка женщин. Не стоит забывать, что Средневолжский край был одним из самых многонациональных регионов СССР.

Проблема подготовки квалифицированных рабочих заключалась также в том, что в Средневолжском крае было мало учреждений, которые готовили кадры. Перед началом индустриализации края был всего один сельхозинститут, 45 техникумов, 15 учебных мастерских, 26 долгосрочных и 47 краткосрочных курсов. В этих заведениях всего обучалось не более 20 000 человек. Показатели региона уступали в два раза от средних показателей по РСФСР[136].

В 1928/29 г. кардинальных перемен в подготовке кадров в Средневолжском регионе не произошло. Пятилетним планом намечалось открыть в области 38 школ ФЗУ и массовых профессий. Принимались меры, по вовлечению в обучение безработных. Самарская биржа труда в сотрудничестве с профсоюзами организовала обучение 1 тыс. безработных различным строительным профессиям[137]. Плюс к этому для безработных в газетах региона печатались объявления, в которых можно было найти ту или иную вакансию.

Сами рабочие высказывали пожелания о необходимости увеличения часов по производственным дисциплинам. Но положение оставалось не самым лучшим из-за того, что состав преподавателей не удовлетворял возрастающие потребностям. Учителя в основном имели среднее и низшее образование.

11 сентября 1929 г. ЦИК и совет народных комиссаров (СНК) СССР издали постановление «Об установлении единой системы индустриально-технического образования». Этот документ определил три основные формы подготовки и переподготовки кадров: школьное обучение, дополнительное рабочее образование в учреждениях школьного типа. Школьный тип включал в себя высшие и средние

---

[136] Средне-Волжская область : сб. материалов к I областной конференции ВКП (б) и I областному съезду Советов. Самара, 1928. С. 76–78.
[137] Волжская коммуна. 1929. № 7. С. 2.

технические, а также профессионально-технические школы для младшего рабочего персонала со сроком обучения 2–3 года, школы ФЗУ, низшие профтехнические школы, которые готовили специалистов мелкой и кустарной промышленности[138].

Самым распространенным типом обучения рабочих была школа ФЗУ. Школы фабрично-заводского обучения действовали при крупных предприятиях для подготовки квалифицированных рабочих. Срок обучения составлял 3–4 года. Принималась в данные школы молодежь 14–18 лет с начальным образованием. Также были организованы в ФЗУ курсы по общеобразовательной подготовке. В 1930–1939 гг. обучение происходило на базе семилетки, а из-за сокращения общеобразовательной подготовки срок обучения сократился до 1,5–2 лет. В первую очередь в подобные школы принимались дети рабочих, далее подростки с предприятий с достаточной подготовкой. В 1928–1929 гг. 75,8 % учащихся ФЗУ Средневолжского края были детьми рабочих[139].

Изначально эти школы пользовались спросом со стороны рабочего населения. Только по Самарскому округу было подано на 370 мест 974 заявления в 1928–1929 гг.[140] Металлотрест имел в своем распоряжении только одну школу ФЗУ. А Спичтрест, Кожтрест и Стройтрест для подготовки квалифицированных рабочих не имел школ ФЗУ вовсе. Предусматривалось увеличить количество школ ФЗУ, которые бы готовили рабочих для все растущих потребностей индустриализации. Новые школы ФЗУ намечалось открыть на кашпирских сланцевых рудниках, при медно-никелевом комбинате, при фабрике № 5, толерубероидном заводе, строительном тресте[141].

Еще в январе 1929 г. были проведены отраслевые производственные конференции, на которых обсуждались вопросы подготовки кадров. Конференция

---

[138] СЗ СССР. Отдел 1. 1929. № 48. Ст. 421.

[139] *Деревякин Г. Н.* Коммунистическая партия – руководитель и организатор трудового воспитания молодого поколения рабочего класса в годы социалистического строительства (1921–1937). Саратов, 1984. С. 35.

[140] *Деревякин Г. Н.* Коммунистическая партия – руководитель и организатор трудового воспитания молодого поколения рабочего класса в годы социалистического строительства (1921–1937). Саратов, 1984. С. 36.

[141] За индустриализацию Средней Волги. 1930. № 2. С. 14–15.

работников текстильной промышленности подчеркивала необходимость открытия еще четырех школ ФЗУ для своей отрасли. С целью повышения грамотности в Средневолжском крае проводились месячники по выявлению резервов технически грамотных пролетариев.

В июле 1931 г. СНК СССР утвердил наконец-то единую систему рабочего образования без отрыва от производства. Для вновь пришедших на предприятия создавались вводные производственные курсы. В среднем их продолжительность была 10–12 дней. Это была начальная ступень массово-технического обучения. Следующей ступенью технического образования рабочих были производственно-политехнические курсы. В течение 6–12 месяцев шла подготовка рабочих 3–4 разрядов. Следующая ступень – это рабочие технические школы (РТШ), в которых обучались рабочие 6–8 разрядов и низший технический персонал. Срок обучения составлял 2,5 года. На крупных предприятиях создавались втузы, при которых действовали техникумы[142].

В 1930/31 г. курсами массовой квалификации было охвачено 70282 человека, в 1931/32 г. – 205 409 человек, курсами средней квалификации соответственно 17749 и 26928 человек. Кроме того, 30691 ученик в 1930/31 г. обучался заочно, в 1931/32 г. 39 тысяч человек[143].

С одной стороны, за первые годы пятилетки сеть фабрично-заводских училищ и контингент учащихся значительно возрос, но, с другой, этого было явно недостаточно для растущих потребностей промышленности. Также, в ряде школ была слабая учебная дисциплина, выразившаяся в срывах занятий, прогулах.

Но в целом можно констатировать, что к концу первой пятилетки на предприятиях сложилась целая система рабочего образования – от ликвидации неграмотности и начального образования до среднего специального. А, к примеру, при заводах им. Масленникова, им. Володарского, им. Фрунзе были открыты техникумы[144].

---

[142] СОГАСПИ. Ф. Р-1141. Оп. 20. Д. 817. Л. 7.
[143] Ударник. 1931. № 5. С. 17.
[144] Коммунист. 1934. № 15–16. Л. 18.

В Средневолжском крае использовалась также практика повышения технических знаний путем прикрепления молодых рабочих к уже квалифицированным рабочим. Первые добровольные соглашения о шефстве в Средневолжском регионе были подписаны рабочими седьмой мастерской завода им. Масленникова (слесарями Мартыновым и Хаюбиным, сверлильщиком Пустоваловым, фрезеровщиком Гусевым и др.). Этот почин был подхвачен рабочими других цехов, в частности котельного. Ударник Петрощев взял шефство над двумя учениками (Кузнецовым и Шитовым). Его примеру последовали квалицированные рабочие Лимонов, Бугреев, Курочкин др.[145]

Определенные успехи в подготовке квалифицированных рабочих были достигнуты в Средневолжском крае. В 1929/30 г. в Средневолжском регионе работало 30 школ ФЗУ, в 1930/31 г. – 58 и в 1931/32 г. – 66. В 1932 г. контингент учащихся данных образовательных учреждений возрос до 35 513 человек[146]. Как мы можем видеть, школы ФЗУ стали основной формой подготовки квалицированной рабочей силы для промышленности. Об этом также свидетельствуют следующие статистические данные (таблица 12)[147].

Таблица 12 – Учебная сеть школ ФЗУ и типа ФЗУ за 1920/30–1933/34 гг.

Годы	Число учебных заведений	Число учащихся (тыс. человек)
1929–30	2711	323,1
1930–31	3265	584,7
1931–32	3970	975
1932–33	3900	958,9
1933–34	2357	400

Исходя из данных таблицы 12 мы можем наблюдать стабильный рост школ ФЗУ в годы первой пятилетки. То есть данные учебные заведения работали в это

[145] *Кузмина Т. Н., Шарошкин Н. А.* Подготовка рабочих кадров в Поволжье: проблемы и итоги. 1920–1930-е годы. Пенза, 2004. С. 100.
[146] РГАЭ. Ф. Р-4372. Оп. 31. Д. 1503. Л. 25–26.
[147] *Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А.* Подготовка рабочих кадров в Поволжье: проблемы и итоги. 1920–1930-е годы. Пенза, 2004. С. 100.

время стабильно. Из года в год рос также контингент учащихся. Это положение подтверждает следующие статистические данные (таблица 13)[148].

Таблица 13 – Динамика контингента учащихся школ ФЗУ и типа ФЗУ за 1928 – 1932 гг. (тыс. человек)[149]

Тип учебных заведений	Число учащихся к началу года					
	1928	1929	1930	1931	1932	1933
ФЗУ и типа ФЗУ	108,5	120,3	141,4	472,9	1099	1570
Профшколы	134,9	152,3	181,7	111,8	–	–

Исходя из данных таблицы 13 мы можем видеть стабильный рост в несколько раз количества учащихся с 1931 г. Это также свидетельствовало о росте квалифицированной рабочей силы.

Планом второй пятилетки предусматривалось подготовить 5 млн работников массовых квалификаций по СССР. В 1933–1936 гг. в Средневолжском крае сохранились те же формы обучения квалифицированной рабочей силы. Но произошли определенные изменения. Так, вступительные подготовительные курсы и РТШ были преобразованы в производственно-политехнические курсы. Произошло сокращение сроков обучения за счет уменьшения часов, которые тратились на общеобразовательные предметы.

В годы второго пятилетия школы ФЗУ продолжали оставаться основной формой обучения. Особый акцент делался на улучшение их материально-технической базы.

Огромных успехов достигла школа ФЗУ при заводе им. Фрунзе. «Завод им. Фрунзе – крупное предприятие не только Средней Волги, но и СССР. Первая пятилетка принесла заводу рост производства. Вырос большой рабочий городок, пустыри, окружавшие территорию, стали застраиваться, появились целые улицы. Возникают и расширяются учреждения, обслуживающие культурно-бытовые

[148] Там же. С. 104.

нужды рабочих: разбит парк, организован стадион, летний театр, заканчивается строительство Дворца труда, возникает ряд коммунальных предприятий. Для обслуживания рабочего населения в 1929 г. была простроена школа ФЗУ № 6 им. 10-летия Октября, рассчитанная на 600 мест. В ней увеличилось число групп: в 1927/28 г. их было 15 на 600 учащихся, в 1928/29 г. – 21 с контингентом учащихся 850 человек, в 1929/30 г. – 26 (1076 человек), в 1930/31 г. – 27 (1121), в 1931/32 г. – 32 (1134), 1932/33 г. – 43 (1820) и в 1933/34 г. – 46 групп (1990 учащихся). В 1935 г. школа ФЗУ имела 27 групп первого набора с количеством учащихся 1242 человека, 17 групп второго набора с 780 учащимися и две группы третьего – 68 человек. Школа работала в две смены. За достижения в учебно-воспитательной работе, подготовку квалицированных кадров она была удостоена переходящего Красного Знамени, занесена на доску почета как лучшая в Пензе и районе. При активной помощи директора завода им. Фрунзе, партийной организации в школе была оборудована лучшая мастерская, создавались нормальные бытовые условия, учащиеся обеспечивались питанием через столовую завода. Оздоровительная кампания осуществлялась за счет предприятия. В 1933 г. школа получила денежные средства на ремонт и достройку нового учебного корпуса»[150].

С развитием стахановского движения начали создаваться курсы обучения новым передовым методам работы. В ноябре 1935 г. Средневолжский краевой совет профсоюзов принял постановление о создании школ-новаторов. Первые стахановские школы появились в Самаре при заводе им. Масленникова. Следом инициативу подхватили предприятия легкой промышленности. Обувная фабрика им. 1 мая открыла у себя школу закройщиков и школу штамповщиков, Кузнецкая шубно-швейная фабрика – школу раскройщиков и школу машинистов[151].

В 1930-е гг. стало развиваться изотовское движение: забойщик шахты № 1 (Горловка) Н. А. Изотов стал примером для остальных в подготовке молодых рабочих. 18 декабря 1931 г. президиум ВЦСПС принял постановление о шефстве

[150] ГАРФ. Ф. Р-7676. Оп. 7. Д. 87. Л. 27.
[151] ГАСО. Ф. Р-2152. Оп. 1. Д. 20. Л. 42.

кадровых рабочих над молодыми. К июлю 1932 г. на трех машиностроительных заводах: велосипедном (им. Фрунзе), машиностроительном (им. Володарского) и им. Масленникова 2726 опытных рабочих осуществляли шефство над молодежью[152].

Получает дальнейшее распространение наставничество. Наставники обучали своему мастерству рабочих, приходивших на промышленные предприятия из сельской местности. В подготовке молодой смены рабочего класса, адаптации на производстве важную роль играло шефство кадровых рабочих над новичками, передача богатого профессионального опыта. Индивидуально шефство удачно сочеталось с коллективным. Нередко ударные бригады брали шефство над трудовыми коллективами, созданными из новых рабочих[153]. В трудовом воспитании и повышении профессионального мастерства молодежи важную роль играли конкурсы профессионального мастерства. Особую популярность они приобрели в Самаре[154].

На ряде предприятий Средневолжского края действовали учебные комбинаты: на заводах им. Масленникова и им. Фрунзе и многих других. Подобные комбинаты готовили мастеров различного профиля. На конец 1936 г. карбюраторно-арматурный завод Самары подготовил 165 литейщиков, 51 слесаря, 9 фрезеровщиков, 28 токарей.

Средневолжский регион изначально имел очень серьезные проблемы с системой высшего образования. В области не было ни одного технического вуза, действовало лишь пять промышленных строительных техникумов (см. приложение 5). Также об этом свидетельствуют данные таблицы 14[155].

---

[152] ГАРФ. Ф. Р-7676. Оп. 7. Д. 241. Л. 15.

[153] *Деревякин Г. Н.* Коммунистическая партия – руководитель и организатор трудового воспитания молодого поколения рабочего класса в годы социалистического строительства (192 1937). Саратов, 1984. С. 43.

[154] Там же. С. 94–95.

[155] *Деревякин Г. Н.* Коммунистическая партия – руководитель и организатор трудового воспитания молодого поколения рабочего класса в годы социалистического строительства (1921–1937). Саратов, 1984. С. 101.

Таблица 14 – Распределение учащихся вузов в Средневолжском крае в 1927/28 – 1930/31 гг.

Количество учащихся (тыс.)			Удельный вес района (% к итогу)			Процентный рост В 1932 г. по отношению к 1927/28 г.
1927/28 г.	1930/31 г.	1932 г.	1927/28 г.	1930/31 г.	1932 г.	
0,3	3,2	5,6	0,2	1,2	1,4	1866,6 %

Из таблицы 14 видно, что количество работников на заводах с высшим образованием было небольшим. Всего в Средневолжском регионе было 4768 инженерно-технических работников. Из них высшее и незаконченное высшее образование имели лишь 24,2 %, среднее специальное – 47,4 % и 28,4 % были практиками.

20 мая 1933 г. Президиум ВСНХ решил, что в Самаре нужно создать четыре высших технических учебных заведения. И уже в июле этого же года в городе открыли строительный, химический, энергетический, механический вузы. В конце года стал работать лесопромышленный институт. В Оренбурге открыли горнотехнический техникум, в Сызрани – техникум по переработке сланцев, в Чапаевске – химический, в Пензе, Ульяновске и Самаре – механические, Инзе – лесохимический. В 1931 г. открыли еще несколько новых средних специальных учебных заведений.

Из данных таблицы 15 мы можем видеть, что в учебные заведения принимались не только рабочих, но еще и их детей, что способствовало созданию потомственного пролетариата[156]. Также это было необходимо для расширения социальной опоры советской власти.

[156] Пролетарский путь. 1930. 28 ноября С. 4.

Таблица 15 – Количество принятых рабочих во втузы и техникумы Средневолжского края осенью 1930 г.

Учебные заведения	Рабочие	Дети рабочих
Втузы	518	66
Техникум	418	865

В годы первой пятилетки активно создавали по краю заочные и вечерние отделения, которые пользовались большой популярностью у рабочих. Создавались также курсы для подготовки и переподготовки инженерно-технических работников.

Заводское начальство было заинтересовано в молодых рабочих с высшим образованием. С этой целью для поступления в вузы на ряде предприятий открывались курсы. Они создавались на машиностроительных заводах им. Масленникова, им. Володарского. Курсы открывались и для повышения квалификации уже грамотных в техническом плане работников.

Огромную положительную роль в подготовке молодых специалистов для поступления в вузы сыграли рабочие факультеты. В соответствии с директивами партии активно создавались подобные учреждения в Поволжском регионе. В 1927–1929 гг. в Средневолжской области действовали три дневных рабфака и один вечерний. Но уже в 1930/31 уч. г. в Средневолжском крае работало уже 14 рабфаков, на которых обучалось 4404 человека, в 1931/32 уч. г. – 24 (5645 человек). То есть указания правительства выполнялись достаточно успешно.

Данные таблицы 16 показывают успехи: увеличение числа специалистов, имеющих высшее образование. За один год их число возросло почти в два раза[157].

[157] Волжская коммуна. 1933. 21 декабря. С. 2.

Таблица 16 – Наличие специалистов с высшим образованием в промышленности по Средневолжскому краю в 1932–1933 гг.

Наличие специалистов к концу 1932 г.			Наличие специалистов к концу 1933 г.		
С высшим образованием	Практики	Всего	С высшим образованием	Практики	Всего
320	166	486	781	151	932

Существовала необходимость улучшения качества подготовки, совершенствования учебных программ. Из года в год укреплялась материальная база, увеличивались денежные средства, вкладываемые в образование. По Средневолжскому краю в 1929 г. они составляли 2,7 млн руб., в 1930 г. – 7,1, в 1931 г. – 8,3, в 1932 г. планировалось вложить 18,5 млн руб., в 1933 г. – 35, 4 млн руб., в том числе в подготовку вузовских и академических кадров, аспирантуру. И результаты не заставили себя ждать. За 1932–1936 гг. строительный, индустриальный, планово-экономический и лесотехнический институты подготовили 2218 специалистов.

Но в этой подготовке не все было гладко. Были не только успехи, но и серьезные отрицательные моменты. Власть на местах столкнулась с плохой материально-технической базой, невысоким уровнем учителей и инструкторов производственного обучения, их нехваткой. В школах ФЗУ преподаватели с высшим образованием были большой редкостью. Но все-таки именно в годы первых двух пятилеток была заложена база для дальнейшего совершенствования системы образования рабочих.

Таким образом, рабочий класс Средневолжского региона в годы индустриализации значительно вырос в численном составе, но был очень неоднородным. Ряды индустриальных рабочих пополнялись выходцами из деревни, частично из городских непролетарских слоев. Потомственного пролетариата на промышленных предприятиях Средневолжского края почти не существовало. Высокую долю рабочих составляла молодежь в возрасте от 18 до 30 лет.

Был высокий процент вовлеченности женщин в производство. Особенно много женщин-рабочих наблюдалось в текстильной и пищевой промышленности.

Это было связано с тем, что после Октября 1917 г. женщины были уравнены в правах с мужчинами.

Несмотря на достаточно низкий уровень безработицы в Средневолжском регионе, наблюдалась высокая текучесть рабочей силы на предприятиях, которая отрицательно сказывалась на производительности труда.

К концу 1936 г. Самара (Куйбышев), Пенза и Ульяновск, можно сказать, стали индустриальными городами региона. Но при этом в других субъектах Средневолжского края не наблюдалось значительного роста числа занятых в промышленности. К примеру, в Мордовии число рабочих в 1936 г. составило 16,3 тыс. человек по сравнению с 4,3 тыс. в 1913 г. То есть число пролетариата выросло чуть меньше, чем в четыре раза[158].

Рабочие в годы индустриализации активно вступали в профсоюз и партию. Хотя стоит отметить, что в изучаемый период эти две организации начали сращиваться. Профсоюзные и партийные организации Средневолжского края решали достаточно много вопросов труда и быта на промышленных предприятиях региона. Это позволило немного уменьшить текучесть рабочей силы и увеличить рост трудовой активности трудящихся на благо социалистической индустриализации. Советская власть очень активно привлекала рабочих к партийной и профсоюзной деятельности, тем самым воспитывая для себя социальную опору. Хотя зачастую эта деятельность носила формальный характер. Сами рабочие иногда шли в профсоюзный или партийный орган лишь для того, чтобы улучшить свое материальное положение и продвинуться по карьерной лестнице, но никак не по зову сердца.

В указанный период в Средневолжском крае использовались разнообразные формы подготовки квалифицированных рабочих, которые позволили подготовить тысячи мастеров в различных сферах. Средневолжский регион по ряду важнейших типов образовательной сети перевыполнял планы пятилеток[159]. Также рабочие

---

[158] *Бочкова Л. М.* Особенности индустриализации автономных республик и областей Российской Федерации (1926–1932 гг.) // История СССР. 1989. № 6. С. 82–89.

[159] *Скворцов Н.* Народное образование // Среднее Поволжье. 1931. № 1-2. С. 77–82.

сами желали учиться. В Елабуге ученики одной из школ ФЗУ заявляли о желании учиться, о стремление к достижению лучшей жизни[160]. Благодаря образованию рабочий может повысить свой профессиональный уровень, продвинуться по карьерной лестнице и стать более материально обеспеченным.

То есть структура рабочего класса, деятельность партийных и профсоюзных организаций и совершенствование системы рабочего образования оказали серьезное влияние на систему трудовых отношений и повседневную рабочих Средневолжского края в 1928–1936 гг.

Выводы по главе 1

1. В годы первой пятилетки был сделан акцент на развитие легкой промышленности, но втором пятилетии увеличился рост ассигнований в тяжелый сектор.

2. Несмотря на успешное развитие промышленности Средневолжского края в отдельные годы на различных предприятиях встречалось невыполнение производственной программы.

3. За 1928–1936 гг. рабочий класс изучаемого региона вырос за счет сельского населения и непролетарских слоев города.

4. Профсоюзные и партийные организации решали ряд вопросов рабочих в социально-бытовой сфере, тем самым влияли на повседневную жизнь рабочего и систему трудовых отношений на предприятиях региона.

5. Уровень образования рабочих значительно вырос в годы индустриализации. Советская власть использовала различные формы подготовки квалицированных рабочих кадров для более успешного развития промышленности в Средневолжском крае.

---

[160] *Войнаровская Ю. В.* Настроения населения малых городов Поволжья (1920–1930-е гг.) // Известия Самарского университета научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 2.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРОЛЕТАРИАТА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Индустриализация в СССР конца 1920-х – 1930-х гг. в целом была соткана из противоречий. С одной стороны, благодаря самоотверженному труду трудящихся удалось вывести советскую промышленность на лидирующие позиции в мире. Несмотря на то, что на предприятиях был установлен 7-часовой рабочий день, пролетариат постоянно перерабатывал, чтобы перевыполнить свой план. До сих пор феномен социалистического соревнования и стахановского движения окутан различными тайнами. Но можно с уверенность утверждать, что благодаря этим явлениям советской власти удалось достичь немыслимых высот.

Через социалистическое соревнование не только повышались нормы выработки продукции, но и улучшались условия труда рабочих, воспитывалась социальная опора советской власти.

Но с другой стороны, на советских предприятиях были и негативные моменты. Они зачастую сводили на нет все усилия ударников и стахановцев. На промышленных предприятиях Средневолжского края процветало пьянство, воровство, постоянные прогулы, опоздания и т. п. Все это тормозило выполнение производственного плана. Заводы и фабрики иногда останавливали производство по вине рабочих. Поэтому можно было видеть, что некоторые заводы и фабрики оказывались в убыточном положении.

То есть на советских предприятиях складывалась двоякая ситуация. С одной стороны, ударники производства, которые ведут локомотив индустриализации вперед, а с другой –неприглядная сторона с пьянками, саботажами и остановками производства по вине рабочих.

§ 2.1. Социалистическое соревнование как фактор роста промышленного потенциала региона

Форсированная индустриализация остро поставила вопрос о повышении нормы выработки той или иной продукции рабочими. Гигантские стройки, начавшие функционировать заводы и фабрики требовали много рабочих рук. В СССР нарастал трудовой подъем. Наиболее ярко он проявился в социалистическом соревновании.

В 1929 г. впервые была опубликована работа В. И. Ленина «Как организовать соревнование», написанная еще в 1918 г. На XVI съезде ВКП (б) указывалось, что «важнейшей задачей партии и профсоюзов является поднятие на высшую ступень движения соцсоревнования и ударничества, действительное превращение этого движения в школу классового воспитания рабочих масс...»[161]. Данная статья и подтолкнула партию развернуть массовое социалистическое соревнование. Ленин обрисовал общие пути, методы и принципы организации соревнования: гласность, сравнимость результатов и т. д.).

В первые годы советской власти соцсоревнование проявлялось в форме групп ударного труда и коммунистических субботников. Чуть позже на предприятиях стали проводиться производственные совещания. 5 марта 1929 г. рабочие завода «Красный выборжец» в Ленинграде через страницы газет обратились ко всем предприятиям Союза развернуть движение за снижение себестоимости продукции. Средневолжский край не остался в стороне. Социалистическое соревнование в регионе проходило в разных формах: вызовы, переклички, смотры достижений, ударные бригады и т.д.

Средневолжский сельскохозяйственный край с отсталой промышленностью за пятилетку должен был превратиться в индустриально-земледельческий. Богатый по своим природным ресурсам, но отсталый в технике Средневолжский регион должен был перестроить свое хозяйство так, чтобы, максимально использовав

[161] Ленин В. И. Как организовать соревнование? // Полн. собр. соч. Т. 35. М., 1958.

природные богатства, развить промышленность как государственного, так и местного значения.

На промышленных предприятиях предусматривалось: поднятие производительности труда, снижение себестоимости продукции, улучшение ее качества и увеличение количества, повышение трудовой дисциплины, сокращение прогулов, выполнение с превышением производственной программы и т. д.[162]

Зачастую инициатива о проведении социалистического строительства шла сверху. Началу социалистического соревнования на заводе № 42 предшествовала проверка работы производственных комиссий и совещаний, и на основании директивных указаний ЦК союза началась работа по укреплению трудовой дисциплины[163].

Типичное социалистическое обязательство с некоторыми поправками на то или иное предприятие выглядело следующим образом (на примере Сызранского Госмаслозавода № 3, 1934 г.):

1. Всю работу проводить на основании социалистического соревнования и ударничества.

2. Бережно относиться к данному инструменту и материалу.

3. Поднять производительность труда на 5 %.

4. Максимально уплотнить рабочий день.

5. Не делать ни одного прогула и не допускать опозданий на работу.

6. Вести борьбу с элементами, которые расхищают социалистическую собственность[164].

Наиболее популярным методом организации социалистического соревнования в Средневолжском регионе становится движение ударных бригад. Первые подобные бригады были организованы в Ульяновске на заводе им. Володарского. В течение 1929 г. ударные бригады появились на текстильных фабриках. Каждую неделю проводились производственные совещания, на которых

---

[162] *Толбицын Г. Н.* Год социалистического соревнования. Самара, 1930. С. 4.
[163] СОГАСПИ. Ф. Р-9432. Оп. 2. Д. 12. Л. 58–60.
[164] СОГАСПИ. Ф. Р-9362. Оп. 2. Д. 2. Л. 23.

анализировались результаты по цехам, особо отличившихся в труде рабочих удостаивали размещения на досках почета предприятия.

Социалистическое соревнование приобретало изо дня в день все больше массовый характер. Договоры о соревновании заключали соседние и родственные предприятия. Но поднять производительность труда на всех промышленных объектах одинаково не удавалось. Завод № 42 задание на 1928/29 г. по программе выполнил всего лишь на 28,2 %. В свою очередь соседняя Штамповочная фабрика № 5 благодаря движению ударных бригад смогла поднять производительность труда на 40,77 %, а нормы выработки рабочих в среднем были повышены на 7 %[165]. Вошли в практику индивидуальные вызовы рабочими друг друга на социалистические соревнования.

Социалистическое соревнование подталкивало борьбу за повышение производительности труда. И результаты не заставили себя ждать. Об этом также свидетельствуют данные таблицы 17[166].

Таблица 17 – Результаты соцсоревнования некоторых предприятий Средневолжского края к концу 1929 г.

	Производственная программа		Снижение себестоимости		Поднятие производительности	
	по договору	выполнено	по договору	выполнено	по договору	выполнено
Самарский телеграф	7 %	20 %	–	–	11, 7 %	8,2 %
Жигулевский завод	100 %	102, 3 %	–	8 %	–	–
Фабрика «Красная Звезда» (Самара)	100 %	101, 1 %	10 %	21, 37 %	17 %	23 %
Велозавод (Пенза)	100 %	98 %	7, 5 %	7, 54 %	20 %	9,94 %

[165] СОГАСПИ. Ф. Р-9431. Оп. 2. Д. 12. Л. 58–60, 93, 281.
[166] Там же. Л. 281.

Исходя из этих данных, три из четырех предприятий выполнили свои обязательства по договору. Это не могло послужить толчком к успешному выполнению задач пятилетки.

Сызранский гвоздильный завод выполнил программу на 128 %, снизил себестоимость на 6,4 %, производительность труда поднята на 11 %. Завод «Металлист» (Ульяновский округ) снизил себестоимость на 19,18 %. Комбинат Союзмясо выполнил производственный план на 102 % за 1930 г.[167] Как мы можем видеть, развернувшееся соцсоревнование позволяло выполнять и даже превышать установленные нормы. И в последующие годы основные производственные показатели увеличивались.

Механический завод «Красный Пахарь» (Пензенский округ) за 1929 г. увеличил выпуск продукции по Литейному цеху на 16 % (в плане было заявлено 10 %); увеличилась производительность труда на 16 % (10 %). В целом выпуск на одного рабочего продукции увеличился на 18 %[168].

Архивные данные достаточно полно нам дают сведения о соцсоревновании завода им. Володарского (Ульяновский округ) (таблица 18).

На заводах также развернулась борьба за трудовую дисциплину, речь о которой пойдет еще ниже[169]. Об успехах социалистического соревнования свидетельствует таблица 19[170].

Успехи массового ударничества активно освещались в прессе. Все это подстегивало рабочих других предприятий трудиться с удвоенной силой. Так, ульяновская газета «Пролетарская путь» на своих страницах рапортовала: «Соревнование на заводе «Металлист» за два месяца увеличило выработку на 200 %, расход топлива сокращен на 42 %, снижен брак на 83 %, себестоимость

[167] СОГАСПИ. Ф. Р-9362. Оп. 1. Д. 8. Л. 19–22.
[168] ГАПО. Ф. Р-1046. Оп. 1. Д. 26. Л. 24–25.
[169] СОГАСПИ. Ф. Р-9431. Оп. 2. Д. 12. Л. 5.
[170] СОГАСПИ. Ф. Р-9426. Оп. 1. Д. 42. Л. 47.

уменьшена на 40 %»[171]. К концу 1930 г. по Средневолжскому краю насчитывалось около 38 тыс. ударников или 40 % общей численности профсоюзов[172].

Таблица 18 – Сведения о выполнении производственных программ и договоров по социалистическому соревнованию завода № 3 им. Володарского

Мероприятия	Намечено по плану	Намечено по хозяйственно-политическому договору	Выполнено
Выполнение производственных программ	100 %	100 %	100, 6 %
Снижение себестоимости продукции	–	7 %	6, 11 %
Поднятие производительности труда	–	17 %	18, 97 %
Снижение брака	–	1 %	1, 22 %
Снижение прогулов по неуважительным причинам	–	100 %	69 %
Снижение прочих прогулов	-	100 %	52,5 %
Снижение административно-командных расходов	100 %	–	124, 76 %

Таблица 19 – Цифровые показатели по фабрикам по социалистическому соревнованию за 1929 г.

Предприятие	Обязательство	По факту
Фабрика № 1	10 %	113 %
Фабрика № 2	20 %	124,2 %
Фабрика № 3	–	110,37 %
Фабрика № 4	20 %	105,54

В 1931 г. приток ударных бригад значительно увеличился. К примеру, на заводе № 42 вступили в ударные бригады 567 рабочих, самозакрепились

[171] Пролетарский путь. 1930. 13 июля. С. 8-9.
[172] За индустриализацию. 1931. № 1. С. 2.

1086 человек, дали встречные нормы выработки 70 %, а на заводе № 9 были организованы 24 новые ударные бригады, на фабрике «Красная Звезда» вступили в ударники 150 человек, создано 20 новых ударных бригад[173]. Инициаторами их создания выступали коммунисты и комсомольцы. Особая роль принадлежала последним. Только в 1929 г. ЦК ВЛКСМ провел ленинский набор 1,5 млн комсомольцев и молодежи в ударные бригады.

На заводе № 42 (Самарский округ), количество молодежных бригад увеличивалось с 3 до 30; несколько десятков комсомольцев, путем индивидуального соревнования повысили норму выработки от 25 до 100 %. Во второй мастерской комсомольцы организовали бойкот прогульщикам. На канатной фабрике в Кузнецке комсомольская ячейка организовала выставку брака. Это привело к тому, что рабочие данного предприятия стали более внимательно относиться к своей работе и, соответственно, стал уменьшаться брак.

Очень оживленно проходило соцсоревнование на Языковской текстильной фабрике Ульяновского округа. Здесь было создано порядка 40 ударных бригад, один цех целиком перешел на коллективную работу. Каждую неделю подсчитывались производственные результаты по цехам. Особо отличившихся рабочих отмечали на доске почета.

Отдельно стоит обратить внимание на участие комсомольцев-рабочих в соцсоревновании в Ульяновском округе. В протоколе заседания президиума Окружного бюро профсоюзов от 20 марта 1929 г. говорилось о всевозможной поддержке комсомола: «Одобрить и всемерно поддерживать инициативу комсомола в проведении социалистического соревнования промышленности за поднятие производительности труда и труддисциплины и за снижение стоимости изделий»[174]. В апреле 1929 г. окружком комсомола провел конкурс производственных ячеек. Победителями конкурса стали рабочие завода им. Володарского. По всей стране ширилось движение ударных бригад с лозунгом

[173] За индустриализацию. 1931. № 6. С. 8–9.
[174] ГАУО. Ф. 354. Оп. 1. Д. 4. Л. 109.

«Пятилетку в четыре года!». И, несомненно, социалистическое соревнование помогло превратить лозунг Сталина в реальность.

Еще одним методом повышения производительности труда стал переход пролетариев на работу на двух станках. Зачинателями стали Средневолжские текстильные и суконные фабрики. Первыми двустаночниками стали Е. Павлов (Игнатовская фабрика им. Степана Разина) и Т. Маркелов (Мулловская фабрика) . Использованные ими методы работы распространились и на другие отрасли промышленности по всему СССР.

Основной формой материального поощрения стало премирование передовиков производства. Центр, фонды ВЦСПС, краевые и областные профсоюзы на это выделяли значительные финансовые средства. Средний размер премий ударников производства в изучаемый период составлял около 30–50 % среднемесячной заработной платы[175]. К концу 1931 г. на 132 промышленных объектах насчитывалось более 3100 хозрасчетных бригад, что составляло 58 % к общему числу производственных бригад[176]. К примеру, на предприятиях Самарского округа за 1929 г. зарплата ударников была повышена на 17,8 %, а на Пензенском велозаводе перевыполнившим план бригадирам ударных бригад устанавливалась прибавка к основному окладу в размере 9 % [177]. На Самарском кожевенном заводе им. Линдова ударникам за повышение нормы, поднятие производительности, снижение прогулов, устранение брака и другое полагался дополнительный двухнедельный отпуск[178].

Помимо материально-денежного стимулирования, на промышленных предприятиях предусматривались и материально-денежные формы поощрения особо отличившихся рабочих. В 1931 г. на Пензенском велозаводе было премировано 18 человек лучшими библиотеками, два бригадира получили путевки в дома отдыха, а самая успешная бригада была награждена переходящим Красным знаменем. В условиях ограниченного премиального фонда и фонда заработной

[175] ГАПО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 1541. Л. 13–15.
[176] СОГАСПИ. Ф. Р-1141. Оп. 20. Д. 737. Л. 19.
[177]ГАПО. Ф. Р-324. Д. 1541. Л. 13-15.
[178] ГАСО. Ф. Р-919. Оп. 9. Д. 6. Л. 2.

платы подобные поощрения все же часто практиковались на заводах и фабриках Средневолжского края.

С одной стороны, движение ударников привело к повышению норм выработки в промышленности на 15–20 %, с другой – наметилась существенная разница между зарплатами ударника и обычного рабочего.

Партия постоянно держала руку на пульсе разворачивающегося соревнования. В июне 1929 г. опыт и дальнейшие задачи стали повесткой дня пленума ВЛКСМ. 31 июля бюро окружкома комсомола приняло постановление о проведении 6 августа Дня индустриализации, который стал ежегодным[179]. В конце пятилетки зародилась следующая интересная традиция: 1 января проводить ежегодные слеты ударников Ульяновского округа.

Массовым был окружной съезд ударников, датированный 29 ноября 1929 г. Самой большой была делегация текстильщиков. Высокого результата достигли рабочие Ишеевской фабрике: 28 ударных бригад, 377 ударников.

Совершенствованию процесса производства, развитию социалистического соревнования смежных коллективов способствовало создание сквозных ударных бригад. Они охватывали весь производственный цикл, объединяя рабочих различных цехов.

Идея организации сквозных бригад нашла большой отклик среди молодежи Самары. На заводе им. Масленникова, например, сквозная бригада имела до 100 звеньев в цехах. На станции Самара была создана первая в стране транспортная сквозная бригада[180].

Велико было значение производственных совещаний, так как они поддерживали развитие творческих инициатив. Также на них обсуждались насущные дела производства, вскрывались насущные проблемы, вскрывались недостатки. Так, например, по заводу им. Масленникова (Самарский округ)

---

[179] Очерки истории Ульяновской организации ВЛКСМ. Саратов, 1967. С. 55.

[180] *Деревякин Г. Н.* Коммунистическая партия – руководитель и организатор трудового воспитания молодого поколения рабочего класса в годы социалистического строительства (1921–1937). Саратов, 1984. С. 102–103.

посещаемость производственных совещаний увеличилась на 19 % и составила 25 %»[181].

Социалистическое соревнование играло важную роль в борьбе с негативными явлениями на предприятиях, в частности в борьбе с прогулами. В 1929 г. на заводе № 42 прогулы по неуважительным причинам снижены с 0,27 до 0,20 %. Завод № 3 за указанный период снизил прогулы на 41,28 %, а Водосвет с 5,85 до 2,21 %, «Красный пахарь» снизил на 60 %, хотя в начале года планировалось на 50 %.

Инициатива по борьбе с прогулами и браком исходила зачастую от самих рабочих. Завод им. Масленникова, Водосвет, трамвайный парк, спичечная фабрика (все Самарский округ) организовали у себя ударные бригады для руководства борьбой с прогулами и поднятия производительности труда.

На целом ряде фабрик и заводов созданы тройки и пятерки для наблюдения за уходом за станками и машинами. Комсомольские ячейки взяли шефство над заводским и фабричным оборудованием, установлены показательные образцовые станки[182].

Как отмечал крайком профсоюза металлистов, в октябре 1929 г. борьба за трудовую дисциплину шла по двум направлениям. С одной стороны, административно-технический персонал стал больше уделять внимания фиксированию нарушений рабочими правил внутреннего распорядка и больше предъявлять требовательности к их исполнению. С другой стороны, применялся ряд форм санкций общественного морального воздействия по отношению к недисциплинированности отдельных работников (красные и черные доски, заводская печать, стенгазеты, обсуждение на рабочих собраниях проступков отдельных рабочих, инсценировки и т. д.)[183]. Но искоренить полностью негативные явления не удалось. Так, на заводе им. Володарского план по снижению прогулов был выполнен всего лишь на 69 % в 1929 г.[184]

---

[181] ГАСО. Ф. Р-901. Оп. 2. Д. 12. Л. 6–8.
[182] СОГАСПИ. Ф. Р-714. Оп. 2. Д. 190. Л. 1–10.
[183] ГАСО. Ф. Р-901. Оп. 2. Д. 12. Л. 6 – 8.
[184] СОГАСПИ. Ф. Р-9431. Оп. 2. Д. 2. Л. 5.

Безусловно, социалистическое соревнование имело свои недостатки и даже откровенные провалы. Некоторые предприятия и даже целые заводы нагло врали, показывая свои «высокие» достижения в области вовлеченности рабочих в движение. Шло соревнование не трудовых масс, а учреждений. Так, на железной дороге («Сызранка») проект договора был разработан администрацией без участия масс.

Достаточно обыденным явлением стала недобровольная интенсификация производства. Об этом свидетельствуют многочисленные жалобы и высказывания рабочих. Так, рабочие Румянцевской и Измайловской текстильных фабрик говорили следующее: «Это есть издевательство, нет сил больше работать на двух станках, то мы в скором времени сойдем в могилу. Из нас кровы высосали, на старых станках работать нельзя, давайте новые и хорошую пряжу, тогда и переходить надо»[185].

Многие предприятия и их коллективы были не готовы к вызову на социалистическое соревнования. На Измайловском лесозаводе в течение двух месяцев занимались подбором завода, с которым можно было бы вести соревнование. Обещания, данные рядом предприятий, не выполнены. Например, спичечная фабрика Самарского округа, принявшая вызов Нижнеломовской спичечной фабрики, имеет такие результаты: по плану ежедневно должно быть выпущено 450 ящиков, а выпускается только 240 ящиков; себестоимость вместо 5 руб. обходится 10 рублей.

А были случаи и наоборот. Некоторые предприятия, например Средневолжский завод, в 1929 г. вызывали на соревнование беспорядочно большое количество предприятий.

К примеру, по Ульяновскому округу также отмечались недостатки за 1929 г.: разъяснительная работа на местах проведена далеко недостаточно; инициатива исходила не от масс; проработанные нормы обязательств не всесторонне учитывали возможности их выполнения; проработка договоров затягивалась до двух месяцев[186].

---

[185] ГАСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 345. Л. 349.
[186] ГАНИ УО. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 417. Л. 1.

В целом по Средневолжскому краю ситуация была схожей с общесоветской тенденцией. Охват рабочей массы в соревновании в большинстве случаев был крайне недостаточен. ОГПУ сообщало об усилившейся агитации против социалистического соревнования. Быстрому росту производительности соответствовал рост брака[187].

На Велозаводе и вовсе в 1931 г. была сорвана производственная программа. Среди причин невыполнения указывалось следующее:

– слабая подготовка завода к практическому освоению ударной программы по линии четкой расстановки руководящих кадров; обеспечение цехов своевременным заданиям, материалом, инструментам;

– подготовка квалифицированной рабсилы[188].

Повсеместно наблюдались рвачество и прогульщики, которые разлагали движение ударных бригад[189]. Но, с другой стороны, и заводское начальство не проявляло особого желания поднять производительность труда. Так, на заводе «Маяк Революции» за 1932 г. было около 500 рационализаторских предложений. Более половины было отклонено управленцами[190]. Такая же ситуация с рабочим изобретательством и новаторством была в 1929 г. в автомастерских Самары[191].

Социалистическое соревнование, начавшееся на промышленных предприятиях, быстро перекинулось и на сельскую местность. Так, 8 апреля 1929 г. в Ульяновский округ приехали из Ивано-Вознесенска две рабочие бригады с передовой ремонтной мастерской[192].

Советское правительство и в годы второй пятилетки будет использовать соцсоревнование и ударничество как один из способов мотивации труда. Особенно ярко это проявится в развернувшемся в 1935 г. стахановском движении. Сам термин «стахановское движение» появился в сентябре 1935 г. и бал связан с

---

[187] РГАСПИ. Ф. Р-17. Оп. 32. Д. 181. Л. 3–7.
[188] ГАПО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 1541. Л. 13–15.
[189] РГАСПИ. Ф. Р-106. Оп. 1. Д. 144. Л. 17–18.
[190] ГАПО. Ф. Р-501. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.
[191] СОГАСПИ. Ф. Р-9431. Оп. 2. Д. 12. Л. 18–19.
[192] *Ягодкин В.* Социалистическое соревнование по поднятия урожайности в Ульяновском округе // Среднее Поволжье. 1929. № 11. С. 108–110.

рабочим шахты «Центральная – Ирмино» в Кадиевке Алексеем Стахановым. Со временем данный термин, обозначающий стахановское движение – массовое движение новаторов социалистического труда, многократно превышающих установленные нормы производства, – получил обобщающее значение для всех форм соревнования.

Данное движение быстро распространилось по всей стране. Средневолжский регион не стал исключением. Местная партийная власть считала, что надо обучать стахановским методам работы путем организации на заводах и фабриках соответствующих школ. К примеру, такие школы существовали в 1935 г. на обувной фабрике им. 1 мая, Кузнецкой шубной-швейной фабрике и Кузнецком овчинно-шубном заводе[193]. Также формами работы стахановцев в изучаемый период стали встречи с передовиками производства, показ лучших прогрессивных приемов труда, семинары, слеты.

Уже к середине ноября на каждом предприятии края был свой стахановец. К примеру, А. Герасимов – стахановец станкозавода, Н. Курьянов – стахановец карбюраторного завода. Нельзя не отметить, что со стороны рабочих проявилось стремление включиться в ряды стахановцев. К концу 1935 г. в Ульяновске на фабрике им. Гимова было около 50 стахановцев, на Спиртзаводе № 2 – 18 человек[194]. К началу 1936 г. на крупнейшем предприятии Ульяновского округа трудился, согласно официальной статистике, 161 стахановец[195]. В Мордовии стахановское движение началось в январе 1936 г. на Саранского маслозаводе с подачи бригады В.Ф. Тутушкина. К концу календарного года в промышленности Мордовской Автономной Советской Социалистической Республики насчитывалось 22 % стахановец от общего числа рабочих промышленности[196].

Из архивных данных мы можем узнать о росте заработной платы и выдаче премий особо отличившимся рабочим. А. Ф. Борисов – стахановец завода им. Масленникова, работал электромонтером на заводе с июля 1931 г.

---

[193] ГАСО. Ф. Р-2152. Оп. 1. Д. 20. Л. 42.
[194] ГАУО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 1363. Л. 1–2.
[195] ГАНИ УО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 127. Л. 4.
[196] *Адушкин Н. Е.* Рабочий класс Мордовии. Саранск, 1981. С. 75–77.

До включения в стахановское движение норму выполнял на 170–180 %, а в данное время норму выполнял на 213–216 %. Сданная продукция – только на отлично. Вначале зарплата составляла 400–450 руб. в месяц, а повысилась до 500–580 руб.[197]

К концу 1936 г. число стахановцев составляло более 20 % от общей численности рабочих коллективов. 40 % рабочих состояли в движении новаторов производства[198].

Не обошло стороной стахановское движение и Никольский стекольный завод. Об этом свидетельствует таблица 20, в которой приведены данные за первые шесть месяцев 1936 г.[199]

Таблица 20 – Количество рабочих, выполняющие нормы производства за первое полугодие 1936 г.

Выполнение норм по месяцам	До 80 %	80–90 %	91–95 %	96–100 %	101–105 %	106–110 %	111–115 %	116–125 %	125 % и выше	Всего
Январь	265	151	210	106	141	132	71	113	191	1380
Февраль	355	143	101	140	228	113	91	122	147	1440
Март	316	202	141	207	189	127	78	102	157	1519
Апрель	315	269	115	160	203	55	51	83	197	1448
Май	270	251	124	198	169	98	72	126	167	1478
Июнь	288	214	117	160	178	193	74	95	135	1454

К сожалению, архивные материалы не дают имен стахановцев. Но не приходится сомневаться, что на стекольном заводе были свои передовики. Стахановцы, как и рабочая прослойка в целом, являлись выходцами из деревни с достаточно низким уровнем образования. Нередко они были представителями маргинальных социальных групп. И еще, данная прослойка рабочих – молодые люди.

[197] ГАСО. Ф. Р-2934. Оп. 17. Д. 72. Л. 1.
[198] История индустриализации Среднего Поволжья. Куйбышев, 1974. С. 280, 298.
[199] ГАПО. Ф. Р-2503. Оп. 1. Д. 50. Л. 26.

В годы стахановского движения валовая продукция промышленности Средневолжского края увеличилась в 2,4 раза, среднегодовые темпы роста составили 28,4 %, производительность труда увеличилась на предприятиях промышленности за 5 лет на 69,3 %, а на предприятиях тяжелой промышленности – на 105,3 %[200].

Стахановцем, как и ранее ударником, было очень выгодно. Так, на обувной фабрике им. 1 мая зарплата рабочих, которые перевыполняли нормы, была выше. Зарплата варьировалась от 101 до 323 руб. Помимо денежного вознаграждения, трудящимся снимали и ремонтировали квартиры, покупали необходимую одежду и вещи[201].

Много о стахановском движении в Средневолжском крае могут сказать характеристики рабочих. Так, на заводе им. Масленникова работал Борисов Александр Филиппович. «До включения в стахановское движение норму выполнял на 170–180 %, а в данное время норму выполняет на 213–216 %». Зарплата составляла 400–600 руб. в месяц[202]. Мы можем видеть еще один пример реального поощрения за высокую производительность труда.

На фабриках и заводах периодически проводились слеты стахановцев, где они могли себе позволить выдвинуть требования руководству. Так, слет от 24 августа 1936 г. стахановцев фабрики «Красная звезда» потребовал следующее:

1. Перейти на организацию рабочего места, на рационализаторскую перестройку технологического процесса, на системное изучение методов стахановской работы, на проведение в жизнь рационализаторских предложений.

2. Укомплектовывать руководителей хозяйственно-техническим персоналом фабрики и цехов квалифицированными работниками.

3. Усилить массовую работу[203].

Крах стахановского движения произошел в 1937 г. И причин этому было достаточно. Стахановское движение изначально было экономически

---

[200] *Зуев В. Д.* Во главе промышленного преобразования. Куйбышев, 1971. С. 97–98.
[201] ГАСО. Ф. Р-2152. Оп. 1. Д. 20. Л. 1, 14.
[202] ГАСО. Ф. Р-2934. Оп. 17. Д. 72. Л. 1.
[203] ГАСО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 470. Л. 16.

несостоятельным. Всюду встречался саботаж и вредительство должностных лиц. Энергия стахановского движения чаще была направлена на нарушение установок, чем на разумное решение проблем в области экономики, техники, организации труда. Сами стахановцы игнорировали правила технологического режима. Происходило массовое разрушение механизмов. Грабительски использовалось и растрачивалось сырье. В 1936 г. на фабрике «Красная Звезда» стахановское движение на фабрике развивалось медленно, освоение новых норм выработки из месяца в месяц падало, окончательный брак значительно возрос[204].

Социалистическое соревнование и стахановское движение стало отличным способом манипулирования рабочими для проведения партией форсированной индустриализации. Оно сплачивало рабочие коллективы. Во главе движения стояли партия ВЛКСМ, которые всевозможными средствами поднимали рабочие массы на самоотверженный труд. За свою работу ударники получали различного рода поощрения. Помимо материально-денежных поощрений, рабочие поощрялись и материально-неденежными способами (билеты в театр и кино, путевки в дома отдыха и санатории и др.). То есть приобщение к ударнику и стахановцу создавало возможность рабочему повысить свой социальный статус.

Сознательность, добровольность, энтузиазм были главными стимулами этих явлений, которые позволили успешно провести модернизацию страны. Наряду с этим на предприятиях было много формализма. Заводское начальство настоятельно требовало, чтобы достижения ударников превратились в норму для всего остальное коллектива. Хотя это было невозможно из-за старого оборудования и плохого сырья.

Социалистическое соревнование – могучее средство пробуждения и организации инициативы масс для выполнения пятилетнего плана и вместе с тем могучее средство развития самокритики снизу. Соревнование и пятилетка были неразрывно связаны между собой[205]. Социалистическое соревнования является

[204] ГАСО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 470. Л. 16.
[205] Штылько А. Индустриализация СССР в 1-й период Первой пятилетки. М., 1956. С. 29.

ярким положительным моментом складывавшихся на производстве трудовых отношений.

§ 2.2. Нарушение дисциплины труда: причины, виды и последствия

Вопрос о трудовой дисциплине является одним из самых важных в проблеме трудовых отношений на экономических объектах. Ведь добросовестное отношение к труду делает возможным высокие показатели в производстве. А в свою очередь халатное и вредительское отношение, наоборот, мешает развитию экономики. В годы индустриализации на заводах и фабриках СССР развернулась целая война за укрепление трудовой дисциплины.

Во многом современная промышленность России сталкивается с такими же проблемами, что и в годы индустриализации. Производственные фонды устарели, квалифицированных кадров катастрофические не хватает. Материальное вознаграждение находится на низком уровне. Все это не могло привести к добросовестному отношению к труду работников в годы индустриализации. В целом по стране процветала бесхозяйственность. Она господствовала на многих предприятиях как по СССР в целом, так и по Средневолжскому краю в частности. В 1927 г., исходя из статистического материала, среднемесячное число прогулов на государственных предприятиях составляло 5,2, а на частных – 2,9 (таблицы 21, 22)[206].

Не уменьшилось количество прогулов и в годы первой пятилетки. Об этом свидетельствуют следующие данные[207].

Мы можем видеть, что ситуация с прогулами на разных предприятиях отличалась. В случае с пензенским трубочным заводом можно проследить увеличение прогулов по неуважительным причинам[208]. Большое количество

[206] ГАСО. Ф. Р-328. Оп. 11. Д. 52. Л. 117–124.
[207] ГАСО. Ф. Р-9431. Оп. 2. Д. 12. Л. 211.
[208] ГАПО. Ф. Р-324. Оп. 2. Д. 1774. Л. 183.

прогулов было и на заводе № 42 (Самарский округ). За 1928/29 г. рабочие по неуважительной причине не явились на место работы 1196 раз[209].

Таблица 21 – Прогулы по кузнечному цеху за 1928/29 г. Союза Металлистов

Месяц	Уважительные причины	Неуважительные причины
Октябрь	6,25	–
Ноябрь	1,5	1
Декабрь	6	4,5
Январь	8,25	1
Февраль	6,5	–
Март	2,3	1
Апрель	1,5	–
Май	1	–
Июнь	–	–
Июль	2,4	2
Август	14	–
Сентябрь	–	–

Таблица 22 – Прогулы на заводе ЗИФ (Пензенский округ)

Год	Уважительные причины	Неуважительные причины
1928/29	2455	3688
1929/30	2052	4412

Главными причинами прогулов были растущее пьянство при наличии слабого руководства со стороны низовых организаций и плохо поставленная культурно-массовая работа[210]. Не стоит забывать, что слабая подготовка рабочих кадров и отсутствие потомственного пролетариата тоже откладывали отпечаток на трудовую дисциплину.

На низкую трудовую дисциплину указывали высшие партийные чины. Так, В. Хонин писал следующее: «В начале индустриализации труддисциплина стояла

[209] ГАСО. Ф. Р-9431. Оп. 2. Д. 12. Л. 18–19.
[210] РГАСПИ. Ф. Р-17. Оп. 32. Д. 181. Л. 3-7.

на низком уровне. Влияние новых, непропитанных пролетарским духом масс рабочих, отрицательно сказалось на производственном режиме на предприятиях. Случаи хулиганства, пренебрежительное отношение к распоряжениям мастеров, директоров, вмешательство в административные функции и т. п. имели довольно значительное место, причем неявки на работу в первом полугодии 1929 г. возросли до 11,2 % против 9,4 %, бывших в том же полугодии прошлого года. Значительно увеличивались неявки по болезням (с 6,4 до 8,0 %)»[211].

Существенными факторами, влияющими на трудовую дисциплину в годы индустриализации в Средневолжском крае, являлись: огромный приток молодежи из деревни, которая слабо представляла свое место в новом для себя обществе, формальное занятие администрацией вопросами быта и охраной труда своих подчиненных, дефицит продуктов и товаров первой необходимости.

При всем этом на заводах региона был установлен тяжелый и строгий распорядок. Пензенский трубочный завод работал в три смены:

I смена: с 8 до 17 ч.

II смена: с 17 ч до 1 ч 10 мин.

III смена: с 1 ч 10 мин до 8 ч.

Очень жесткие порядки были на Никольском стекольном заводе. Работа в различных цехах предприятия начиналась и заканчивалась в разное время. Можно сказать, что в «Красном гиганте» некоторые цеха работали круглосуточно. Об этом нам говорит график работы цеха выработки стали: работа на горшковых печах начиналась в 7 ч и заканчивалась в 15 ч 40 мин. В течение рабочего времени устанавливался обеденный перерыв с 10 ч 30 мин до 11 ч 30 мин.

Но при сменной работе на ванной печи время начала и время окончания работы устанавливались в следующие часы:

1 смена – начало работы в 0 ч, конец в 6 ч.

2 смена – начало работы в 6 ч, конец в 12 ч.

3 смена – начало работы в 12 ч, конец в 18 ч.

---

[211] *Хонин В.* Итоги работы местной промышленности за 1-е полугодие 1929. Самара, 1929. С. 77–78.

4 смена – начало работы в 18 ч, конец в 24 ч.

Все работающие в цехах: администрация, рабочие и служащие, – обязаны были строго соблюдать установленную дисциплину и общий распорядок. Все распоряжения администрации должны были беспрекословно выполняться. Рабочим и служащим запрещалось выполнять какую-либо работу для себя или на сторону. Воровство и появление на работе в состоянии алкогольного опьянения наказывалось увольнением с предприятия.

Также воспрещалось:

а) самовольно вне установленного порядка оставлять без присмотра пущенную в ход машину, станок и т.д.;

б) сшивать, снимать и надевать на ходу приводные ремни;

в) работать на неисправных станках, машинах и т.д. без ведома администрации;

г) пользоваться без особого разрешения инструментами, машинами и т.д., не приспособленными для работы;

д) употреблять для работы самодельные приспособления без одобрения их администрацией[212].

На пензенской фабрике «Маяк революции» заводское управление обязано было строже следить за трудовой дисциплиной среди рабочих. Ни одного случая нарушения труддисциплины нельзя было оставлять без последствий[213]. Летом 1931 г. ввели новое положение насчет курения. Лица, которые курят за пределами специально отведенных мест, подлежали увольнению[214]. Такие строгие правила не сократили количества негативных явлений на производстве. Систематические прогулы допускали ученики ФЗУ. Также они были замечены в «грубом и неуважительном обращении с предприятием»[215]. Но стоит сказать, что и кадровые опытные рабочие проявляли недопустимые нарушения трудовой дисциплины. Наблюдалась и среди этой прослойки рабочих порча заводского имущества[216]. На

[212] ГАПО. Ф. 2503. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.
[213] ГАПО. Ф. Р-510. Оп. 1. Д. 61. Л. 44–45.
[214] Там же. Л. 87.
[215] Там же. Л. 24,33.
[216] ГАПО. Ф. Р-510. Оп. 1. Д. 62. Л. 18.

заводе № 42 ввели даже целый табель взысканий за нарушение трудовой дисциплины[217].

На Самарском кожевенном заводе им. Линдова согласно правилам внутреннего распорядка в 1930 г. рабочий в случае невыхода по болезни был обязан поставить об этом в известность администрацию не позднее двух дней со дня заболевания[218]. На данном предприятии в 1930-е гг. развернулась борьба за улучшение трудовой дисциплины. Об этом свидетельствуют многочисленные приказы. Слесарю Елычеву за допуск в машинное отделение в ночное время посторонних лиц объявили выговор. Рабочего Рябова уволили за отказ перейти на работу по низшему разряду с выдачей двухнедельного выходного пособия. Рабочего корпуса № 1 Чеснокова уволили за невыход на работу более трех дней. За самовольную отлучку было уволено несколько «рабочих-летунов». Также в приказах встречаются так называемые дезертиры труда[219]. Эти примеры еще раз подтверждают гипотезу о строгих порядках на промышленных предприятиях СССР в изучаемый период.

Не лучше обстояло дело с трудовой дисциплиной на заводе им. Масленникова в Самаре. Документы 1932 г. нам рассказывают о самых часто встречаемых нарушениях. Это потеря и небрежное хранение пропусков на территорию предприятия, за которые следовали, как правило, выговоры. Встречались случаи систематического хищения материалов. За это работники подвергались увольнению. Но самым распространенным проявлением вредительства стало забрасывание в приборной и уборной посторонних предметов, таких как тряпки, металлические обрезки, детали и т. п.[220] В марте 1928 г. на Пензенском трубочном заводе в помещении кузницы водопроводной мастерской было обнаружено 11 штук выбитых стекол в окнах. Стекла были разбиты рабочими

[217] ГАУО. Ф. Р-454. Оп. 1. Д. 305. Л. 5–8.
[218] ГАСО. Ф. Р-919. Оп. 10. Д. 1. Л. 1
[219] Там же. Л. 2, 5, 87, 94, 115.
[220] ГАСО. Ф. Р-2934. Оп. 11. Д. 1. Л. 5, 56, 58, 104, 176, 194, 281.

9 мастерской Головым и Сладковым. Данным рабочим был объявлен выговор за умышленную порчу заводского имущества[221].

Огромной проблемой было воровство рабочих. Чего только не пытались вынести с завода. Особенно это ярко показано в архивных материалах Пензенского трубочного завода за 1928 г. Так, в приказе от 21 марта 1928 г. № 151 упоминается случай, когда рабочие Пахомов и Окунев при доставке груза со станции на завод выбросили по дороге железный прут в снег. Рабочим объявили выговор с предупреждением. В июле у работницы хозяйственно-технического отдела (ХТО) Шварцберг при ее попытке миновать проходную было обнаружено похищенное ею мыло в количестве 800 грамм. Рабочий 1-й мастерской Кузьмин был задержан сторожем контрольного прохода, причем в этот момент у Кузьмина были обнаружены 178 штук деревянных колпачков. При допросе рабочий сознался, но это его не спасло от увольнения с предприятия[222]. В приказе от 21 июня 1932 г. указывалось, что работник велозавода Левашев украл 170 велоспиц, за что и был уволен[223].

Немногим лучше обстояло дело с трудовой дисциплиной на заводе «Металлист» в Ульяновске. Только за второй квартал 1930 г. было замечено 178 случаев нарушений правил распорядка на заводе. Но из них всего лишь 12 человек понесли наказание в виде выговора и увольнения[224]. В свою очередь, за третий квартал было уже 184 случая нарушения дисциплины[225]. А за четвертый – 193[226]. Таким образом, мы можем видеть тенденцию к увеличению негативных явлений на производстве.

Особенностью индустриального развития в 1930-е гг. являлась социальная напряженность в трудовых коллективах из-за жесткой трудовой дисциплины. Только за один прогул в течение месяца рабочий подвергался не только штрафу, но

[221] ГАПО. Ф. Р-324. Оп. 1. т. 1. Д. 1520. Л. 94.
[222] Там же. Л. 81, 225, 274.
[223] ГАПО. Ф. Р-324. Оп. 1. Д. 1552. Л. 159.
[224] ГАУО. Ф. Р-276. Оп. 1. Д. 172. Л. 21.
[225] ГАУО. Ф. Р-276. Оп. 1. Д. 172. Л. 53.
[226] ГАУО. Ф. Р-276. Оп. 1. Д. 172. 86.

и социальному наказанию: лишался продовольственной карточки и жилплощади. Из-за этого текучка рабочих кадров в 1930-е гг. была очень высокой. Она доходила до 80–90 %[227]. Так, за 7 месяцев в коллективе табачников Самары произошла сменяемость на 199 человек. Дисциплина на данном объекте экономики из-за этого оставляла желать лучшего[228]. На предприятиях встречался беспредел со стороны адмintехперсонала. Так, в 1928 г. на Лесозаводе № 2 (Пензенский округ) назначенный управляющий Обрезков не успел приступить к исполнению своих прямых обязанностей, как уже начал производить всевозможные увольнения[229]. На Измайловской суконной фабрике в этот же год увольнения производились неправильно, нерационально, в ущерб не только для рабочих, но и для производства. На кожевенном заводе им. Линдова за 1932 г. убыло 127 человек по разным причинам[230]. Это все толкало рабочих на ответный протест. Так, в 1931 г. на фабрике «Металлоштампт» в Самаре рабочие относились к своим обязанностям с прохладцей, производили бессистемный частый отдых и курение в рабочие часы, прекращали работу за 25–30 мин до звонка; следствием чего являлась неполная загрузка рабочего дня[231].

В годы НЭПа самым распространенным негативным явлением среди рабочего класса стало пьянство. Пили зачастую, не отходя от станка. На предприятиях Самары, Пензы, Сталинграда, Астрахани дело доходило до остановок производства[232]. Также пьянство способствовало снижению трудовой дисциплины на промышленных объектах. Только за 1928/29 г. на Самарском заводе № 42 был вынесен 81 выговор за появление на работе в состоянии алкогольного опьянения[233]. В Самаре были случаи, когда рабочие пропивали выданную спецодежду. На писчебумажной фабрике «Маяк революции» в Пензе пьянство

---

[227] *Коровин Н. Р.* Индустриализация СССР в 30-е гг. Иваново, 2001. С. 38–39.
[228] Волжская коммуна. 1928. 10 декабря. С. 3.
[229] СОГАСПИ. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.
[230] ГАСО. Ф. Р-919. Оп. 12. Д. 3. Л. 1.
[231] ГАСО. Ф. Р-671. Оп. 1. Д. 188. Л. 3.
[232] *Камардин И. Н.* Пьянство среди рабочих Поволжья в годы НЭПа // Известия высших учебных заведения. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 4 (20). С. 28–29.
[233] СОГАСПИ. Ф. Р-9431, Оп. 2. Д. 12. Л. 18–19.

охватило всех трудящихся завода, встретить трезвого рабочего в это время было сложно. На суконной фабрике «Творец Рабочий» наблюдалось поголовное пьянство рабочих уже с 14–15 лет. «Повальное пьянство» было на стеклозаводе № 1 «Красный Гигант» и т. д.[234] На Комбинате «Союзмясо» 27.12.1931 за пьяную драку рабочие Еримин, Симонов, Юдин, Бигашев уволены с производства, исключены из членов Союза с правом вступления обратно[235]. Штукатур завода № 15 Южин брызнул в лицо своему товарищу Колабенину известковым раствором. Последнего госпитализировали в больницу[236]. В Самаре на типографии № 2 злостное употребление алкоголя вело не только к прогулам по неуважительной причине, но и росту брака в производстве[237]. Кучер ХТО Буркин на Пензенском трубочном заводе, назначенный для транспортировки больного в городскую больницу и для доставки медикаментов, через несколько часов после отъезда из завода был обнаружен на солдатских огородах в крайне нетрезвом виде и был не в состоянии выполнить данное поручение. Кучеру был объявлен выговор с извещением районного заводского комитета [238].То есть алкоголизм мог привести к серьезным последствиям.

Потребление алкоголя рабочими, исходя из статистики того времени, с 1924 по 1928 г. увеличилось в 8 раз. По материалам обследования, в 1927 г. в крупных городах европейской части РСФСР расходы на пиво и вино только у молодых рабочих составляли 16–17 % заработка, что в полтора раза превышало затраты на книги[239]. Вот как описывает конец рабочей недели самарская газета «Волжская коммуна»: «Когда вы вступаете на землю самарской слободы, вам, прежде всего, бросаются в глаза освещенные окна пивных, чайных и постоялых дворов. Они расположены по преимуществу в одном центральном квартале главной улицы. Там извозчики, пересыпающие свою речь удушающим матом, для которых чайная и

[234] ГАПО. Ф. Р-2. Оп. 4. Д. 224. Л. 551–552, 740.
[235] СОГАСПИ. Ф. Р-9362. Оп. 1. Д. 17. Л. 31.
[236] Волжская коммуна. 1929. 27 марта. С. 4.
[237] Волжская коммуна. 1929. 24 февраля. С. 3.
[238] ГАПО. Ф. Р-324. Оп. 1. Т. 1. Д. 1520. Л. 380.
[239] *Ларин А.* Алкоголизм промышленных рабочих и борьба с ним. М., 1929. С. 7–8.

клуб, и биржа, и место отдыха и развлечений. Подходит к концу трудовая неделя. В это время переполнены чайные и пивные. В одну из них заходим. На лестнице – целый рой беспризорных. Подпившие еще раньше рабочие с лесопильного глушат хмель пивом и закусывают калачом, отрывая большими кусками от огромного каравая»[240]. В среднем 90 % промышленных рабочих считались уже пьющими людьми, так как употребляли алкогольную продукцию ежедневно, а не эпизодически. В Самаре, как и в ряде городов СССР, были закрыты места продажи крепких напитков, расположенные вблизи заводов, фабрик и жилищ рабочих. Но серьезных положительных результатов достигнуть не удалось. Хотя на Языковской фабрике в Ульяновске удалось снизить число прогулов после закрытия всех ближайших винных лавок[241].

Остановки производства были не только по причине повального употребления алкогольной продукции. Так, 4 января 1936 г. на Станкостроительном заводе в Самаре была произведена случайная, ни с кем не согласованная, ненужная пожарная тревога, в результате которой последовал вызов пожарной части на территорию завода и остановка производства на несколько часов[242]. Некоторые рабочие позволяли себя сон во время рабочего дня (рабочий Федотов А. А. с завода им. Масленникова)[243].

Но все-таки прогулы и употребление алкогольной продукции были основными видами нарушений трудовой дисциплины в изучаемый период. Об этом свидетельствует следующие статистические материалы (таблица 23)[244].

[240] Волжская коммуна. 1929. 13 ноября. С. 2.
[241] Волжская коммуна. 9 марта 1929. С. 2.
[242] ГАСО. Ф. Р-1111. Оп. 8. Д. 15. Л. 2.
[243] ГАСО. Ф. Р-2934. Оп. 8. Д. 76. Л. 279.
[244] СОГАСПИ. Ф. Р-9431. Оп. 2. Д. 12. Л. 283.

Таблица 23 – Сведение за 1928/29 г. о выговорах, объявленных за самовольный невыход на работу и за появление в пьяном виде на заводе № 42

Прогулы	1237
Пьянство	91

Мы можем видеть, какие были серьезные проблемы с трудовой дисциплиной на достаточно небольшом предприятии региона.

Вполне обыденным явлением на заводах региона были растраты. Так, на заводе № 42 представители администрации растрачивали профсоюзные деньги крупными суммами. Подобная ситуация сложилась и в 1929 г. на Безулукском промкомбинате с директором Кулаковым[245], т.е. нарушали установленные порядки на заводах не только рядовые рабочие.

Вопросы негативных явлений на производстве были обстоятельно рассмотрены в письме ЦК ВКП (б) по всем парторганизациям от 21 февраля 1929 г. «О поднятии трудовой дисциплины». Проблема укрепления трудовой дисциплины среди молодежи стояли в числе важнейших в работе комсомольских организаций. Во многих городах создавались инициативные группы молодежи по борьбе с прогулами. В Пензе для учета неявившихся на работу комсомольцев, своевременного информирования о них ячеек ВЛКСМ выдвигались специальные уполномоченные из числа членов ВЛКСМ. Комсомольские организации устанавливали «черные доски» на видных местах, куда вывешивались «позорные списки» молодых рабочих, нарушивших трудовую дисциплину. На производственных участках открывались «черные» кассы для отдельных прогульщиков. Своеобразной формой информирования о молодых нарушителях трудовой дисциплины стали проводимые ВЛКСМ «конкурсы на лодыря-прогульщика»[246]. Примерами могут послужить провинившееся рабочие железнодорожных мастерских Самары: Кузнец Игнатенко заснул в рабочее время,

[245] Волжская коммуна. 1929. 8 мая. С. 3.

[246] *Деревякин Г. Н.* Коммунистическая партия – руководитель и организатор трудового воспитания молодого поколения рабочего класса в годы социалистического строительства (1921–1937). Саратов, 1984. С. 49–51.

маляр Чертов явился в пьяном виде на работу[247]. Данных вредителей производства ждала «черная доска». В мае 1929 г. такой же участи удостоились три рабочих мельницы № 60. Еще одним способом борьбы с тунеядцами стали товарищеские суды. К примеру, товарищеский суд на кондитерской фабрике в Пензе[248]. Рабочего могли исключить из профсоюза или партии, выгнать с работы без права восстановления. Данные общественные суды очень редко вставали на сторону обычных рабочих.

Еще раньше, в декабре 1928 г., наркомат труда и наркомат финансов РСФСР издали постановление о взысканиях за мелкие фабрично-заводские кражи, налагаемые на рабочих и служащих. Согласно постановлению за кражи такого рода, совершенные впервые, если стоимость похищенного не превышает 15 руб., дисциплинарные взыскания могут выражаться: в выговоре с объявлением по цеху или заводу, перемещении на низшую должность (срок до 6 месяцев) или в увольнении[249].

Типичным явлением для Средневолжского края были традиционные месячники борьбы с хулиганством. В рамках этих акций составлялись так называемые «черные списки»[250]. Об особо «отличившихся» хулиганах писала местная периодическая печать.

В рамках социалистического соревнования на некоторых предприятиях шла борьба за «изжитие прогулов по неуважительным причинам»[251] (Самарский кожевенный завод им. Линдова). Сами рабочие составляли индивидуальный вызов друг друга: производить работу до гудка и прекратить бездельное хождение. Тем самым на заводе поднималась производительность труда благодаря такому энтузиазму рабочих. За февраль 1929 г. в ходе развернувшегося соревнования на Средневолжском металлическом заводе были снижены прогулы в несколько раз[252].

---

[247] Волжская коммуна. 1929. 10 апреля. С. 2.
[248] Волжская коммуна. 1929. 22 мая. С. 2.
[249] Волжская коммуна. 1928. 8 декабря. С. 2.
[250] Волжская коммуна. 1930. 10 марта. С. 4.
[251] ГАСО. Ф. Р-919. Оп. 9. Д. 6. Л. 27.
[252] Волжская коммуна. 1929. 14 марта. С. 4.

За первую половину апреля 1930 г. на заводе «Возрождение» в Самаре прогулы по неуважительным причинам были снижены с 0,75 % до 0,19 %[253], т.е. рабочие сами брали инициативу в свои руки, чтобы снизить количество прогулов и тем самым поднять производительность труда.

О предприятиях, которые добились значительных изменений в поднятии трудовой дисциплины, писала местная пресса, к примеру спичечная фабрика[254]. Тем самым это мотивировало рабочих других предприятий к снятию их с «черных досок».

Представление о негативных явлениях на производстве могут дать рассекреченные в 90-е гг. XX в. сводки ОГПУ. Из этих архивных материалов мы можем узнать о небольших забастовках и остановках производства, которые все-таки достаточно редко встречались на промышленных предприятиях. Так, в июле 1929 г. на Самара-Златоустовской железной дороге рабочие прекратили работы, сославшись на низкие оценки труда. Годом ранее среди рабочих текстильной промышленности был отмечен один случай забастовки на почве недоснабжения продуктами питания первой необходимости. В октябре 1928 г. произошла забастовка 80 рабочих Самарской конторы Волгогруза. Люди требовали 50 % прибавки к заработной плате[255].

Таким образом, на предприятиях Средневолжского региона существовали определенные проблемы с трудовой дисциплиной. Обыденным явлением стали опоздания и прогулы по неуважительным причинам, что, конечно же, негативно влияло на производительность труда. Огромное распространение получили пьянство, воровство и порча казенного имущества со стороны рабочего класса. Несмотря на разнообразные санкции со стороны заводской администрации, профсоюза и партии в виде выговоров, денежных штрафов, понижения в разрядах и даже увольнений серьезно переломить ситуацию не удалось.

---

[253] Волжская коммуна. 1930. 26 апреля. С. 3.
[254] Волжская коммуна. 1930. 27 марта. С. 2.
[255] СОГАСПИ. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 25. Л. 17, 164.

Причинами негативных явлений на производстве были: недовольство рабочих низкой оплатой труда и тяжелыми условиями работы, продовольственные трудности. Большинство рабочих Средневолжского края были деревенского происхождения, что явилось существенным фактором, который влиял на трудовую дисциплину.

Нарушения трудовой дисциплины очень пагубно сказывались на показателях промышленных предприятий. Нередко срывались производственные программы из-за остановки работы цехов и даже целых предприятий.

Выводы по главе 2

1. Социалистическое соревнование было одной из главных причин успешной индустриализации Средневолжского края. Оно являлось положительной чертой складывающихся на промышленных предприятиях региона системы трудовых отношений.

2. В изучаемый период быть ударником было почетно, так как их стимулировали как материальными, так и моральными стимулами. Но при этом существовало в данном явлении много формализма, которое и погубило его.

3. Основными формами нарушения производственной дисциплины в изучаемый период были пьянство, прогулы, кража заводского имущества.

4. Заводское начальство пыталось жестко навести порядок на промышленных предприятиях, но коренным образом переломить ситуацию не удалось. Главными причинами низкой производственной дисциплины были текучка кадров, слабое материальное стимулирование и тяжелые условия труда.

ГЛАВА 3. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ РАБОЧИХ В ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Обеспечение высокого уровня жизни населения – это одно из самых сложных направлений деятельности государства и управленцев. Обеспечение достойного уровня жизни является мощным оружием в организации и улучшении результатов производства.

На протяжении многих веков важнейшим видом стимулирования является материальное. Проблема оплаты труда – одна из самых старых проблем на земле. Заработная плата помогает выработать общественную меру и оценку результатов деятельности человека. Она может быть групповой, коллективной, индивидуальной.

У заработной платы несколько функций: воспроизводственная, стимулирующая, социальная и др. В изучаемый нами период важную роль играла стимулирующая функция. В 1920–30-е гг. заработная плата напрямую связалась с производительностью труда. Вообще, в годы первых пятилеток устанавливается тенденция роста заработной платы над производительностью труда.

В годы индустриализации одной из составляющей производственной повседневности становятся условия труда рабочих. На промышленных предприятиях Средневолжского края развернулась борьба за оздоровление производственной среды. Тем самым неразрывно с условиями труда связан вопрос и медицинского обслуживания рабочих. Безусловно, показателем уровня жизни являются жилищно-бытовые условия рабочих. Советская власть в них видела сильный инструмент, заставляющий рабочего лучше и более усиленно трудиться.

Неотъемлемой частью в 1920–30-е гг. повседневной жизни стала культурная сторона. Именно досуг помогал рабочему отдохнуть после тяжелого рабочего дня, отвлечься от тяжелой работы.

§ 3.1. Материальное стимулирование и уровень доходов трудящихся

Материальное стимулирование заключается в поощрении рабочих денежными выплатами по результатам выполненной работы. И чем выше материальные выплаты, тем выше стимул рабочего лучше и усерднее трудиться. Таким образом, роль материального стимулирования играет до сих пор очень важную роль в системе производственных отношений.

Заработная плата являлась основным материальным стимулом. В советское время появилась традиция показывать средней заработок трудящихся. При исчислении среднего заработка учитывается как основное вознаграждение, так и дополнительное вознаграждение, носящее постоянный характер[256]. При подсчете заработной платы не учитываются следующие денежные вознаграждения и пособия:

– все виды дополнительного вознаграждения единовременного характера, как-то: вознаграждение за выполнение отдельных поручений, не входящих в круг обычных обязанностей работника; наградные;

– вознаграждения за сверхурочные работы;

– вознаграждение за работу в революционные дни;

– пособия, выплачиваемые по временной нетрудоспособности;

– выплаты при командировках и переводах;

– компенсации за неиспользуемый отпуск[257].

Средняя заработная плата в начале индустриализации значительно повысилась (таблицы 24)[258]. Эти данные свидетельствуют о том, что СССР стремился стать высокоразвитой индустриальной страной. И чтобы привлечь людей на заводы и фабрики власть повышала заработную плату. За первые два года индустриализации заработная плата увеличивалась в среднем на 10 руб., что составляет 16 % (приложение 2).

---

[256] Harrison M. Trends in Soviet labour productivity, 1928–85: War. Postwar recovery, and slowdown // European Review of Economic History. 1998. № 2. P. 171–200.
[257] ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 16. Д. 33. Л. 1.
[258] РГАСПИ. Ф. Р-106. Оп. 1. Д. 126. Л. 18.

Таблица 24 – Движение среднемесячной заработной платы

Годы	1926/27	1927/28	1928/29
Среднемесячная зарплата за год	60, 38	67,0	70,8

Заработную плату рабочих промышленных предприятий наглядно показывает таблица приложение 7[259]. Исходя из этих данных, мы можем видеть рост заработной платы рабочих на некоторых предприятиях региона (Винокуренный завод, Полиграфпром). Но при этом на других промышленных объектах идет можно видеть понижение оплаты труда. Это было связано в первую очередь с тем, что основная масса денег уходила на повышение производственных мощностей заводов и фабрик.

Дальше заработная плата рабочих промышленных предприятий продолжала увеличиваться. Так, среднемесячная зарплата за 1931 г. на одного человека в Средневолжском регионе составила 141, 99 руб. Хотя план был 139, 5 руб.[260] Тем самым появилась новая проблема: перерасход зарплатного фонда.

Метод так называемых средних показателей критиковался экономистами и в 1930-е гг.. Он не учитывал вовсе серьезные сдвиги, происходившие в рабочем классе в период индустриализации.

В годы «сталинской индустриализации» появились новые профессии, изменила характер труда, росла производительность труда. Запускались в работу новые предприятия. Квалификационные характеристики рабочих старых и новых предприятий показаны экономистом В. Радзиминским (таблица 25).

[259] СОГАСПИ. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 36. Л. 4-5.
[260] ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 16. Д. 96. Л. 7.

Таблица 25 – Квалификация рабочих старых и вновь пускаемых предприятий страны в 1931, 1932 гг. (%)

Группа квалификаций	По всей промышленности		На вновь пускаемых в 1932 г. предприятиях
	на 01.01.1931	на 01.01.1932	
Высококвалифицированные	11,3	11,5	14,8
Среднеквалифицированные	30,3	28,4	15,5
Полуквалифицированные	32,3	35,4	47,5
Неквалифицированные	26,2	24,7	22,2

Из данных таблицы 25 мы можем видеть резкое сокращение числа рабочих средней квалификации и рост полуквалифицированного пролетария[261]. Это было явно негативным явлением. Ведь неквалифицированные рабочие чаще совершали брак и ломали заводское оборудование. Наличие большого количества полуквалифицированного и неквалифицированного пролетариата было связано с начавшейся коллективизацией и большим притоком свободных рабочих рук в город.

Несмотря на рост заработной платы рабочих по всем регионам СССР, недовольства пролетария на отдельных предприятиях не удалось избежать. Рабочие Самаро-Златоустовской железной дороги на протяжении 1928–1929 гг. были очень недовольны низкими расценками и разницей в оплате труда. В некоторые дни дело доходило до прекращения работ[262].

5 октября 1928 г. произошла забастовка грузчиков на работах Самарской конторы Волгоразгруза. Рабочие требовали 50 % прибавки к окладу[263].

Примерно с середины 1920-х гг. органы государственной власти и профсоюзы стали проводить политику уравнивания заработной платы. Одним из элементов было уравнивание заработной платы по отраслям производства.

[261] Радзиминский В. Планирование зарплаты. М., 1932. С. 42.
[262] СОГАСПИ. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 25. Л. 17.
[263] СОГАСПИ. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 25. Л. 164.

Особенно ярко разница в зарплате проявляется на суконных предприятиях Средневолжского края летом 1929 г.

Данные таблицы 26 показывают небольшую разницу в зарплатах рабочих схожих по отрасли предприятий[264]. Стоит также отметить, что предприятия, приведенные в таблице, располагались в одном городе – Ульяновске. На этом примере можно увидеть, что советской власти не удавалось уравнять в доходах рабочих.

Таблица 26 – Заработная плата рабочих суконных предприятий (в день)

Профессия	Фабрика им. Гладышева	Фабрика им. Ленина	Фабрика им. Свердлова
Сортировщики	2,05 руб.	1,33 руб.	1,23 руб.
Секретчики	2,21 руб.	2,38 руб.	1,95 руб.
Присучалки	2,05 руб.	1,52 руб.	1,38 руб.

Несмотря на все усилия, разрыв в размерах заработной платы сохранялся до конца 1920-х гг. Советская власть стремилась вывести на первое место по заработку рабочих ведущих отраслей промышленности, но при этом сдержать рост ее в других отраслях. XV партийная конференция еще раз подчеркнула, что необходимо выравнивание заработной платы квалифицированных и неквалифицированных рабочих.

Однако процесс выравнивания проходил достаточно медленно. В начале 1930-х гг. официальная статистика констатировала «…значительное отставание заработной платы основных ведущих отраслей тяжелой промышленности и в первую очередь каменноугольной промышленности и металлургии черных металлов. В то же время в ряде отраслей легкой индустрии – кожевенно-меховая, кожевенно-обувная, полиграфическая, бумажная, – уровень зарплаты на всем протяжении анализируемого периода превышал среднюю зарплату во всей

[264] СОГАСПИ. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 2. Л. 218.

промышленности, заработная плата каменноугольной промышленности до 1930 г. включительно оставалась значительно ниже средней в промышленности[265].

Данный процесс продолжился и в годы первой пятилетки. Еще в 1929 г. по размеру оплаты труда лидировали наряду с машиностроением и обработкой металла обувная, кожевенно-меховая и полиграфическая промышленность (приложение 3).

Основные тенденции выравнивания были одинаковы во всей промышленности страны, но по регионам наблюдались свои особенности. Это было связано с традициями и характером производства. В столицах того или иного региона оплата труда была выше, чем в провинции. И продолжал долгое время сохраняться разрыв между высококвалифицированными рабочими и малоквалифицированными.

Результаты выравнивания зарплаты рабочих показаны в таблице 27[266].

Таблица 27 – Распределение работников промышленности по размерам заработка

Год	Среднемес. зарплата	Заработная плата рабочих в процентном отношении к средней заработной плате						
		До 20 руб.	20–40 руб.	40–60 руб.	60–80 руб.	80–100 руб.	100–150 руб.	Св. 150 руб.
1924	41,24 руб.	18,5	40,9	23,6	9,7	4,1	2,5	0,7
1925	46,56 руб.	11,8	38,7	27,7	11,8	5,1	3,8	1,1
1926	58,64 руб.	4,9	25,9	29,8	18,1	10,0	8,6	2,7
1927	66 руб.	2,4	18,7	29,3	21,6	12,8	11,5	3,7
1928	71,44 руб.	13,7		27,2	24,7	15	15,4	4
1929	76,14 руб.	9,8		25,4	25	17,2	17,9	4,7
1930	84 руб.	8		20,9	23,4	18,2	21,9	7,6

Мы можем видеть, что постепенно сокращалась численность самых низкооплачиваемых рабочих. Стало увеличиваться количество людей,

[265] *Ильюхов А. А.* Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. С. 124.
[266] *Шмидт В.* Положение рабочего класса в СССР. М. ; Л. 1928. С. 14.

получающих среднюю заработную плату (от 60 до 80 руб.). С 1928 г. согласно официальной статистике зарплаты ниже 20 руб. вовсе не существовало. Количество людей, получающих минимальную зарплату, стало составлять 8 %, что стало большим достижением советской власти.

Следующей тенденцией перед индустриализацией был рост заработной платы (приложение 8). Как мы можем заметить, разрыв в темпах роста заработной платы по отраслям производства небольшой, но не во всех отраслях промышленности наблюдается примерно одинаковая заработная плата. Так, рабочие резиновой промышленности получали почти в два раза больше, чем рабочие спичечной отрасли. Также в особо привилегированном положении оказались работники нефтяной, электротехнической и металлургической промышленности. Средняя зарплата с началом индустриализации выросла на 4 руб. и составила 64,5 руб. Стоит отметить, что от политики «выравнивания» заработной платы отказались в начале 1930-х гг.

Индустриализация 1920–30-х гг. вынудила правительство перейти к реформе заработной платы. Партия отмечала, что надо было увеличить производительность труда. Тем самым надо было сократить разрыв между уровнем роста оплаты труда и ростом производительности.

Для этого были проведены следующие мероприятия:

– началась решительная борьба с уравнительностью;

– была обеспечена более высокая оплата труда рабочих «ведущих производств»;

– введена сдельная оплаты труда на всех отраслях промышленности;

– осуществление экономии средств на выплату заработной платы самыми различными способами[267].

Но все же советская власть так и не смогла примерно уровнять рост заработной платы к производительности труда. Еще в годы первой пятилетки рост

[267] *Ильюхов А. А.* Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. С. 213.

заработной платы превышал рост производительности труда. Об этом свидетельствуют данные по СССР.

Особенно зарплата стала обгонять производительность труда примерно с начала 1932 г. Самые высокие показатели по росту заработной платы по отношению к производительности согласно данным таблицы 28 наблюдаются в черной металлургии и угольной промышленности. Об этом свидетельствуют цифры треста «Союзстрой»[268].

Таблица 28 – Заработная плата и производительность труда в первой пятилетке (% к 1927/28 г.)

Годы	Машиностроение		Черная металлургия		Угольная		Химическая		Хлопчато-бумажная	
	Выра-ботка	Зар. плата	Выра-ботка	Зар. плата	Выра-ботка	Зар. плата	Выра-ботка	Зар. плата	Выра-ботка	Зар. плата
1928/29	126,6	111,6	110,8	110,0	107,5	105,7	110,1	108,4	113,6	106,6
1929/30	129,9	123,2	132,9	122,7	131,4	112,2	126,5	113,2	116,6	116,1
1930	131,5	135,7	131,6	136,4	132,3	125,3	126,1	121,2	113,3	126,2
1931	138,1	147,8	123,0	166,6	126,4	152,0	127,0	142,0	123,3	130,4
1932	–	165,2	–	200,0	–	–	–	161,3	–	143,5

Мы можем видеть, что начиная с марта 1932 г. рост заработной платы стал стабильно превышать производительность рабочих (таблица 29)[269]. Хотя, по замыслу советских лидеров, должен был быть паритет между производительностью труда и заработной платы.

Также власть стремилась ликвидировать диспропорции в системе оплаты труда, когда рабочие одинаковой профессии получали разную заработную плату на различных предприятия и в различных регионах СССР.

«Борьба с уравниловкой – это главный лозунг реформы, начавшейся в 1930-е гг. И. В. Сталин говорил, что уравниловка это психология крестьянского

[268] *Ильюхов А. А.* Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. С. 215.
[269] Там же. С. 217.

образа мышления, примитивного крестьянского «коммунизма». С этой реформой большевики хотели также поменять образ мышления рабочих. Воспитать из них новых людей с новой психологией. В свою очередь нарком труда А. М. Цихон указывал, что уравниловка мешает подъему производительности труда[270]. Взамен партия решила повысить роль тарифной ставки в оплате труда, как в развитых странах.

Таблица 29 – Соотношение между ростом производительности труда и зарплатой по тресту «Союзстрой» в 1932 г. (%)

Месяц	Рост производительности труда	Рост зарплаты
Январь	107,3	106,8
Февраль	106,3	104,8
Март	105,4	108,3
Апрель	108,2	110,1
Май	103,6	106,4
Июнь	109,3	115,9
Июль	112,1	117
Август	116,8	120
Сентябрь	116,4	121,4
Октябрь	–	–
Ноябрь	–	–
Декабрь	110,1	112,3

В 1932–1934 гг. советская власть провела новую тарифную реформу, в результате которой наконец-то была установлена четкая и значительная разница

[270] *Цихон А. М.* Добьем уравниловку и обезличку. М., 1932. С. 13.

между разрядами. К примеру, тарифная сетка на промышленных объектах машиностроения показана в таблицах 30, 31[271]:

Таблица 30 – Тарифная сетка машиностроителей в 1932 г.

Разряды	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Соотношения	1	1,2	1,45	1,75	2,1	2,5	3	3,6

Таблица 31 – Тарифная сетка текстильщиков в 1932 г.

Тарифный разряд	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Тарифный коэффициент	1	1,11	1,23	1,38	1,55	1,72	1,93	2,17	2,41	2,7	3	3,35	3,72	4,13	4,6

Исходя из данных таблиц 30 и 31, можно заключить, что в тяжелой индустрии зарплаты были выше, чем в легких отраслях промышленности. К примеру, рабочему машиностроительной отрасли 8-го разряда примерно соответствовал рабочий-текстильщик 13-го разряда[272].

В свою очередь у текстильщиков с этого же года было пятнадцать разрядов. Также в годы второй пятилетки сдельная дневная оплата значительно превышала повременную на всех текстильных предприятиях СССР.

Но стоит сказать, что некоторые хозяйственники не обратили особого внимания на установленные нормы оплаты труда. И на некоторых предприятиях бывали случаи, когда низкоквалифицированные рабочие получали зарплату выше, чем трудящиеся высокой квалификации. Руководство страны одним из недостатков

[271] Там же. С. 19.
[272] *Ильюхов А. А.* Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. С. 261.

в организации зарплаты в 1930-е гг. считало то, что на ее регулирование не оказывают влияние заводское начальство, т. е. они не контролируют ее рост [273].

На промышленных предприятиях существовала система доплат повременщикам за простои. В результате роль тарифной ставки понижалась. Следовательно, разрыв в оплате между рабочими разной квалификации сокращался.

С 1931 г. темпы роста заработной платы снова начинают превышать рост производительности. Многие предприятия перевыполняли план по фонду заработной платы на десятки процентов. Даже многие передовые фабрики и заводы не избежали этого явления.

Мы можем видеть стабильный рост зарплатного фонда на одном из самых больших предприятий Средневолжского края (таблица 32)[274].

Таблица 32 – Средняя зарплата на одного рабочего в год на фабрике «Красная Звезда»

1928/29 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
708 руб.	795 руб.	755 руб.	785 руб.	1012 руб.

Причины были следующие:

– неравномерный ход «производства при ежемесячном росте зарплаты, что при прогрессивной расценке создало условия к переплатам. То есть производство лихорадит, периодически оно останавливается по разным причинам, а рабочие зарплату получают, ничего не производя во время этих остановок;

– высокая оплата «брака в производстве и неувязки в работе агрегатов, вызывающие значительное применение сверхурочных работ»[275].

Еще одной тенденцией в оплате труда был быстрый рост заработной платы у рабочих одних профессий и медленный у других. Все это связано с выделением

[273] XVII Съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М., 1934. С. 269.
[274] ГАСО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 201. Л. 160.
[275] ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 18. Д. 21. Л. 344.

ведущих отраслей тяжелой промышленности. Приоритеты советской власти в деле индустриализации наглядно показаны в приложении 9.[276] Из которого видно, что, к примеру, работники пищевкусовой и льняной промышленности получили в среднем на 100 руб. меньше, чем их коллеги черной металлургии и машиностроении.

Подобное мы можем видеть на Химическом заводе № 2 в Самарском округе летом 1929 г. (таблица 33)

Несложно заметить, разницу в заработке у людей разных профессий на одном предприятии. Это было явно ненормальным явлением, когда фрезеровщик получал почти в девять раз меньше, чем токарь или молотобоец. Еще одним примером могут послужить ставки рабочих первого разряда Металлотреста на 1931 г. (таблица 34)[277].

Таблица 33 – Средний заработок рабочих химзавода № 2 за июль 1929 г.

Профессии	Средний заработок
Слесаря	390 р.
Водопроводчики	161 р.
Котельщики	119 р.
Жестянщики	588 р.
Сверловщики	47 р.
Электрики	136 р.
Токари	836 р.
Сварщики	279 р.
Кузнецы	451 р.
Молотобойцы	759 р.
Фрезеровщики	95 р.

[276] *Васильев Е., Ковальзон Х.* За достойную социалистического общества производительность труда // Плановое хозяйство. 1939. № 3. С. 163.
[277] СОГАСПИ. Ф. Р-480. Оп. 2. Д. 42. Л. 7.

Таблица 34 – Ставки первого разряда рабочих в 1930 г.

Предприятие	Коп. за 1 ч
Металлоштамп	26
Ремонтный механический № 1	28,46
Красный Пахарь (Пенза)	23
Оренбургский Обозостроительный завод	21
Возрождение (Кузнецк)	18
Сызранский гвоздьзавод	20
Ульяновский Металлист	20
Мелекесский завод	18

В Мелекессе и Кузнецке рабочие получали на 10 коп. меньшем, чем те же рабочие в Самаре на первом ремонтном механическом заводе[278].

Средние заработки рабочих в месяц металлической и машиностроительной отрасли региона в октябре 1930 г. были более 100 руб. А вот текстильщики и швейники получали менее 60 руб[279]. Стоит сказать, что на июль 1931 г. у текстильщиков зарплата была уже меньше 50 руб.[280] То есть можно заметить тенденцию понижения заработной платы отдельной отрасли народного хозяйства за год в регионе.

Прогрессивно-премиальная оплата труда внедрялась по многим предприятиям региона. Так, на комбинате «Союзмясо» средняя заработная плата рабочих в 1931 г. была 300 руб., но, выполнив работу с приработком, полагалась премия в размере 124 руб. А при норме 120 % зарплата уже увеличивалась до 640 руб. плюс премия 104 руб.[281] Зарплата рабочих Средневолжского края была выше различных категорий служащих в разных регионах. К примеру, в Ленинграде служащие имели средний заработок в месяц около 150 руб.[282]

Архивные данные о средних величинах по заработной платы на заводе «Красный гигант» за 1934–1936 гг. показывают: средний заработок учеников

[278] ГАСО. Ф. Р-1147. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.
[279] ГАСО. Ф. Р-1147. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–3.
[280] ГАСО. Ф. Р-1147. Оп. 1. Д. 5. Л. 20–21.
[281] СОГАСПИ. Ф. Р-9362. Оп. 1. Д. 8. Л. 75, 77.
[282] *Ильюхов А. А.* Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. С. 303.

изменялся в течение трех лет следующим образом: 1934 г. – 47,05 руб.; 1935 г. – 87,25 руб.; 1936 г. – 76,58 руб.; служащих завода: 1934 г. – 163,59 руб.; 1935 г. – 174,36 руб.; 1936 г. –214,57 руб.; сотрудников ИТР: 1934 г. – 297 руб.; 1935 г. – 431,70 руб.; 1936 г. – 487,11 руб. То есть заработная плата из года в год повышалась у рабочих стекольного завода, за исключением учеников. Стоит сказать, что за этот период среднемесячная зарплата директора и главного инженера завода составляла 754,26 руб. и 942,25 соответственно[283]. Уплата заработка проводилась два раза в месяц – 20-го числа каждого месяца и 5-го числа следующего за отчетным месяцем.

В особо привилегированном положении находились иностранные рабочие, которые получали большие суммы за свой труд на промышленных предприятиях региона. В частности, архивные документы сохранили данные о зарплатах рабочих Станкостроительного завода в Куйбышеве на 1936 г. (таблица 35).

Таблица 35 – Сведения об иностранных рабочих

Фамилия, имя	Гражданство	Занимаемая должность	Зарплата на 01.06.1936	Зарплата на 15.12.1936
Сингер Илья	Американец	Технолог	1000 р.	1000 р.
Барский Марен	Индо-Китай	Токарь	250 р.	500 р.
Монеткин Алексей	Китаец	Токарь	285 р.	650 р.
Шпаль Людин	Австриец	Токарь	500 р.	500 р.
Нейман Эмиль	Немец	Слесарь	400 р.	450 р.
Легофер Михаэль	Австриец	Фрезеровщик	395 р.	600 р.

Как мы можем видеть, некоторых иностранных специалистов чуть более чем за полгода значительно выросла заработная плата. Это было связано с высокой квалификацией зарубежных специалистов. Также стоит отметить, что зарплата иностранцев была в несколько раз выше, чем у высококвалифицированных рабочих с советским паспортом[284].

В 1930-е гг. одной из проблем были задержки заработной платы. В 1931-1932 гг. задержки были по всей стране, в том числе и в Средневолжском крае. На

[283] ГАПО. Ф. Р-2503. Оп. 1. Д. 47. Л. 2 – 16.
[284] ГАСО. Ф. Р- 1111. Оп. 10. Д. 1. Л. 2.

промышленных предприятиях Каменки (Пензенский округ) были отмечены случаи «волынки» в 1932 г.[285]

Следующий вопрос – это бюджеты рабочих и их семей. Различные денежные выплаты прямым образом влияют на бюджеты рабочего и его родственников. Казалось, что увеличение заработной платы с начала индустриализации скажется на росте благосостояния. Но на деле все оказалось с точностью наоборот. Рост заработной платы не привел к серьезному улучшению уровня жизни.

Ухудшение материального положения рабочего началось с тарифной реформы 1928 г., в ходе которой произошел пересмотр норм выработки в сторону их увеличения. В результате к концу 1928 г. затраты на рабочую силу снизились по сравнению с 1925/26 г. по различным отраслям от 2 до 5 %[286]. Реформа 1928 г. привела к реальному снижению заработной платы преимущественно квалифицированной категории рабочих. Тарифная реформа вызвала массовое недовольство всех категорий рабочих, а не только потерявшей высокие заработки относительно небольшой группы высококвалифицированных кадров. В действительности при росте номинальной зарплаты рабочих в 3,1 раза в 1913–1928 гг. рост розничных цен составил 443 %. Рост цен на 42 % обгонял повышение заработков рабочих[287].

В ноябре 1928 г. в своем выступлении на пленуме ЦК Сталин поставил задачу догнать и перегнать в промышленном развитии передовые капиталистические страны. Пленум одобрил решение об увеличении на 25 % капиталовложений в промышленность.

Первые пятилетки стали для советского народа временем тяжелых испытаний. В результате начавшейся индустриализации и коллективизации страну поразил продовольственный кризис. С февраля 1929 г. в Советском Союзе стали вводить карточную систему на хлеб. В советских городах также остро ощущалась нехватка и других продовольственных товаров. И в 1930 г. власть приняла решение

---

[285] ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 18. Д. 28. Л. 140.
[286] Профессиональные Союзы СССР. 1926–1928. М., 1928. С. 319.
[287] *Постников С. П., Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. С. 65.

ввести карточки на все базовые продукты по всему Союзу. Даже партия отмечала продовольственные проблемы: «Основная трудность: обостренный товарный голод»[288]. Карточки на приобретение продуктов тоже не были бесплатными, но по ним горожане могли купить товары в установленных нормах и по низким государственным ценам.

Постановлением был установлен предельный размер хлебного пайка. В Средневолжском регионе для рабочих он составлял 600 г, для прочего населения 300 г[289]. На самом деле норма выдачи хлеба была меньше: так, в Пензе и Самаре в августе рабочим отпускали по 300 г хлеба[290]. В декабре рабочим Самары выдавали по 500 г в сутки[291]. В связи с этим росло и недовольство среди населения. Рабочие писали письма в различные инстанции об обострении продовольственных затруднений, лишениях, нарастании дефицитов, об отвратительном питании в рабочих столовых, о безобразиях, творившихся в очередях[292].

Продовольственные перебои были основной темой для разговоров среди рабочего класса. Пролетариат постоянно жаловался в газеты и органы власти. Об этом свидетельствуют и протоколы рабочих собраний, сводки ОГПУ. Но до крупных конфликтов на производстве дело не доходило. По крайней мере, до нас не дошли документы об этом. Да и в целом недовольство городского населения Средневолжского края не приняло ярких форм протеста. Недовольство проявилось в текучке кадров и разговорах в очередях. Хотя в январе 1928 г. в Пензе на окраинах звучали лозунги к началу забастовки: «Нужно добиться, чтобы хлеб был, хотя бы забастовкой». При этом в некоторых районах Средневолжского региона рабочие иногда сами вносили предложения об удлинения рабочего дня для выполнения производственных программ.

---

[288] Профсоюзы и индустриализация. М., 1929. С. 7.
[289] *Осокина Е. А.* За фасадом «Сталинского изобилия». М., 1999. С. 66.
[290] ГАПО. Ф. Р-424. Оп. 1. Д. 390А. Л. 383.
[291] СОГАСПИ. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 167. Л. 191.
[292] *Войнаровская Ю. В.* Настроения населения малых городов Поволжья (1920–1930-е гг.) // Известия Самарского университета научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 2. С. 135.

Средневолжские структуры ОГПУ в начале апреля 1929 г. отмечали, что в группе рабочих патронного завода № 3 Ульяновска, обсуждавших вопрос «Когда мы будем жить в приличных условиях?», говорили: «Раньше жили плохо и теперь не лучше, сидишь на воде и хлебе – скоро с голодухи ходить не будешь». В связи с хлебным кризисом к апрелю 1929 г. недовольство рабочих усилилось: «На 12-м году революции, заявляли они, рабочие остаются без хлеба, или на фунтовом пайке». Карточная система, нормирующая отпуск хлеба, возбуждала особое недовольство. На Ульяновском заводе № 3 рабочие добивались откровенной оценки существующих трудностей: «Мы поддерживаем партию и будем поддерживать, но зачем нас обманывать. Сказали, – будете выдавать по 3 кило, а выдаете по 2 фунта на рабочего. Если у государства не хватает хлеба и его нужно экономить, то так бы и сказали рабочим безо всякой маскировки»[293].

В 1928 г. в отчетах ОГПУ неоднократно отмечались случаи ухудшения снабжения продуктами питания по всей стране. В Пензе очереди за хлебом, крупой и мясом доходили до 200–300 человек, в Самаре – до 300 человек, в Сызрани – до 300–400 человек, а 4 и 5 июня в Сызрани в очередях было более 500 человек. Стоит сказать, что в Средневолжском регионе крупных забастовок не было, как на Украине или в Центральном регионе[294].

Но при этом в связи с массовой коллективизацией в 1929 г. в малых городах обострилась классовая борьба. Так, в 1929 г. в Сызрани кулаки пытались сорвать хлебозаготовки. В том же году некоторые зажиточные горожане организовали поджог комсомольских учреждений, домов «середняков» и «бедняков», что повлекло за собой человеческие жертвы. Подобная взаимная война продолжала ухудшать ситуацию с продовольствием в городах[295].

Вплоть до 1930 г. единой классификации, по которой снабжали население, не было. Необходимо еще раз отметить, что эти карточки не были бесплатными. По

---

[293] Волжская коммуна. 1929. 30 марта. С. 2.
[294] СОГАСПИ. Ф. Р- 9356. Оп. 6. Д. 129. Л. 82.
[295] *Войнаровская Ю. В.* Настроения населения малых городов Поволжья (1920–1930-е гг.) // Известия Самарского университета научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 2. С. 134.

ним можно было купить товары в пределах указанной нормы по низким государственным ценам. Все это приводило к хаосу и недоснабжению. Такая ситуация была в 1931 г. на заводе № 42 (Самарский округ)[296].

Правительство в первую очередь обеспечивало рабочую элиту. В начале 1930-х гг. создается четкая система снабжения, по которой все трудящиеся были классифицированы по определенному принципу. Население городов было поделено на несколько групп. Также нормы снабжения делились по спискам. В группу «А» входили индустриальные рабочие, инженерно-технические работники (ИТР). В группу «Б» были записаны индустриальные рабочие легкой и мелкой промышленности. «Особый» список с максимальными нормами снабжения был предназначен для рабочих вредного производства региона. Сюда также входили индустриальные рабочие новостроек. Во второй список входили рабочие легкой промышленности. В третий список были включены рабочие мелкой промышленности. Понятно, что нормы снабжения сильно различались между этими списками.

В Средневолжском регионе половина всех рабочих, снабжавшихся по первому списку, проживала в Самаре. Рабочие второго списка проживали в основном в Пензе, Ульяновске, Сызрани и Кузнецке. Нормы выдачи по всем городам области были примерно равные. Но особенные привилегии были для семей рабочих городов Самары и Чапаевска (таблица 36)[297].

[296] ГАСО. Ф. Р-3499. Оп. 1. Д. 145. Л. 15.
[297] *Осокина Е. А.* За фасадом «Сталинского изобилия». М., 1999. С. 251.

Таблица 36 – Нормы снабжения на 1931 г. в Самаре и Чапаевске

(кг на человека)

Продукты	Особый список	I список	II список	III список
Хлеб	0,8	0,8	0,8	0,75
Мука	1	1	–	–
Крупа	3	2,5	1,5	1
Мясо	4,4	2,6	1	-
Рыба	2,5	2	2	-
Масло животное	0,4	0,2	–	-
Сахар	1,5	1,5	1	0,8
Чай	0,3	0,25	0,1	0,1
Яйца (штук)	10	–	–	–

Как мы можем видеть, трудящиеся особого и первого списков находились в более привилегированном положении. Ассортимент на их столах был более разнообразным, чем у трудящихся других списков. Если хлебные нормы были для всех списков примерно одинаковы, то некоторые продуктовые товары (мука, масло животное, яйцо) видели только люди, снабжавшиеся по первому и особому спискам.

Отоваривание рабочих шло через закрытые рабочие кооперативы, закрытые распределители, отделы рабочего снабжения и т. п. Внутри промышленных предприятий тоже была своя дифференциация. На Чапаевском заводе № 15 были дополнительные пайки для рабочих особо вредных цехов[298]. Можно сказать, что дополнительное снабжение стало своего рода способом манипулирования за соблюдение трудовой дисциплины. В начале 1930-х гг. на ряде заводов прогульщиков и тунеядцев переводили с первого списка на второй на несколько месяцев.

Заводское начальство по своему усмотрению повышало нормы снабжения работникам второго списка по нормам первого за счет дополнительных резервных фондов. В Чапаевске на карточки ударников переводили на разных предприятиях до 80 % трудящихся. Тем самым плановое снабжение явилось отличной стимулом к работе в руках заводского начальства.

[298] СОГАСПИ. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 4. Л. 33.

Е. А. Осокина в своем труде говорит о существовании так называемых городов-антиподов в 1930-е гг.: с одной стороны были привилегированные индустриальные города – Москва, Ленинград и т. д.; с другой – города, отличавшиеся наименьшими поставками продуктов. К таким населенным пунктам и относились города Средневолжского края: Пенза, Ульяновск, Кузнецк, Сызрань и др.[299]

В целом городское население снабжали за счет местных средств. Стоит сказать, что установленные нормы постоянно не соблюдались. Это привело к постепенному сокращению норм. В апреле 1932 г. происходило постепенное сокращение хлебных норм. Резко сократились мясные нормы для индустриальных рабочих и рабочих второго списка.

Ситуация с продовольствием продолжала ухудшаться. Даже в Самаре и Чапаевске, где были крупные военные предприятия, не удавалось соблюдать нормы в 1933 г. Некоторые рабочие не видели жиров, мяса и мыла вообще. В других городах Средневолжского края, где крупная индустрия не была сильно развита, ситуация складывалась еще хуже. В Пензе в 1932 г. ИТР по 7–8 дней не снабжали даже черным хлебом, не говоря уж о других продуктах. Рабочие были вынуждены идти на рынок.

Плохо обстояло дело с приобретением непродовольственных товаров. Их выдавали по ордерам в ограниченном количестве и зачастую очень плохого качества.

При сложной ситуации с госснабжением важную роль стали играть магазины и рынки. Пензенские рабочие в своих высказываниях об этом открыто говорят в 1929 г.[300] Горожане были вынуждены приобретать продукты на рынках и в магазинах, несмотря на то, что цены там были в несколько раз выше, чем цены на приобретение различных товаров по карточкам. Рабочие приобретали у частников в основном картофель, молоко, жиры. Люди, которые снабжались по

[299] *Осокина Е. А.* Иерархия потребления. М., 1993. С. 100.
[300] СОГАСПИ. Ф. Р-1141. Оп. 20. Д. 88. Л. 10.

второму и третьему спискам, могли иногда позволить себе купить мясо. Многие рабочие были связаны с деревней и получали продукты со своих участков.

В целом согласно общесоветской статистике в годы индустриализации улучшается питание рабочих. Появляются на столах продукты, которые раньше считались роскошью.

Но при этом, исходя из статистических данных приложения 10, нормы питания рабочих семей в годы индустриализации несильно выросли по сравнению с серединой 1920-х гг. К примеру, нормы сахара, молока, яйца, мяса, растительного масла упали чуть ли не в два раза. Но при этом увеличилось употребление овощей, картофеля, рыбы сладостей.

Рынок играл очень важную роль в приобретении продуктов питания и потребительских товаров и после голода 1932–1933 гг. Рабочие из-за возросшей покупательной способности все чаще шли за продовольственными товарами на рынок.

Еще одним способом приобретения товаров в условиях товарного голода начала 1930-х гг. явился собой торговый синдикат. 15 марта 1932 г. первый подобный магазин был открыт в Самаре. Со временем сеть Торгсина расширилась. К марту 1933 г. функционировало четыре точки Торгсина в Самаре и по одному в Пензе, Ульяновске, Кузнецке, Сызрани, Мелекесе, Чапаевске[301].

Очень серьезно различались нормы снабжения иностранных рабочих и советского пролетариата, которые трудились в годы индустриализации на заводах и фабриках рука об руку.

В годы индустриализации в особо привилегированном положении находились иностранные рабочие и члены их семей. Исходя из данных приложений 10 и 11 советский пролетариат в несколько раз меньше получал яиц, молока и других товаров, а папирос и хозяйственного мыла не видел вовсе.

С 1934 г. в стране ситуация стала улучшаться. Пошли слухи, что вот-вот ликвидируют карточную систему. 1 января 1935 г. в Советском Союзе официально

[301] ГАСО. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 6. Л. 28–29.

были ликвидированы карточки на хлеб и в течении года карточки на все остальные продукты. Теперь проблема заключались не в том, что нельзя было найти тот или иной товар, а в том, что продукты не всегда были надлежащего качества.

Распространение социалистического соревнования в первой пятилетке и стахановского движения во второй привело к тому, что ударники стали зарабатывать достаточно приличные суммы. Это приводило к росту спроса и более высоким требованиям к товарам. На рынке одежда стоила дешевле, но стахановцы и рабочая элита уже хотели покупать новую одежду в дорогих магазинах.

Стоит сказать, что даже после того, как миновал кризис, в отдельных городах Средневолжского края возникала острая нехватка продуктов и во второй половине 1930-х гг. Это было связано с неравномерным распределением товаров. Приоритет оставался за городами с развитой тяжелой промышленностью. В Средневолжском регионе она была представлена намного меньше, чем на Урале и в Центральном регионе.

Стоит заметить еще один немаловажный момент. Заработная плата не поступала рабочему на руки в полном размере. Это было связано с различными займами, удержаниями, профсоюзными взносами, к примеру: заем «Пятилетка в 4 года», пригородный заем, налог на жилстрой, госстрах, культналог и т.д. В 1931 г. в Самаре удерживалось на швейной фабрике «Красная звезда» до 56 % зарплаты, на СамГРЭС 68–71 %. То есть реальная заработная плата почти не увеличивалась. То есть при постоянном росте заработной платы в годы индустриализации реальный заработок не увеличивался. Только во второй половине 1930-х гг. рост цен и заработков стал более сбалансированным. Социальные пособия и выплаты в годы первых пятилеток имели тенденцию к понижению.

Существенно различались доходы у различных категорий населения. У неиндустриальных рабочих второго и третьего списков зарплата главы семьи была не столь значительна. У индустриальных рабочих и ИТР зарплаты были куда выше. Страховые пособия у последних тоже были куда выше (в среднем в два раза).

Еще в 1933 г. горожане Средневолжского края тратили на питание 65,5 % своего бюджета. В последующем расходы стали снижаться и в 1936 г. составили 43,7 %. В начале 1930-х гг. во время продовольственного голода городское население старалось сильно не растрачивать средства на покупку непродовольственных товаров. Ситуация начинает меняется во второй половине 1930-х гг. И в 1936 г. были зафиксированы самые высокие показатели расходов на непродовольственные товары. На одежду, белье и обувь рабочие Советского Союза в 1936 г. потратили в среднем по сравнению с 1932 г. больше на 90 %, на удовлетворение культурных потребностей – в два раза больше, на приобретение мебели и всяких хозяйственных вещей – в 3,5 раза больше.

Одним из ярких показателей роста благосостояния трудящихся стал рост их сбережений. К концу 1938 г. остаток вкладов населения в сберегательных кассах СССР составил 6,4 млрд руб.[302]

Расходы на лечение, жилье, транспортные услуги на протяжении первых пятилеток оставались довольно низкими. Это было показателем завоеваний советской властью в социальной сфере. Медицинское обслуживание было почти бесплатным. Большая часть расходов на жилфонд государство взяло на себя, а траты на квартплату были низкими. Невысокими в годы индустриализации были расходы на гигиену и культурно-бытовую сферу. Стоит отметить, что пролетариату очень часто предоставляли бесплатные билеты в культурные учреждения.

Потребительская корзина различных слоев населения города существенно различалось. Служащие употребляли намного меньше хлебной продукции, чем рабочие. Индустриальные рабочие потребляли в 2 раза больше овощей и фруктов, чем неиндустриальные. Причем рабочие промышленных предприятий очень много употребляли молока и молочных продуктов.

Непродовольственные товары рабочие Средневолжского края покупали в два раза меньше (в среднем 15 %), чем по России рабочие в целом. Но мыло приобретали индустриальные рабочие в два раза чаще, чем остальные категории

---

[302] *Червонный Н. С.* Рост благосостояния трудящихся масс в СССР. М., 1939. С. 21–24.

города. При этом мыло было хозяйственное. В свою очередь служащие предпочитали пользоваться туалетным мылом.

С началом индустриализации меняется политика советской власти в оплате труда. Состоялся переход от «уравниловки» к зависимости зарплаты от производительности труда. Упорно навязывалась сдельная оплата труда и другие стимулирующие выплаты (приложение 1). Но рост заработной платы зачастую на предприятиях превышал производительность труда. Советская власть рассматривала материальное стимулирование одним из основных принципов в системе мотивации труда.

В годы второй пятилетки государство регулирует заработной плату путем назначения конкретных окладов и определения тарифных ставок. В 1930-е гг. по всему СССР встречались случаи задержки заработной платы.

Стоит заметить еще один немаловажный момент: отсутствие значительного опыта и квалификации не могло создать рабочему высокий социальный статус. Поэтому советская власть активно использовала пропаганду, в которой указывалась ведущая роль пролетариата. Поэтому она в годы индустриализации компенсировала реальные низкие заработки[303].

Уровень жизни рабочего класса Средневолжского края в годы индустриализации был крайне низок. Это было связано с продовольственным кризисом в начале 1930-х гг. Карточная система позволила избежать массовой гибели людей, но случались постоянные срывы снабжения и сокращения норм. Во второй половине 1930-х гг. мы можем наблюдать улучшение качества жизни. Рабочие уже могли удовлетворять свои основные нужды. Увеличились траты советских рабочих на одежду и обувь, приобретение предметов быта. Пролетариат тратил в два раза больше денег на удовлетворение своих духовных потребностей. Но при этом товары на протяжении 1928–1936 гг. были ненадлежащего качества.

---

[303] *Войнаровская Ю. В.* Настроения населения малых городов Поволжья (1920–1930-е гг.) // Известия Самарского университета научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 2. С. 133.

Советская власть в годы индустриализации много сделала для развития социальной сферы. Поэтому расходы на лечение, жилье, коммунальные и транспортные услуги у рабочих составляли небольшую часть бюджета рабочего.

§ 3.2. Охрана труда и медицинское обслуживание

В наши дни отечественная промышленность переживает не лучшие времена. Современная индустрия столкнулась с проблемами, во многом схожими с проблемами начала сталинской индустриализации. Производственные фонды устарели, наблюдалась нехватка квалифицированной рабочей силы, хромала трудовая дисциплина, охрана труда на предприятиях превратилась в пустую формальность.

Следует обратить внимание на то, что во многом от условий труда зависит и отношение работника к трудовым процессам на производстве. Чем лучше обстановка на рабочем месте, тем выше производительность рабочего и его отношение к труду. В 1930-е гг. забота об охране труда по заявлениям ВКП (б) находилась всегда в центре внимания[304]. Но на самом деле, на практике, все было далеко не так гладко, как в заявлениях партийных лидеров.

За годы первых пятилеток увеличилась численность рабочих и служащих. Если в 1925 г. в СССР было 8,6 млн рабочих и служащих, то в 1936 г. их стало 28,6 млн человек. Основным источником пополнения рабочего класса была деревня. Вчерашние крестьяне приходили на производство в город или на стройку, в течение ряда лет становились кадровыми рабочими. Процесс приобщения новых рабочих к новым социальным реалиям был очень трудным и долгим. Партийные, профсоюзные, комсомольские организации, советы депутатов трудящихся и другие органы занимались этими проблемами. Приходилось решать многочисленные социальные вопросы: от заработной платы, жилья, продовольствия до детских садов, яслей, санаторно-курортного лечения. Все это

[304] *Мазов В. А., Шуминов А. И.* Охрана труда в машиностроении. М. : Машиностроение, 1983. С. 5.

происходило в условиях ограниченного бюджета. Особенностью индустриального развития в 1930-е гг. стала социальная напряженность в трудовых коллективах прежде всего из-за социальной неподготовленности вчерашних крестьян к работе на производстве. За малейшую провинность рабочего наказывали не только вынесением различных форм взысканий, но и иногда даже увольнением с предприятия. Часто рабочие уходили и сами, по собственному желанию. Текучесть рабочих в 1930-х гг. была очень высокой. Она доходила до 80–90 % к среднесписочному числу рабочих на производстве. А в отдельные месяцы и кварталы по некоторым заводам и фабрикам и в целом по отраслям народного хозяйства она достигала 100 %. Иными словами, приходило на работу в таком-то месяце три-четыре сотни рабочих, уходило примерно столько же или даже больше. При такой системе работы, т. е. при полной текучести, трудно было не только выполнить план, но и, самое главное, поднять квалификацию рабочих.

Условия труда в 1930-е гг. советская власть стала рассматривать как один из факторов формирующихся трудовых отношений на промышленных предприятиях. Забота об охране труда, по заявлениям коммунистической партии, стала находиться в центре внимания. В то же время в 1925–1926 гг. были приняты правительственные постановления о планировании мероприятий по улучшению санитарно-гигиенических условий и безопасности труда. При этом была начата практика заключения договоров между хозяйственными органами, которые были ответственны за оздоровление труда тех или иных предприятий.

Советскому правительству было известно о реальном положении дел на промышленных предприятиях. Но власть видела причины неудовлетворительных условий труда в наследии царской России. Так, Народный комиссариат труда СССР в 1931 г. отмечал: «Санитарно-гигиеническая обстановка труда в нашей промышленности далеко неудовлетворительная. Получив тяжелое наследие от частного капитала, мы вплотную подступили к плановому оздоровлению условий труда фактически всего лишь 3–4 года тому назад»[305].

[305] ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 11. Д. 81. Л. 1.

СНК РСФСР 5 октября 1928 г. принял постановление «О порядке установления плановых ассигнований по охране труда в промышленности». Данный документ установил порядок финансирования охраны труда на промышленных объектах страны. Также была установлена серьезная ответственность руководителей хозяйственных органов за неиспользование полностью ассигнований, выделенных на оздоровление условий труда на заводах и фабриках.

5 июля 1929 г. Центральный комитет партии принял постановление «Об усилении партийного руководства работой по охране труда и технике безопасности в промышленности и на транспорте». В документе говорилось о необходимости повышения ответственности руководителей предприятий за проведение мероприятий по охране труда, за правильное и полное расходование ассигнуемых на эти цели средств, за соблюдение правил по технике безопасности.

Вопросы охраны труда нашли отражение и в решениях XVI съезда партии (июнь-июль 1930 г.). Съезд 5 июля 1929 г. постановлением «Об усилении партийного руководства работой по охране труда и технике безопасности в промышленности и на транспорте» признал необходимым улучшить работу хозяйственных и профсоюзных органов по охране и оздоровлению условий труда на предприятиях. Но договора по охране труда на местах зачастую не выполняли (писчебумажная фабрика № 3 им. Воровского)[306].

Как показывают архивные документы, рабочие зачастую трудились в помещениях, которые не соответствовали санитарным нормам. Так, в акте от 30 октября 1931 г. Пензенского велозавода (бывшего трубочного) на это указывалось:

5-я мастерская:

1) контрольный отдел: на полу сухой мусор;

2) в канцелярии: на баках для питьевой воды – пыль;

[306] СОГАСПИ. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 3. Л. 25-28.

3) у станков для обточки деталей: на полу мусор, фонари грязные, не протерты, уборка недостаточна. Заведующим мастерской недостаточно принято мер к устранению недостатков;

4) в уборной: писсуар засорен, стока жидкостей нет. ХТО своевременных мер не принято;

5) в красном уголке: на полу мусор. Ответственным за состояние красного уголка заведующим агитпропом тов. Куликовым своевременных мер к поддержанию помещения в чистоте, не принято.

4-я мастерская:

1) на полах, особенно около станков – мусор, постоянное скопление мыльной воды. Причина этого – с одной стороны недостаточная уборка, с другой – небрежное отношение самих рабочих. За возможность устранения этой меры говорит то, что в мастерской 4, находящейся в тех же условиях, подобных явлений не наблюдается, особенно в грязных условиях находится «камчатка».

7-я мастерская:

Мастерская находится в чрезвычайно антисанитарном состоянии:

1) питьевые баки грязны, напылены;

2) в раздевальне на полу грязь;

3) в термической мастерской стены сплошь грязны: на стенах огромное количество тараканов. В этом отделении баков для питьевой воды совсем не имеется. Заведующим мастерской мер к устранению недостатков не применяется;

4) душевая находится в безобразном состоянии. В раздевальне при ней скопление грязи, мусора. Пол сплошь покрыт водой. Уборка не производится, мер со стороны ХТО также не принято;

5) общественных инспекторов при 7-й мастерской не имеется, так как избранная тов. Мельникова болеет и никем не заменена;

6) уголок-столовая находится в безобразном состоянии. На полу скопление грязи, мусора. Нет ни одной урны или ящика для отбросов. Предцехкома не принимает никаких мер к изжитию недостатков;

7) лица, ответственного за санитарное состояние мастерской не выделено.

Общие замечания по заводу:

1) почти во всех канцеляриях отсутствуют урны и корзины для мусора и бумаг;

2) в ряде умывальных у водопроводных кранов отсутствуют надписи о том, что в водопроводе вода – сурская, для питья в сыром виде не пригодная;

3) в некоторых мастерских не хватает баков для питьевой воды, так как в других имеются лишние, стоящие без употребления;

4) во всем заводе стекла фонарей хронически не протираются, что уменьшает их световую площадь;

5) заведующие мастерскими и отделами, как правило, не принимают решительных мер к устранению существующих недостатков;

6) со стороны ХТО имеется явно небрежное отношение к устранению антисанитарного состояния уборных, умывальных и коридоров[307].

Подобная ситуация была не только в Пензе. Заводское начальство предприятий Средневолжского края совершенно не заботилось о жизни и здоровье людей (приложение 6).

Опасная ситуация для рабочих сложилась на Кирпичном заводе в Самаре: «Рабочие на производстве часто трудятся по 9–10 ч в день, норма подводки на тачках кирпича до сих пор не установлена, и поэтому выходит, кто носит 100 кирпичей, как лошадь, а кто лентяйничает. На Гурьевской суконной фабрике существовала система скрытых сверхурочных работ, так, в столярном и механическом цехе (до 60 рабочих) существовали система вечерних «аккордных работ, а в оплате, как сверхурочную работу, отказывали. Также рабочим отказывали на этом предприятии в выдаче мыла[308]. От тяжелой работы в плохих санитарных условиях на заводе наблюдается большая заболеваемость рабочих, доходящая до 30 %. Многие рабочие, благодаря болезни, не выходят на работу по целому месяцу и тогда администрация завода их увольняет по сокращению. А потом снова берут рабочих с биржи труда. Так было, например, с рабочими

[307] ГАПО. Ф. Р-324. Оп. 1. Т. 1. Д. 1541. Л. 89–95.
[308] СОГАСПИ. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 3. Л. 25–28.

Пучковым и Тупицыным. Их сократили, а других взяли. Рабочком и охрана труда пока еще рабочим в этом отношении содействия не оказывает»[309].

Начиная с 1927 г. начался постепенный переход на 7-часовой рабочий день. Но на самом деле работники промышленных предприятий работали каждый день на 2–3 ч больше. Неудивительно, что это и ужасающее санитарное положение заводских помещений сильно сказывалось на здоровье людей и их трудоспособности. Заведующих цехов конечно же наказывали рублем за антисанитарию. Так было с заведующим молочным цехом на Башмаковском заводе Горстковым в 1934 г.[310] Халатно к своим обязанностям относили и санитарные службы. В апреле 1934 г. на Оренбургском маслобойном заводе и мясокомбинате врачи проводили санитарное обследование, но при этом не оставили актов обследования[311].

В целом по Советскому Союзу при постепенном развитии производства делались пристройки к основным зданиям, к этим постройкам – новые пристройки – в результате полное несоблюдение элементарных санитарно-гигиенических правил: отсутствие рационального освещения, теснота, копоть, газы, сквозняки, отсутствие отопления и пр.[312]

Велика опасность была пожаров на заводах. «Двор макаронного завода в Самаре, в случае пожара, представит на себя обильную пищу для огня. При входе под деревянной крышей. Близ кочегарки сложен инвентарь завода. Близ кочегарки, у вновь выстроенной пристройки и мукосейки, работают плотники. Кругом все завалено щепой и стружками. На углу кочегарки – нефтяная яма. Возле нее – целая гора лесоматериалов. Случись пожар, огонь охватит все постройки, так как весь двор забит легковоспламеняющимися материалами»[313].

Упомянутые ситуации в Средневолжском крае не были единичны. На кожевенном заводе им. Линдова шерсть, находящаяся в корпусе № 2, не

[309] Волжская коммуна. 1928. 12 января.
[310] СОГАСПИ. Ф. Р-9362. Оп. 2. Д. 7. Л. 16.
[311] СОГАСПИ. Ф. Р-9362. Оп. 2. Д. 11. Л. 13.
[312] ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 11. Д. 81. Л. 119.
[313] Волжская коммуна. 1928. 9 декабря. С. 3.

сортировалась при сгонке с кож и сваливалась около корпуса в общую кучу[314]. Не соблюдались элементарные противопожарные правила и на заводе им. Фрунзе (бывший Пензенский велозавод). Отсутствовали железные ящики для хранения промасленных тряпок. Силовые каналы загрязнены различного рода отбросами, между котельными имелись бумаги и тряпки[315].

Такая же ситуация была и на Чапаевском химическом комбинате:

– несоответствие пожарных кранов с водопроводной магистралью;

– опасное состояние электрооборудования;

– неизолированная труба в кузнице;

– не заменены деревянные стропила в котельной[316].

В 1930-е гг. целый ряд недостатков в пожарной безопасности были и на фабрике «Красная Звезда»:

– на моторах отделочного цеха наждачное точило не закрыто огнестойкими материалами;

– дверь на складе готовой продукции навешена без соблюдения правил;

– не построено отепленное депо для дежурного резерва пожарных работников;

– не поставлены чистые решетки или сетки к окнам главного склада;

– в механической мастерской не поставлены ящики с песком;

– цех № 3 завален готовой продукцией;

– территория фабрики завалена разным хламом[317].

Еще один пример: в 1935 г. в Елабужской пожарной охране наблюдались случаи попустительства, равнодушия со стороны руководства, которое не уделяло должного внимания материально-технической базе пожарной охране[318].

---

[314] ГАСО. Ф. Р-919. Оп. 11. Д. 23. Л. 21.
[315] ГАПО. Ф. Р- 324. Оп. 1. Т. 1. Д. 1553. Л. 134.
[316] ГАСО. Ф. Р-2305. Оп. 2. Д. 11. Л. 30.
[317] ГАСО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 256. Л. 45.
[318] *Войнаровская Ю. В.* Настроения населения малых городов Поволжья (1920–1930-е гг.) // Известия Самарского университета научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 2. С. 134.

Неудивительно, что пожары и взрывы на заводах СССР в годы первых двух пятилеток случались достаточно часто. Конечно же, руководство предприятий пыталось бороться с этим. На заводе им. Масленникова (Самарский округ) бригадиры и были обязаны следить, чтобы все огнеопасные вещества по окончанию работ были убраны. А уборщицы, замеченные в плохой уборке помещения, подвергались взысканию[319].

Высоким, имеющим тенденцию к повышению оставался и показатель травматизма на производстве. В 1928 г. в наиболее травмоопасных отраслях он достигал 465 несчастных случаев на тысячу рабочих в каменноугольной промышленности и 320 в машиностроении. Снизившись до соответственно 339 и 169 случаев в 1934 г., уровень травматизма в последующие годы вновь стал медленно расти[320].

Причинами несчастных случаев были:

– теснота и загроможденность рабочих помещений;

—неудовлетворительное состояние внутризаводского и дворового транспорта;

– слабая механизация работ и неудовлетворительное состояние ручного инструмента;

– плохое ограждение трансмиссий[321].

О росте несчастных случаев на заводах свидетельствует и архивные материалы по отдельным предприятиям: на фабрике «Красная звезда» (Самарский округ) за 1930 г. зарегистрировано 234 несчастных случая[322]; за весь 1932 г. на Самарской ГРЭС – 337 несчастных случаев[323]; за три месяца 1932 г. на Жигулевском комбинате – 343 случая травм рабочих[324].

---

[319] ГАСО. Ф. Р-2934. Оп. 11. Д. 102. Л. 26.
[320] *Постников С. П., Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009 . С. 45-46.
[321] ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 11. Д. 81. Л. 18.
[322] ГАСО. Ф. Р-524. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.
[323] ГАСО. Ф. Р-1147. Оп. 1. Д. 14. Л. 26.
[324] ГАСО. Ф. Р-1147. Оп. 1. Д. 14. Л. 10.

На Чапаевском заводе (Самарский округ) химических удобрений за 1935 г. было 164 несчастных случая (раздражение дыхательных путей, профессиональный конъюнктивит, ожоги). Причинами травматизма на данном предприятии являлись:

– необходимость напряженной работы для освоения большого объема и большого числа новых видов работ при выполнении спецзадания;;

– неудовлетворительное ведение работ по технике безопасности

– недостаточная вентиляция в литейных цехах;

– затяжка строительства и монтажа специального корпуса дегазации;

–большая текучесть рабсилы и большие наборы новых необученных кадров рабочих, производившиеся в 1934 г.

Из данных таблицы 37 мы видим, что количество несчастных случаев на Чапаевском заводе возрастало в зимние и весенние месяцы. В остальные периоды уровень травматизма был примерно на одном уровне[325]. Скорее всего это зависело от погоды на улице. В более холодное время количество ожогов и раздражений дыхательных путей значительно увеличивалось. В целом по химической промышленности в стране наблюдалась следующая картина: «изношенность аппаратуры, отсутствие механизации особовредных работ, отсутствие у рабочих достаточных знаний о том, с каким ядом он имеет дело и как предохранить себя от отравления им»[326].

Таблица 37 – Число несчастных случаев на Чапаевском заводе за 1935 г.

Месяц	Число случаев	Месяц	Число случаев
Январь	164	Июль	32
Февраль	64	Август	27
Март	47	Сентябрь	10
Апрель	44	Октябрь	12
Май	24	Ноябрь	11
Июнь	31	Декабрь	31

[325] ГАСО. Ф. Р-2305. Оп. 2. Д. 10. Л. 4, 226.
[326] ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 11. Д. 81. Л. 43.

Так, за календарный 1936 г. на Пензенском велозаводе произошло 550 официально зарегистрированных несчастных случаев на производстве (травмы конечностей, ушибы, ожоги различной степени тяжести и т.д.). Виновниками производственного травматизма официально были рабочие, которые согласно документам были неосторожны или не соблюдали правила безопасности при производстве. Таким образом, в извещениях о несчастных случаях сведений о выплате пособия по временной утрате трудоспособности не имеется[327].

И в конце 1920-х гг. заводская администрация особо не заботилась о жизни и здоровье своих рабочих и служащих. Рабочие трудились в холодных, неотапливаемых и плохоосвещенных помещениях[328]. В мастерских у станков отсутствовали разного рода ограждения, что создавало предпосылки для будущих несчастных случаев[329]. В Самарском округе ситуация разительно не отличалась. На Жигулевском заводе по ночам в машинном отделении стоит страшный холод. «Спецодежды нет. Монтеры получили на четверых один полушубок и одни валенки. Один заболел гриппом, от него заразились и все остальные»[330]. На литейном заводе было то же самое: «В слесарном цехе огромная дверь, в которую может пройти паровоз, не обита войлоком, и когда открывается, все тепло вылетает наружу. Слесари мерзнут, и топливо напрасно расходуется»[331].

Ничем не лучше было дело и на одном из самых крупных предприятий Средневолжского края: на Средневолжском машиностроительном заводе. «Многие цеха, например, плохо отапливаются. Работать и дуть себе на руки – не дело. Особенно плохо дело с отоплением в метроцехе и в модельном. Здесь температура почти не отличается от температуры на дворе. Правда, печи в этих цехах есть, но натопить помещения, в которых сквозные дыры величиною с кулак – задача невыполнимая. В плохо отапливаемых помещениях вентиляция, понятно, не нужна, но в горячих цехах – кузнечном, литейном – она необходима. В цехах

[327] ГАПО. Ф. Р- 324. Оп. 1. Т. 1. Д. 1581.
[328] ГАПО. Ф. Р-324. Оп. 1. Т. 1. Д. 1520. Л. 398.
[329] ГАПО. Ф. Р-324. Оп. 1. Т. 1. Д. 1521. Л. 100.
[330] Волжская коммуна. 1928. 19 января. С. 2.
[331] Там же. С. 2.

сплошным облаком висит густой дым, наподобие тумана»[332]. В Ульяновске на суконной фабрике им. С. Разина в 1933 г. не было еще нормального душа и умывальников[333].

Из сказанного можно с уверенностью заявить, что нормально и главное продуктивно работать в таких условиях было очень тяжело. Поэтому неудивительно, что на некоторых предприятиях региона была просто огромная текучка кадров.

Власть искала выход из сложившейся неблагоприятной ситуации на производстве и выделяла значительные средства на охрану труда. С конца 1920-х гг. стал проводиться целый ряд мероприятий по охране труда и на промышленных предприятиях Средневолжского края. Так, на заводе «Маяк Революции» еще в 1928 г. была разработана инструкция об обязательном применении защитных очков, на производстве были расклеены красочные плакаты и правила. По новым правилам все вновь поступающие или впервые приступающие к работе в миксовом и содовом отделениях проходили обязательный инструктаж по технике безопасности. На общезаводских собраниях рабочим регулярно читали лекции по технике безопасности и охране труда[334]. В 1928/29 г. на указанное предприятие правительство выделило 85 тыс. руб.[335]

Финансовые вливания в охрану труда продолжились и в годы второй пятилетки. Пензенский комбинат «Союзмясо» за 1933 г. получил 17 905 руб., Сенгилеевский сушзавод (Ульяновский округ) 11 555 руб.[336] Каждый год промышленные предприятия подавали заявки на охрану труда. На оздоровление условий труда на суконной фабрике им. С. Разина в 1933 г. планировалось потратить следующее количество денег: машинное отделение – 3277 руб., трепально-щепальный отдел – 159 руб., прядильный отдел – 2250 руб., литейная

[332] Волжская коммуна. 1928. 11 декабря. С. 2.
[333] ГАУО. Ф. Р-276. Оп. 1 Д. 29. Л. 47–49.
[334] Трудовая правда. 1928. 11 января. С. 4.
[335] СОГАСПИ. Ф. Р-9426. Оп. 1. Д. 40. Л. 14.
[336] СОГАСПИ. Ф. Р-9362. Оп. 2. Д. 7. Л. 8, 60–64.

мастерская – 2500 руб., кузница – 5000 руб., кочегарка – 500 руб.[337] В 1932 г. завод «Красный пахарь» (Пензенский округ) планировал провести рационализацию естественного света, уложить асфальтовые полы в токарном цехе, установить ограждения в силикатном и токарном цехах, а также приобрести плакаты по технике безопасности (рисунок 1). Улучшались условия труда рабочих и на Химическом заводе № 2 (Самарский округ) в конце 1920-х гг. Менялись износившееся и пропускавшие газ трубы терморегулятора. Все мероприятия по охране труда, как-то: площадки для обслуживания трансмиссий и аппаратов и ограждения, – проведены полностью[338]. Но статистика несчастных случаев за восемь месяцев 1929 г. свидетельствует об обратном. 235 рабочих обратились к медикам по состоянию здоровья: ушибы, ранения, ожоги, отравления, переломы, растяжения, травмы глаз[339].

Рисунок 1 – Плакаты 1930-х гг.[340]

[337] ГАУО. Ф. Р-276. Оп. 1. Д. 29. Л. 7–8.
[338] СОГАСПИ. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 294. Л. 16.
[339] СОГАСПИ. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 294. Л. 21.
[340] Интернет-ресурс: http://back-in-ussr. com/2015/09/sovetskie-plakaty-po-tehnike-bezopasnosti_3. html.

За соблюдением условий труда в СССР по районам следили краевые отделы труда. Так, Средневолжский отдел труда в 1933 г. проводил обследования заводских помещений, в результате чего вынес общие рекомендации: устройство дополнительных ограждений и предохранительных приспособлений, устройство всякого рода сигнализированных установок, переустройство и перестановки механизмов и аппаратов в целях безопасности и обезвреживания, устройство специального освещения, проведение курсового обучения рабочих безопасным методам работы, проведение мероприятий по производственной физкультуре и многое другое[341].

Каждый год промышленные предприятия подавали заявки на охрану труда. В 1932 г. завод «Красный Пахарь» (Пензенский округ) заявил о необходимости:

– рационализации естественного света;

– устройства асфальтовых полов в токарном цехе;

– прокалки узкоколейки;

– организации транспорта;

– приобретении плакатов по технике безопасности;

– устройстве ограждений в силикатном и токарном цехах[342].

В мае 1929 г. на фабрике «Красная Роза» была принята следующая программа по оздоровлению условий труда:

– снабжать тряпочный отдел мылом;

– поставить колпак над самой соломорезкой;

– в насосном отделении сделать периллы у фабричной стороны;

– исправить пол у фабричной турбины;

– поставить баки с кипяченной водой[343].

Еще в 1928 г. на заводе «Маяк Революции» был предпринят целый ряд мер по технике безопасности. По миксовому отделению вывешены инструкции об

[341] ГАСО. Ф. Р-1147. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–3.
[342] ГАСО. Ф. Р-671. Оп. 1. Д. 92. Л. 52.
[343] ГАСО. Ф. Р-9426. Оп. 1. Д. 40. Л. 9.

обязательном надевании очков, красочные плакаты и правила. Все вновь поступающие или впервые приступающие к работе в миксовом и содовом отделениях инструктировались соответствующим образом. Объявленная им информация заносилась под расписку в особую книгу. Помимо этого, заведующие отделом экономики и труда делают обходы завода и проверяют выполнение предписаний технической инспекции. На совещаниях целлюлозников прочитан был ряд лекций по технике безопасности. Получены и развешены по заводу плакаты и особые значки на опасных местах. Большое внимание было уделено также устройству ограждений и других приспособлений[344].

Но стоит сказать, что не всегда на заявленные мероприятия выделялось достаточное количество средств. Иногда наоборот, денег хватало, но работы были проведены нерационально. Так, в 1930 г. на Ульяновском заводе военно-химического треста совершенно нецелесообразно были размещены подсобные помещения и неправильно была запроектирована деревянная наружная лестничная клетка[345]. Архивные данные содержат сведения о случаях, когда изначально промышленный объект строился с серьезными недочетами. Так, в тепло-электростанция и Кузнецка в зольных бункерах не сделаны двойные затворы для предотвращения выбрасывания пламени и не были проложены водяные трубы для заливания золы[346]. То есть изначально были созданы все условия для возникновения пожара.

В Ульяновске на Румянцевской суконной фабрике и вовсе деньги на охрану труда тратили бездумно: «начали строить теплую уборную, которая должна обойтись в 12 тыс. руб., затратили больше 4 тыс. руб., а потом оказалось, что строят без утвержденных чертежей, и постройка на этом месте запрещена»[347]. На этой же фабрике у рабочих отсутствовали обеденные перерывы.

Под пристальным вниманием со стороны отделов труда и профсоюзных органов оставалось наличие на производстве спецодежды. Нередко предприятия

[344] Трудовая правда. 1928. 11 января. С. 4.
[345] ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 4. Д. 73. Л. 158.
[346] ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 4. Д. 73. Л. 207.
[347] СОГАСПИ. Ф. Р-9362. Оп. 2. Д. 11. Л. 4, 25–28.

экономили на закупках спецодежды или закупали некачественную. Так, на Богатовском маслозаводе (Самарский округ) зимой 1934 г. рабочим у прессов не выдавались специальные рукавицы, что приводило к многочисленным ожогам. Заведующий производством Пихлер отделался всего лишь штрафом в размере 60 руб.[348] А зимой 1933 г. на Сызранском мясокомбинате не удосужились рабочим выдать зимний шубняк[349]. В Пензе на заводе «Маяк Революции» только в 1931 г. додумались изготовить шкафы для спецодежды[350]. На Ульяновском «Металлисте» перед зимой 1931/1932 г. не хватало 75 пар валенок[351]. И в последующие годы на предприятиях наблюдалась систематическая невыдача профодежды.

Зачастую видя бездействие и беспомощность заводоуправления, рабочие сами начинали бороться за улучшение условий труда в рамках социалистического соревнования. К примеру, в 1936 г. рабочие обувной фабрики им. 1 мая (Самарский округ) взяли на себя обязательства: держать станки в чистоте и создать тройку приемки машин, бороться с заболеваемостью, содержать цеха в абсолютной чистоте, ликвидировать нерабочие дни по болезням до минимума[352]. Но, к сожалению, подобные инициативы рабочих на предприятиях Средневолжского края особо не поддерживало начальство.

Без современного медицинского обслуживания невозможно представить развитие любого государства. Здоровый человек намного больше может дать экономике развивающегося государства, чем больной. У него выше трудоспособность и производительность.

В первые годы правления Советской власти положение дел в медицинской сфере оставалось критическим. Голод, невозможность соблюдения санитарных норм стали причиной распространения таких тяжелых заболеваний, как малярия,

---

[348] СОГАСПИ. Ф. Р-9362. Оп. 2. Д. 7. Л. 8, 60–64.
[349] СОГАСПИ. Ф. Р-9426. Оп. 1. Д. 40. Л. 14.
[350] ГАПО. Ф. Р-501. Оп. 1. Д. 62. Л. 18
[351] ГАСО. Ф. Р-671. Оп. 1. Д. 168. Л. 1.
[352] ГАСО. Ф. Р-2152. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.

холера, дизентерия и тиф. Больниц и мест в них было недостаточно для нормализации ситуации.

Со второй половины 1920-х гг. ситуация в области здравоохранения стала нормализоваться. Начали увеличиваться размеры финансирования здравоохранения отдельных регионов. 26 декабря 1929 г. СНК СССР принял постановление «О больничном строительстве в промышленных районах»[353], в котором рекомендовал предусмотреть в планах промышленного развития страны ассигнования на строительство необходимых медико-профилактических учреждений. Но реального улучшения еще только предстояло добиться.

В соответствии, с постановлением Президиума ВЦИК на территории края с 1927 г. начались мероприятия по принудительному лечению легочных заболеваний[354].

В начале 1930-х гг. стала расширяться сеть медицинских учреждений по всему СССР. Количество больниц к середине 1930-х гг. увеличилось по сравнению с 1920-ми гг. в 2 раза. Стала активно развиваться стационарная и амбулаторная помощь. Значительно возросли возможности для медицинского обслуживания населения.

По Самарскому округу начиная с 1930 г. планировались серьезные мероприятия. «Новая центральная больница будет строиться по последнему слову медицинской и строительной техники, по своему оборудованию явится одной из наиболее усовершенствованных в СССР. Ориентировочная стоимость строительства больницы, примерно 10,5 млн руб. Больница рассчитана на 1580 коек. В районе больницы намечено строить здание для медицинских кадров. В связи с этим проектируется постройка при больнице образцового патолого-анатомического института. К концу пятилетки коечная сеть Самары вырастет в два раза. Горздравом проектируется сверхплановая постройка новой эпидемической больницы. Особого внимания требует строительство новых амбулаторий. К

[353] Здравоохранение в годы восстановления. М., 1973. С. 133–134.
[354] Волжская коммуна. 1927. 1 декабря. С. 1.

последнему году пятилетки медицинскими пунктами будут охвачены все крупные предприятия города»[355]. Подобные мероприятия проходили и в других городах региона.

В результате этого в 1936 г. на всей территории СССР не стало натуральной оспы. К 1936 г. по стране резко уменьшилось количество больных скарлатиной (643 случая), дифтерией (359 больных), дизентерией (249 заболевших). Проведение широких противомалярийных мероприятий, включая гидротехнические работы, авиаопыление, химпрофилактику, позволило в 1930-е гг. снизить случаи заболевания этим недугом. Наметилась устойчивая тенденция к его снижению: в 1925 г. по региону насчитывалось 28,9 тыс. малярийных больных, в 1926 г. – 21,9 тыс., в 1929 г. – 14,3 тыс., в 1933 г. – 12,6 тыс., в 1936 г. – 709 человек.

К 1936 г. практически исчезают последствия голода. Количество смертей от болезней пищеварительных органов сократилось. К концу 1930-х гг. становится заметным повышение количества умерших от болезней нервной системы и органов чувств, что, вероятно, было связано с усложнением повседневной жизни, ускорением ее темпов в связи с переходом к эпохе форсированной индустриализации.

О высоком уровне заболеваемости среди рабочих свидетельствуют архивные материалы крупных заводов (таблица 38)[356]. Это было связано в первую очередь с тяжелыми условиями труда.

---

[355] Волжская коммуна. 1930. 14 июня. С. 4

[356] *Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А.* Подготовка рабочих кадров в Поволжье: проблемы и итоги. 1920–1930-е годы. Пенза, 2004. С. 202.

Таблица 38 – Заболеваемость рабочих при Велозаводе с января по сентябрь 1929 г.

Месяц	Количество обратившихся в амбулаторию при заводе
Январь	3633 человека
Февраль	2959
Март	2405
Апрель	2408
Май	2298
Июнь	2359
Июль	2725
Август	2816
Сентябрь	2812

На заводах в 1928–1936 гг. стали проводиться профилактические мероприятия по предупреждению многих болезней. «В клубе Средневолжского завода стали читаться лекции, разрешающие вопросы быта рабочих. Недавно была прочтена врачом лекция о туберкулезе… Лекция очень интересная и полезная. Жаль только, что рабочих было мало»[357]. В порядке вещей были перерывы посреди рабочего дня на занятия производственной физкультурой[358].

В Пензе тубдиспансер совместно с венерологическим и психиатрическом диспансерами проводили обследование членов союза печатников на предмет выяснения влияния их производства на здоровье. В свою очередь, совет социальной помощи проводил кампанию по оздоровлению жилищно-бытовых условий рабочих через медсестер и путем проведения санитарно-профилактической работы на предприятиях[359].

Ежегодно выдавались рабочим путевки на санаторно-курортное лечение и в дома отдыха на Южный берег Крыма, Сочи, Ессентуки, Кисловодск, Железноводск и т. д[360]. Но стоит сразу отметить, что каждый отдыхающий должен был иметь профсоюзный билет и ударную книжку[361]. То есть съездить на лечение мог не каждый рабочий.

[357] Волжская коммуна. 1928. 7 января. С. 4.
[358] ГАСО. Ф. Р-1147. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–3.
[359] Трудовая правда. 1928. 12 января. С. 4.
[360] СОГАСПИ. Ф. Р-9362. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.
[361] СОГАСПИ. Ф. Р-9362. Оп. 2. Д. 18. Л. 13.

Огромное значение придавалось на предприятиях гигиене персонала, особенно в пищевой отрасли. «Каждое лицо, работающее и соприкасающееся с товарами, должно иметь врачебное свидетельство о хорошем состоянии здоровья и подвергаться один раз в месяц медицинскому осмотру. Сотрудник перед началом работы и после каждой отлучки должен мыть руки. Запрещается прикосновение руками к изделиям без обертки»[362].

По Конституции и заявлениям партии люди, их жизнь и здоровье всегда были главным приоритетом национальной политики. Рабочий класс и вовсе был опорой советской власти. Но, к сожалению, в годы индустриализации, когда существовали форсированные темпы индустриализации, все громкие декларирования забывались как на государственном уровне, так и на местном. Исходя из широкого фактического материала, мы видим, что условия труда были очень тяжелыми и малопригодными для нормальной работы. Рабочие трудились в помещениях, совсем неприспособленных для производства: цеха не отапливались, плохо освещались и др. Пролетарий был вынужден каждый день подвергать опасности свое здоровье и даже жизнь. Нормальными явлениями стали травмы на производстве, виновными в которых зачастую признавались сами рабочие. Все это вело к огромной текучке кадров и срывам производственных программ. Иногда и заводское начальство халатно относилось к жизни и здоровью своих подчиненных. Появилась практика самостоятельной борьбы рабочих за оздоровление условий труда в рамках социалистического соревнования, которое развернулось почти с самого начала индустриализации. Но огромные траты на охрану труда и рабочая инициатива до конца так и не исправили столь удручающую картину. Ведь в первую очередь стояла задача догнать и перегнать Запад в индустриальном развитии[363], а не улучшить быт рабочего. Мало того, многие рабочие, живущие вдали от предприятий, были вынуждены преодолевать большое расстояние пешком, чтобы попасть на работу[364]. Это тоже сказывалось на производительности

[362] ГАСО. Ф. Р-2100. Оп. 1. Д. 27. Л. 20-21.
[363] *Сталин И. В.* Сборник сочинений. Т. 3. 1951. С. 143.
[364] *Лопяло К.* Жилище – рабочим! М., 1932. С. 63–67.

и здоровье трудящихся. Но к концу 1930-х гг. ситуация стала меняться постепенно в лучшую сторону. Стало больше обширных светлых цеховых зданий, асфальтированных дорог и озеленения вокруг цехов и участков (даже появлялись небольшие скверы и парки).

Условия труда справедливо можно рассматривать как фактор, оказывающий влияние на трудовые отношения и повседневную жизнь. Ведь от хороших санитарно-гигиенических условий зависит здоровье рабочего и его отношение к труду.

Роль медицинского обслуживания повседневной жизни рабочего тоже сложно переоценить. В годы первых пятилеток ситуация в здравоохранения стала меняться в лучшую сторону. Несколько расширилось медобслуживание рабочих и приспособление к обслуживанию смен[365]. Но заболеваемость продолжала оставаться на высоком уровне. Одной из причин столь удручающего положения вещей явились не самые лучшие условия труда рабочих на предприятиях. Также причиной заболеваемости в рабочей среде может быть короткая продолжительность отпуска:

– для взрослых рабочих и служащих – 12 рабочих дней,

— для взрослых рабочих и служащих, занятых особо вредным производством и опасными профессиями, – 24 рабочих дня,

– для рабочих и служащих, не достигших 18-летнего возраста, – один календарный месяц[366].

§ 3.3. Культура и досуг пролетариата

Досуг для человека является необходимой частью полноценной жизни, ведь без отдыха индивид может ощущать себя неудовлетворенным. Все это может впоследствии сказаться на его работе.

[365] РГАСПИ. Ф. Р-17. Оп. 32. Д. 181. Л. 13–14.
[366] СОГАСПИ. Ф. Р-9431. Оп. 2. Д. 58. Л. 63.

На любом историческом этапе развития того или иного государства досуг зачастую ассоциируется с приватностью и некоторой свободой. Но в советское время, особенно в сталинское время, досуг сочетался с разными формами его осознанного целенаправленного регулирования со стороны государства.

Общественное сознание и массовое поведение в изучаемый период приобрело двойственный характер. Большинство советских граждан понимало, что через развитие социальной сферы, а также труд и рост производительности совершается преодоление экономической отсталости. Но при этом люди в 1920–30-е гг. столкнулись с собственным бесправием, с проявлением зависимости от власти и хозяйственной администрации[367].

С одной стороны, советское правительство пыталось облегчить условия труда своих граждан путем освобождения дополнительных часов на отдых. Но с другой, посредством этого же законодательства, максимально пыталось воспитать людей в духе коммунистических ценностей. Вместо семидневки (когда работали шесть дней, а выходной – на седьмой день) на предприятиях согласно постановлению от 24 сентября 1929 г. СНК СССР появилась непрерывка[368]. Сначала была пятидневка: рабочий четыре дня работал, а на пятый отдыхал, выходной был скользящим. Количество выходных дней увеличивалось. В первую очередь это произошло за счет сокращения религиозных праздников. При этом нарушался ритм внутрисемейного досуга. Собираться вместе становилось все сложнее. Это никак не устраивало население.

21 ноября 1931 г. советское правительство ввело уже шестидневку. Нерабочими стали 6, 12, 18, 24 и 30 числа месяца. Это улучшало ситуация для семейных людей, которые стали чаще проводить время вместе.

Советское правительство все свободное время, в первую очередь свободное время рабочих промышленных предприятий, хотело использовать для воспитания

---

[367] *Войнаровская Ю. В.* Настроения населения малых городов Поволжья (1920–1930-е гг.) // Известия Самарского университета научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 2. С. 133.

[368] *Лебина Н. Б.* Энциклопедия банальностей. М., 2006. С. 253.

человека нового социалистического типа. Партия особое внимание обратила на воспитание в человеке социалистического отношения к труду, патриотизма и пролетарского интернационализма. Основными формами организованного досуга стали театр и кино.

Особую популярность у населения в изучаемый период приобрел кинематограф. Кино стало идеологическим оружием. Еще в начале индустриализации на советских экранах присутствовало большое количество зарубежных фильмов, но уже к середине 1930-х гг. они были вытеснены новыми советскими кинолентами. К примеру, «Веселые ребята» и «Чапаев», которые собирали десятки тысяч зрителей по разным городам СССР. К примеру, в Сызрани эти фильмы посмотрели 13 тыс. и 25 тыс. человек[369]. Население города в изучаемый период составляло 55 тыс. человек. То есть первую киноленту посмотрел каждый четвертый, а вторую каждый второй житель Сызрани.

Широкое развитие в годы индустриализации получило хроникально-документальное кино. Данные кинохроники рассказывали рабочим об опыте передовиков и новаторов, об успехах на стройках пятилетки и индустриализации. По замыслу коммунистической партии, посмотрев эти фильмы, рабочие должны были еще с больше энергией войти в социалистическое соревнование и стахановское движение.

В Куйбышеве в 1936 г. действовало 6 кинотеатров и 61 киноустановка[370]. В это же время в Пензе работало 2 кинотеатра и 40 киноустановок, на территории Мордовии было 126 киноустановок[371].

Из года в год популярность этого жанра искусства все росла. При этом увеличивались и проблемы, связанные с показом кинолент. На протяжении первых пятилеток самой острой проблемой была нехватка посадочных мест. Пришлось

[369] Красный октябрь. 1935. 3 сентября.
[370] ГАСО. Ф. Р-2521. Оп. 4. Д. 929. Л. 89.
[371] ГАПО. Ф. Р-2394. Оп. 1. Д. 1535. Л. 32.

многим рабочим клубам брать на себя киноработу. К тому же показ фильмов приносил немалый доход.

Недовольство населения вызывали также высокие цены на билеты. Один из самарских рабочих в конце 1928 г. писал в местной газете: «Увлечение коммерческой стороной клубов следует приостановить. Клуб – это не лавочка для выкачивания из кармана рабочего пятаков, а место, где рабочий желает получить культурный отдых. Если нельзя показывать картин бесплатно, то плату на киносеансы устанавливать самую минимальную, чтобы только покрыть расходы по кино»[372]. Но, несмотря на это, просмотр кинокартин стал нормой досуга в повседневной жизни рабочего.

Совсем иначе сложилась ситуация с посещением рабочими театра. В городах Средневолжского края в 1920–30-е гг. работало несколько десятков театров. Самые крупные были в Самаре, Ульяновске и Пензе.

Рабочие ходили в театры мало. Профсоюзы требовали от театралов максимально возможно учитывать пожелания пролетариата. То есть театры оказались в тяжелом положении. Ведь работать надо было на заказ. Помимо классики, на театральных подмостках появляется советская драматургия, рассказывающая про энтузиастов-строителей, Октябрьскую революцию и др. Как известно, в 1930-е гг. на предприятиях развернулось социалистическое соревнование. В Самаре в 1934 г. Крайком Союза заключил договор с театром «Мюзикл-Холл» на снабжение рабочих и служащих билетами со скидкой 25 %[373]. В практику вошло вручение бесплатных билетов передовикам производства. И результат не заставил себя ждать. В городах Средневолжского края посещаемость театра семьей рабочего с 1933 г. по 1936 г. выросла более чем в 2 раза в основном за счет бесплатных билетов[374]. Но все равно до рейтингов до кино театру было далеко в указанный период. Однако для стахановцев и ИТР театральные постановки стали вполне обыденным явлением.

---

[372] Волжская коммуна. 1928. 6 декабря. С. 4.
[373] СОГАСПИ. Ф. Р-9362. Оп. 2. Д. 32. Л. 26.
[374] ГАРФ. Ф. Р-373. Оп. 21. Д. 49. Л. 176–181.

Причинами малой популярности театров были дорогие билеты, ограниченное начало времени постановок, которые было сложно варьировать. И, конечно же, репертуар многих театров был мало понятен зрителям. «Хуже с репертуаром Буффонады. Если в материальном отношении этот театр себя оправдал, то репертуар оставляет желать лучшего»[375]. В начале 1930-х гг. в Самаре был создан специально для рабочих театр «Темп», который выступал в рабочих клубах различных предприятий.

При заводах региона создавались рабочие клубы, при которых действовали иногда и драматические кружки. Так, при заводе № 15 в Чапаевске (Самарский округ) в такой кружок входило 48 человек[376]. В конце 1920-х гг. подобные кружки были созданы при Средневолжском механическом заводе (Самарский округ) и при Заводе № 50 (Пензенский округ)[377].

Профсоюзы заботились, чтобы рабочие культурно просвещались. Для этого они заключали договоры с театрами на снабжение рабочих и их семей льготными билетами[378]. Репертуар театров состоял из произведений классиков русской литературы и советских пьес (к примеру, «Как закалялась сталь»). Власть пыталась использовать театр и как идеологическое оружие.

Важную роль в 1920–30-е гг. в культурной жизни пролетариата приобрели рабочие клубы. Профсоюзные клубы создавались согласно решению Средневолжского краевого центрального комитета профсоюзов, у которого были задачи по сплочению сил рабочего класса и упорная и систематическая работа над мобилизацией творческой активности масс[379]. Обслуживая работников данного предприятия и членов их семей, рабочий клуб не являлся закрытыми для других. Членами кружков могли стать и не состоящие в профсоюзах личности. Так при Велозаводе (Пензенский округ) в 1929 г. членами рабочего клуба было

[375] Волжская коммуна. 1928. 8 декабря. С. 3.
[376] СОГАСПИ. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 3. Л. 25-28.
[377] СОГАСПИ. Ф. Р-9431. Оп. 2. Д. 64. Л. 29, 76.
[378] СОГАСПИ. Ф. Р-9362. Оп. 2. Д. 7. Л. 26.
[379] Профсоюзы и индустриализация. М., 1929. С. 24–27.

13 944 человека, а Союз Металлистов по Самаре включал в себя около 20 тысяч человек[380].

Рабочий клуб завода им. Володарского (Ульяновский округ) имел календарь массовой работы на год, который включал как культурные мероприятия, так и спортивные. Рабочим еженедельно показывали кино и различные драматические постановки. Фабзавкомы регулярно для своих рабочих доставали билеты в театры города. Для семей рабочих проводились тематические вечера. Для любителей спорта работал кружок физкультуры, который регулярно проводил соревнования по зимним и летним видам спорта[381]. В Троцке при заводе № 15 членов рабочего клуба было 700 человек. Действовало более 10 рабочих кружков, которые всегда были переполнены посетителями в лице рабочих и членов их семей[382].

Конечно же, рабочие клубы имели недостатки. На это указывала и партия: «Клубы несколько расширили свою работу. Расширение массовой работы в дневные часы: ничего не сделали для охвата трех смен вообще и в частности к охвату новых рабочих, особенно живущих в деревнях»[383].

О росте рабочей клубной сети свидетельствуют и статистические материалы. Только на 1 июля 1930 г. при Союзе Металлистов деятельностью рабочих клубов было охвачено более 20 тыс. человек[384]. По данным Ульяновского районного заводского комитета ВСРМ, под обслуживание различных кружков при рабочих клубах только по одному Ульяновскому округу попадало более 326 тыс. человек[385].

Как известно, Средневолжский регион был многонациональным районом. Следствием чего стало создание национальных клубных учреждений. В Куйбышеве до 1934 г. существовал клуб нацменьшинств, который имел

[380] СОГАСПИ. Ф. Р-9431. Оп. 2. Д. 65. Л. 2, 10.
[381] ГАУО. Ф. Р-454. Оп. 1. Д. 238. Л. 9, 99–100,113–114.
[382] СОГАСПИ. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 3. Л. 25–28.
[383] РГАСПИ. Ф. Р-17. Оп. 32. Д. 181. Л. 13–14.
[384] СОГАСПИ. Ф. Р-9431. Оп. 3. Д. 73. Л. 1.
[385] СОГАСПИ. Ф. Р-9431. Оп. 2. Д. 64. Л. 14–16.

несколько секций: татарскую, мордовскую, немецкую, чувашскую, еврейскую, армяно-грузинскую[386]. В это же время в Ульяновске существовал татарский клуб.

В конце второй пятилетки стали строиться клубные учреждения нового типа – Дворцы Культуры. С 1936 г. началось их строительство в Пензе и Куйбышеве.

Главная особенность рабочих клубов заключалось в том, что они были не только средством потребления культурных ценностей, но являлись организующими центрами развития народного творчества, художественной самодеятельности. В клубах создавались музыкальные, драматические кружки, которые позволяли каждому члену раскрыть свои таланты. В то же время существовали кружки, которые имели идеологическую направленность. К примеру, политкружки, которые доносили до рабочих историю правящей партии.

Огромное значение в рабочих клубах приобрели в указанный период оформление стенгазет и красных уголков. Так, при рабочем клубе завода № 15 города Троцка выпускалась газета, при которой создали кружок рабкоров. В столовой был организован красный уголок, где содержалась необходимая политинформация[387]. Власть пыталась использовать даже обеденный перерыв для воспитания человека социалистического типа. Заводское начальство приглашало различных партийных работников, которые вели агитацию среди трудового народа[388].

По Пензенскому округу в 1928 г. наблюдалась следующая ситуация: в школе ФЗУ фабрики «Маяк Революции» организован юнкоровский кружок. Хотя местная стенгазета «Красный Маяк», по откликам рабочих, изо дня в день «хирела»[389]. В центральном Красном уголке строителей впервые выпущена стенгазета «Зеркало строителя». На спичечной фабрике «Искра» после восьми лет перерыва выпущен первый номер стенгазеты «Голос Химика»[390].

---

[386] СОГАСПИ. Ф. Р-714. Оп. 1. Д. 148. Л. 17.
[387] СОГАСПИ. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 3. Л. 25–28.
[388] Трудовая правда. 1928. 13 марта. С. 2.
[389] Трудовая правда. 1928. 4 января. С. 4.
[390] Трудовая правда. 1928. 9 февраля. С. 4.

В газетах писали о предприятиях и людях: их заботах, бедах и успехах. Главными героями становились сами рабочие различных профессий: сварщики, плавильщики, фрезеровщики и т. д. Здесь публиковался передовой опыт ударников и стахановцев. И каждому рабочему, попавшему на страницу прессы, было приятно видеть свое имя. Это своего рода тоже было мотивирующим моментом для каждого трудиться еще лучше.

Ежегодно на предприятиях региона проводился смотр стенгазет. Лучших награждали различными памятными призами. Но все-таки очень много юнкоровских кружков игнорировали эти мероприятия[391]. На заводе № 42 стенгазет не было вовсе[392]. Главными задачами юнкоровских кружков на промышленных предприятиях было доведение до рабочих информации об успехах индустриализации в СССР, о буднях завода, велась разъяснительная политработа.

Но все же особой популярностью пользовались кружки художественной самодеятельности. Они в свою очередь и явились видом массового отдыха. При заводе № 42 (Самарский округ) существовал целый музыкальный ансамбль, который регулярно выступал с концертами на предприятиях региона[393]. Но в начале 1930-х гг. художественная самодеятельность широкого распространения не получила. Это было связано с недостатком кадров и плохой материальной базой. В 1936 г. в Куйбышеве, Ульяновске и Пензе проводились городские олимпиады самодеятельности, в которых приняли участие и рабочие.

При заводах и фабриках Средневолжского региона, как свидетельствует периодическая печать, организовывались библиотеки. Именно в 1920–30-е гг. была заложена любовь к чтению у советских граждан. Но первоначально фонды библиотек были очень скудными. Об этом неоднократно упоминали и сами рабочие. Рабочий завода № 50 Шувалдин говорил следующее: «В местной библиотеке ограниченный выбор книги». Машинист водокачки ст. Чаадаевка: «Не хватает технической культуры». Работница лесозавода № 14 Гаврюшина: «Еще нет

[391] Волжская коммуна. 1930. 7 февраля. С. 3.
[392] СОГАСПИ. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 80. Л. 1–6.
[393] Волжская коммуна. 1930. 29 мая. С. 4.

системы в работе библиотеки. Книги задерживаются, теряются»[394]. Помимо идеологической литературы, рабочие читали и художественные произведения. Но, несмотря на все недочеты, рабочие проявляли рвение к различной литературе, тем самым повышая свой уровень грамотности и культуры.

Хотя были и негативные явления в рабочих клубах. Бывало, что кружки и вовсе переставали работать или вообще занимались чем-то другим. На пензенском заводе «Маяк Революции» ячейки МОПР (международная организация помощи борцам революции), ОДР (общество друзей радио), драмкружок и другие замерли. Кружок физкультуры действовал с большими перебоями. В клубе строителей каждый вечер наблюдалась поголовная пьянка. На первом госмехзаводе клуб напоминал танцевальный зал[395].

Совершенно новой формой для жителей Средневолжского края в общем, и для пролетариата в частности, стал туризм в изучаемый период. Пролетарский туризм привлекал год из года все большее количество людей. В 1929 г. было основано Общество Пролетарского Туризма и Экскурсий (ОПТЭ). Уже в мае этого же года организация подобных обществ произошла в крупнейших городах Средневолжского края. К середине 1930-х гг. в Самаре действовало 99 ячеек ОПТЭ, в Ульяновске – 44, в Сызрани – 30, в Чапаевске – 18, в Пензе – 13 ячеек[396]. И из года в год доля рабочих в ячейках общества по разным городам только увеличивалась.

Под предводительством Общества проводились различные мероприятия для организации досуга горожан. Члены ОПТЭ устраивали субботники, а вырученные на них деньги использовали для организации в выходные коллективных поездок за город, лыжных вылазок, массовок и т. д. В самом начале индустриализации данные общества ориентировались на экскурсионную деятельность. Важной формой деятельности общества стали экскурсии рабочих на другие промышленные предприятия. В выходные десятки, сотни рабочих стали посещать цеха своих и

[394] Трудовая правда. 1928. 9 февраля. С. 3.
[395] Трудовая правда. 1928. 16 января. С. 3.
[396] СОГАСПИ. Ф. Р-1141. Оп. 41. Д. 178. Л. 2.

других предприятий, получали необходимый опыт от инженеров и передовиков производства.

Большой интерес стали представлять производственные экскурсии в другие города. Средневолжские рабочие были частыми гостями на промышленных предприятиях Москвы и Ленинграда. Для ознакомления с новинками техники в Самаре в 1929 г. был организован Дом науки и техники[397]. Также пролетариат посещал различные совхозы, где знакомился с успехами коллективизации. В июне 1930 г. Самарское Общество пролетарского туризма (ОПТ) организовало двухнедельник пролетарского туризма по пяти направлениям:

1. Совхоз «Красная Звезда».
2. Совхоз «Красное знамя».
3. Кирпичные заводы около Безымянки.
4. Кирпичный завод на Самарке.
5. Силикатный завод[398].

На страницах газетах стал пропагандироваться самодеятельный туризм. Особой популярностью стали пользоваться сплавы по рекам: «Жигулевская кругосветка» в Сызрани и Самаре, в Ульяновске – «Свияжская кругосветка».

Как известно, параллельно с индустриализацией шла коллективизация. И деятельность ОПТЭ помогала решению важных государственных задач. Вошел у рабочих в практику аграрный туризм: «В помощь деревне». Десятки пролетариев отправлялись в сельскую местность.

Самой большой ячейкой общества среди рабочих был ОПТ при Союзе Металлистов. ОПТ, являясь добровольной массовой общественной организацией, объединяет все активные культурные силы интересующиеся туризмом. Основным контингентом общества являлись члены профсоюзов, и среди них, главным образом, проводилась организационная работа.

Средневолжский Облсовет ОПТ просил от Союза Металлистов организовать моральную поддержку через вступление в общество юридическим членам

[397] Волжская коммуна. 1929. 28 мая. С. 3.
[398] Волжская коммуна. 1930. 10 июня. С. 4.

общества[399]. Также была рекомендация организовать самодеятельный туризм, который в скором времени партия сочтет ненужным.

Однако туризм давал горожанам в общем и рабочим в частности высокую долю самостоятельности и даже независимости в организации своего досуга. Это очень сильно беспокоило правительство. В апреле 1936 г. указом Президиума ЦИК СССР было решено ликвидировать ОПТЭ. Партия видела нецелесообразным дальнейшее развитие туризма на добровольных началах. Все имущество передали в конечном счете ВЦСПС. Однако самодеятельный туризм окончательно не умер и во второй половине 1930-х гг.

Особенную популярность приобрели занятия физкультурой и спортом. Кружки физкультуры и спорта в 1928–1936 гг. были самыми многочисленными, а спортивные мероприятия самыми посещаемыми. Приобщение к физкультуре рабочих было доступным. Так, для членов профсоюзов билет на каток на ул. Либерсона в Пензе стоил всего лишь 10 коп.[400] Такой же каток располагался и в Самаре на городском стадионе. И для членов профсоюзов тоже были льготные билеты[401]. 1 января 1928 г. состоялось открытие катка при клубе железнодорожников. Чуть позже при клубе «Коммуна» Ульяновской железной дороги была организована хоккейная команда[402].

Регулярно проводились соревнования между профсоюзными организациями. Каждые выходные в зимний период проводились соревнования по хоккею, конькобежному спорту, совершались лыжные вылазки. Проводились целые окружные мероприятия, к примеру – в феврале 1929 г. лыжный пробег членов рабочих профсоюзов[403]. Летом проводились соревнования по футболу и легкой атлетике. Об этих мероприятиях было известно всем заранее, так как объявления про них печатались заранее в газетах: «Волжская коммуна», «Трудовая правда», «Пролетарский путь» и др.

---

[399] СОГАСПИ. Ф. Р-9431. Оп. 2. Д. 63. Л. 40–41.
[400] Трудовая правда. 1928. 1 февраля. С. 4.
[401] Волжская коммуна. 1928. 1 января. С. 3.
[402] Трудовая правда. 1928. 7 января. С. 4.
[403] Волжская коммуна. 20 февраля 1929. С. 4.

Обыденным явлением стали соревнования с командами из других регионов. Так, летом 1930 г. состоялась встреча самарских и московских пищевиков, в команде которых играли легендарные братья Старостины[404].

Заводские кружки физкультуры были совершенно бесплатные для занятия спортом. Так, при заводе № 42 в летний период 1929 г. занималось около 100 человек. Из них 25 % – женщины. Были секции легкой атлетики, игровых видов спорта (футбол, баскетбол и др.), водных видов спорта. Основной недостаток работы кружка данного предприятия – плохое состояние игровой грунтовой площадки[405]. В это же время при Самарском Водосвете в осеннее-зимний период 1928/29 г. существовало 8 спортивных секций[406]. Вообще по Самаре в первые годы индустриализации наблюдался бум физкультуры и спорта. Так, на конец 1928 г. общее количество кружков данной направленности составило 389, из них рабочих 205, а уже на конец 1929 г. 455 и 322 кружка соответственно. Конечно же, были следующие общие замечания:

– развитие массовых форм спорта оставляло желать лучшего;

– необходимо было усилить участие физкультурников в общественно-политической работе;

– пропаганда военно-прикладных видов спорта;

– усиление воспитательной работы;

– проведение еще большего количества соревнований[407].

Также заводские кружки физкультуры брали шефство по вовлечению в занятие спортом не только своих служащих. Так, кружок клуба коммунальщиков в 1929 г. в Самаре стал сооружать спортивную площадку в одном из городских садов города[408].

---

[404] Волжская коммуна. 1930. 1 июля. С. 4.
[405] СОГАСПИ. Ф. Р-9432. Оп. 2. Д. 62. Л. 1–3.
[406] СОГАСПИ. Ф. Р-9432. Оп. 2. Д. 62. Л. 107.
[407] СОГАСПИ. Ф. Р-9432. Оп. 2. Д. 62. Л. 227.
[408] Волжская коммуна. 1929. 26 апреля. С. 4.

Областные советы физкультуры всеми силами пытались пробудить интерес к физкультуре. Она должна была их отвлечь от асоциального образа жизни, который получил распространение среди городского населения в общем и пролетариата в частности. Для этого проводились физкультурные и санитарные консультации[409].

Физкультуру в цеха пытались внедрить через социалистическое соревнование. Так, в 1930 г. физкультурники Самары вступили в спортивное соревнование со своими коллегами из Воронежа и Ульяновска. Самарцы взяли на себя обязательство завербовать в кружки не менее 500 рабочих и особое внимание уделить женщинам-работницам[410].

На некоторых предприятиях региона все же наблюдалось незначительное вовлечение рабочих в занятие физкультурой и спортом. Так, на Оренбургском мясокомбинате на 1934 г. из 127 рабочих физкультурой и спортом занималось 19 человек. В этом же году на Богатовском маслозаводе (Самарский округ) из 289 рабочих в физкружок входило 55 человек[411].

Многие рабочие, как известно, были выходцами из деревни. И понятно их желание почаще бывать в гармонии с природой. Этому послужила садово-парковая среда. Отдых пролетария Средневолжского края был связан с пригородными зонами, садами и парками. Парки власти хотели использовать также в своих интересах. Данные места создавались по шаблону: одинаковые аттракционы, места отдыха. Были очень схожие пропагандистские и развлекательные мероприятия.

В изучаемый период широкое распространение в Средневолжском крае получили танцевальные вечера, которые проходили как раз в городских парках и садах. Для выходцев из крестьян танцы являлись нормой досуга. Официальная идеология считала танцы буржуазным развлечением. Даже было время, когда западноевропейские танцы были запрещены. Но во второй половине 1930-х гг. все запреты были сняты. Это была своего рода уступок власти в области организация

---

[409] Волжская коммуна. 1929. 2 февраля. С. 4.
[410] Волжская коммуна. 1930. 9 апреля. С. 4.
[411] СОГАСПИ. Ф. Р-9362. Оп. 2. Д. 83. Л. 46–47.

досуга населения. То есть даже при тоталитарном режиме Сталина сохранялись элементы демократизации досуговой сферы трудового населения.

Советский Союз, как ни крути, неразрывно связан с предыдущей историей страны. И у народа сохранялись старые привычки свободного времяпрепровождения. Малоквалифицированные рабочие, к примеру, главным образом проводили время во дворах с соседями или с родственниками. Это было своего рода неорганизованным и неконтролируемым отдыхом и досугом. Многие рабочие проводили свои отпуска в деревне, где жили многочисленные родственники. А когда они были в городах, то часто бывали во дворах, парках, на набережных. Летом неорганизованной формой досуга у рабочих был пляжный отдых.

Настроения рабочих в городах Средневолжского края в 1920–30-е гг. также выразились в атеизме. К примеру, в Сызрани в изучаемый период на регулярной основе проводились антирелигиозные дни, недели и месячники. В целом население спокойно отнеслось к политике атеизма, несмотря на то, что в 1934 г. по СССР прокатилась волна массового закрытия церквей и ряд гонений священнослужителей и активных прихожан[412].

В годы индустриализации в городах Средневолжского края наблюдался всплеск различных проявлений девиантности. Так, А. Ю. Климочкина приводит в своей статье жалобы жителей Самары в 1932–1934 гг.: «в рабочих поселках каждый день драки на смерть, пьянки, скандалы»… «Хулиганы хозяйничают, невозможно возвращаться домой с работы»[413]. Но пьянка в рабочей среде не была новым явлением. Еще в начале 1920-х гг. в сводках по многим предприятиям СССР пьянство часто отмечалось. А хулиганство еще в годы НЭПа получило распространение среди молодых рабочих.

---

[412] *Войнаровская Ю. В.* Настроения населения малых городов Поволжья (1920–1930-е гг.) // Известия Самарского университета научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 2. С. 135–136.

[413] *Климочкина А. Ю.* Бытовая культура советских горожан в 1930-е гг. // Вестник СамГу. 2006. № 10/1 (50). С. 86–93.

Пьянство и хулиганство вело к увеличению прогулов, снижению производительности труда на промышленных предприятиях, росту преступности, снижению жизненного и морального уровня рабочего. Такие проявления государство рассматривало в 1920–30-е гг. как угрозу существующему строю.

Можно сделать следующий вывод. Наибольшее распространение в Средневолжском крае среди рабочих получили следующие формы досуга, которые поощрялись партией: кино, пролетарский туризм. Это был одним из основных источников воздействия на мировоззрение пролетариата. Очень популярны были парковые гуляния и танцы, которые менее контролировались со стороны государства.

Пролетариат приобщался также к новым формам поведения досуга. Это было участие в художественной самодеятельности, в работе клубов при заводах, в занятиях туризмом, физкультурой и спортом. Профсоюзы и власть старались привлечь пролетариат к театру. Но достичь этого по разным причинам так и не смогли.

С одной стороны, власть старалась не упускать возможности воспитать людей в нужном себе ключе, жестко контролируя культуру и досуг. Власть старалась регламентировать все стороны повседневности. С другой стороны, были и небольшие уступки.

Более старшее население предпочитало традиционные формы досуга и неорганизованный отдых. Они старались проводить свободное время во дворе, с семьей. Летом ходили к берегам рек. Стоит отметить, что среди трудового населения имело место пьянство и хулиганство. Алкоголизм был одной из главных проблем в рабочей среде. Особенно он получил распространение у только что приехавшей из сельской местности молодежи.

В результате всех этих процессов культура и досуг представляют собой сложную систему. С одной стороны, были деревенские и старые городские традиции, с другой – нормой становились новые формы досуга, которые были в разной степени политизированы.

Благодаря разным формам досуга рабочий мог отдохнуть после тяжелого рабочего дня, восстановив физические и моральные силы. Тем самым, досуговую сферу справедливо можно рассматривать как одну из главных составляющих повседневной жизни рабочих Средневолжского края в 1928–1936 гг.

§ 3.4. Жилищно-бытовые условия работников промышленности

Жилище можно рассмотреть как одну из потребностей человека. Ведь именно дома индивид проводит значительную часть своей жизни. Именно здесь он отдыхает после тяжелого рабочего дня, готовит пищу, проводит время с семьей и близкими. То есть жилищно-бытовые условия самым тесным образом связаны с повседневной жизнью людей.

Появление большого количества новых рабочих обострило вопрос с жилищем. Рабочим, которые желали жить в рабочих поселках и в городах, местные советы были обязаны оказывать всякое содействие путем отвода соответствующих земельных участков для постройки и предоставления строительных материалов. Ссуды рабочим можно было выдавать при условии вложения собственных средств[414].

Власть была вынуждена выстраивать систему мер, препятствующих бесконтрольному проникновению нового населения в города и самовольному занятию жилых помещений. С одной стороны, власть заинтересована в притоке рабочих рук на производство, но она заинтересована в урегулированном, а не стихийном пополнении отряда рабочих, то есть в таком, когда новый работник проходит отбор заводской администрации, официально устраивается на работу, получает направление на проживание в общежитие (или иное ведомственное жилище), вливается в трудовой коллектив, включается в систему

[414] ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 11. Д. 81. Л. 12, 77.

производственных и тесно связанных с ними бытовых отношений, подпадает под воздействие воспитательной и идеологической системы[415].

С начала первой пятилетки советская власть использовала жилье как средство принуждения рабочих к поднятию производительности труда и повышению уровня трудовой дисциплины.

Советская власть громко заявляла, что задача партии и государства состоит в том, чтобы всеми возможными средствами улучшить жилищные условия трудящихся. Предоставление бесплатного жилья – это одна из самых важных социальных гарантией советского государства. Однако на деле эти гарантии воплотить в жизнь было куда сложнее. Даже сам И. В. Сталин в 1930 г. заявил, что жилищная проблема является одной из второстепенных[416]. Темпы возведения промышленных объектов превышали темпы возведения жилищ для рабочих.

Из данных таблицы 39 мы видим, что Средневолжский регион очень серьезно уступала по темпам жилищного строительства Нижневолжскому краю. При этом население Средневолжского края было гораздо выше соседнего региона[417]. Средневолжский комитет партии принял 28 августа 1932 г. специальное постановление, в котором говорилось о необходимости построить в городах и рабочих поселках более 1 млн м^2 жилья[418]. На эти цели отпускалось десятки миллионы рублей. Но строительство жилья в целом по СССР в 1930-е гг. ограничивалось недостатком капиталов и строительных материалов, недооценкой государством нужд населения.

---

[415] *Меерович М. Г.* Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 гг.). М., 2008. С. 112.
[416] РГАЭ. Ф. Р-1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 234.
[417] *Шарошкин Н. А.* Промышленность и рабочие Поволжья в 1920-е гг. Пенза, 1998. С. 174.
[418] ГАСО. Ф. Р-779. Оп. 2. Д. 76. Л. 130–140.

Таблица 39 – Жилищное строительство в первые годы индустриализации в городских поселениях Поволжья

Район	Введено в эксплуатацию жилой площади (в тыс. м^2)			Увеличение в 1929 г. по отношению к 1926 г. (%)
	1926 г.	1928 г.	1929 г.	
Татарская АССР	14,4	32,2	29,9	200,4
Средневолжский край	78,7	107,1	84,0	106,6
Нижневолжский край	83,0	156,3	160,4	193,8
СССР	3225	4891,8	4741,1	174,6

Еще в годы первой пятилетки в 1929–1931 гг. были достигнуты немалые первые успехи. Было построено больше 300 тыс. м^2 жилой площади, две мощные электростанции, начато строительство третей электростанции. В городах стали восстанавливаться старые разрушенные дома, возводились новые жилые строения, в которые были переселены рабочие с окраин. Но рост городского населения в разы превышал темпы жилищные строительства, что создавало определенные трудности, особенно в Самаре и Чапаевске.

Конечно же, из года в год темпы жилищного строительства в Средневолжском крае росли. Крайком партии принял решение, что надо довести жилищную норму для рабочего населения в 1932 г. до 5,1 м^2. В это время жилищная норма по СССР составляла 6,5 м^2. При этом Средневолжский Крайисполком отмечал в 1935 г., что городское население выросло на 13,1 %, а жилфонд только на 6,3 %[419]. В Пензе с 1930 по 1938 г. жилфонд вырос на 112 %, но рост городского населения составил 144 %. Очень остро жилищная проблема стояла в Ульяновске. «Жилищное строительство города сокращалось. В 1932 г. жилой фонд составлял 348,9 тыс. м^2, а в 1938 г. – 340 тыс. м^2»[420].

Жилищный фонд городов распределялся по нескольким секторам: муниципальному, национализированному, кооперативному и частному.

[419] Волжская коммуна. 1935. 7 января. С. 3.

[420] *Шарошкин Н. А.* Развитие коммунального хозяйства и благоустройство городов Поволжья в 1930-е гг. // Исторические записки : межвузовский сборник научных трудов. Пенза, 1999. Вып. 3. С. 167.

Муниципализированный фонд с самого начала индустриализации стал передаваться во владение самим трудящимся, которые были объединены в ЖАКТы (жилищно-арендные кооперативные товарищества). Так, в Самаре уже к началу 1930-х гг. почти весь муниципализированный жилищный фонд находился в руках ЖАКТов. В Пензе и Ульяновске в свою очередь около 90 % фонда было освоено кооперацией. Но вся жилищная политика в любом регионе страны находилась в подчинении НКВД.

Советская власть рассматривала жилищные кооператив, как средство решения жилищной проблемы. На протяжении всего 1931 г. ЖАКТы реорганизовывались, при этом не занимаясь домовым хозяйством. Очередное разукрупнение данных организаций результатов не принесло. ЖАКТы не могли мобилизовать средства, провести ремонт, организовать культурно-бытовые учреждения, бороться с антисанитарией и т. д. В итоге было организовано в Самаре – 226 ЖАКТов, в Пензе – 70, в Ульяновске – 50, в Сызрани – 15, в Кузнецке – 12, в Мелекесе – 4[421].

Жилищные кооперативы, начиная с постановления СНК СССР от 15 февраля 1928 г. «О мероприятиях по жилищному хозяйству в городских поселениях», оказались в полном подчинении местных органов власти. ЖАКТы по сути дела лишились полностью самостоятельности. Но, с другой стороны, рабочие ЖАКТов и ЖСКТ (жилищно-строительное кооперативное товарищество) полностью освобождались от подоходного налога с 1932 г.

Власть всецело контролировала распределение жилища. Все должны были работать хорошо. А если кто-то трудился «спустя рукава» или терял трудовые отношения с предприятием, то тот в обязательном порядке лишался жилища. В годы индустриализации власть старалась не оставить ни одной лазейки сохранить жилье в случае увольнения. То есть, проживая в подведомственном жилье, люди оказались в состоянии подневольного рабочего.

[421] ГАСО. Ф. Р-1141. Оп. 3. Д. 7. Л. 2.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1929 г. фиксировало случаи, при которых советские граждане приобретают право на занятие жилой площади: «а) с согласия надлежащих домоуправлений; б) в порядке самоуплотнения отдельных съемщиков помещений; в) в порядке обмена помещениями; г) по ордерам коммунального отдела»[422].

Еще раньше, в начале 1928 г., выходит постановление ЦИК и СНК СССР «О жилищной политике», которое предписывает предоставить промышленным и транспортным предприятиям «право полного освобождения в административном порядке жилых помещений, находящихся на территории предприятий, от лиц, не работающих на данном предприятии»[423]. В 1929 и 1931 гг. власть вводит новые постановления, которые серьезно ограничивают независимую составляющую жизни людей.

Местные органы власти в Средневолжском крае на протяжении первых двух пятилеток в должностном рвении заставляют домоуправления выселять нетрудящихся граждан. При этом зачастую последние особо не разбирались действительно ли эти люди – нетрудящиеся элементы. Поэтому списки ошибочно выселенных граждан в этот период насчитывают большое количество людей

4 декабря 1932 г. выходит постановление ЦИК и СНК СССР «О расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих и улучшении карточной системы», в котором прямо указывается, что принимается оно (как и другие, указанные выше) для усиления управленческого воздействия администрации на подчиненных. Именно так и сформулировано в самом постановлении: «...в целях (...) усиления власти директора на предприятии»[424].

В 1932–1933 гг. по стране прокатывается целая волна выселений. Все это было связано с постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. «Об увольнении за прогул без уважительных причин», которое предписывало

---

[422] СУ РСФСР. 1929. № 80. Ст. 535.
[423] «О жилищной политике». Постановление ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 года // Решения партии и правительства. 1928. С. 702.
[424] СЗ СССР. 1932. № 80. Ст. 489. С. 781.

увольнение «в случае хотя бы одного дня неявки на работу без уважительных причин».

В 1928–1932 гг. ввиду упомянутого выше продовольственного кризиса текучесть кадров приобрела катастрофический характер. Люди, прибывшие из деревни, не особо сильно стремились устраиваться на промышленные предприятия. Поэтому власть всецело использовала дефицит жилья как фактор трудоустройства людей на заводы и фабрики. В случае увольнения следовало незамедлительное выселение и очень часто без предоставления какого бы то ни было годного для жилья помещения. Власть смогла вырабатывать у рабочих послушание.

В это же время принимается целый ряд решений по улучшению жилищно-коммунального хозяйства городов Средневолжского края. 5 июля 1932 г. СНК РСФСР принял постановление «О состоянии и мероприятиях по развитию жилищно-коммунального строительства Самары». В первую очередь в данном документе оговаривались меры по расширению водопроводной системы в районах, где жили рабочие. Но к концу 1930-х гг. развитая водопроводная сеть имелась только в 9 из 21 города Средневолжского края, которая обслуживала только 50 % городского населения. В половине городов полностью отсутствовали бани, а канализационная сеть была лишь в Самаре.

Впоследствии началась теплофикация и газофикация квартир. Немало усилий прилагалось по преобразованию обликов городов и рабочих поселков, улучшению транспортного сообщения в них. Непосредственными организаторами и руководителями всех этих мероприятий явились местные Советы.

Рабочее население на протяжении всей индустриализации продолжало страдать от недостатка сантехнического благоустройства жилфонда. Особенно остро эта проблема встала на окраинах города и в частновладельческом секторе.

Особое внимание советская власть обратила на улучшение жилищных условий рабочих ведущих отраслей промышленности. Параллельно улучшилось качество жилищного строительства. Выросли целые кварталы благоустроенных домов с коммунальными удобствами. В то же время были и отрицательные

моменты. Так, в Самаре был построен один жилой дом для ИТР вместо трех запланированных. Его сдали с большим опозданием только в конце 1936 г. Сносным жильем ИТР могли обеспечить только крупнейшие военно-промышленные предприятия региона. К примеру, пензенский ЗИФ. Но даже на этих промышленных предприятиях многие инженеры находились в тяжелых жилищных условиях. Особо много о неудобствах сообщали с завода им. Масленникова зимой 1936 г.[425]

Особенно жилищная проблема обострялась в районах новостроек. Строительство начиналось в этих местах с возведения землянок и бараков. Многим рабочим на первых порах приходилось жить в палатках и обмазанных глиной шалашах и землянках. В городах также часто переоборудовались под жилье административные и бытовые учреждения, временно строились помещения для семейных рабочих и одиночек.

В годы первой пятилетки в стране развернулась пропаганда нового социалистического и коллективного быта. Началась бурная дискуссия по поводу типа рабочих жилищ. Решили, что новый быт нельзя строить в старом архитектурном пространстве. Возникла идея, что стоит вынести ряд функций за пределы жилой квартиры, обобществить часть бытовых процессов. Начались разработки домов-коммун для разных городов Средневолжского края. Но был построен только один такой дом в 1929 г. в Чапаевске. Дом-коммуна представлял собой параллелепипед, который был плотно набит рабочими комнатками и тесными редко расставленными кухням и санузлами.

Идеи коллективного быта недолго реализовывались на практике в Средневолжском крае. Были организованы бытовые коммуны, куда вступала рабочая молодежь. Данные коммуны организовывались в простых общежитиях, однако жители столкнулись с определенными трудностями. Так, в Пензе в рабочем поселке при Велозаводе комсомольцы и ударники решили организовать бытовую

[425] ГАСО. Ф. Р-1141. Оп. 8. Д. 15. Л. 3-4.

коммуну. Однако у коммуны не было ни столовой, ни прачечной. Никто на встречу рабочей молодежи не пошел и инициатива развалилась[426].

Коммунальное жилище – коммуна, по замечанию М. Г. Мееровича, с первых дней революции является почти официальным идеалом грядущего образа жизни в советском государстве. Проживание в коммуне было своего рода признаком принадлежности к новому социальному строю. Предполагалось, что коллективы этих коммун будут связаны также трудовой дисциплиной. Дружеские связи жителей коммун могли перетекать в трудовую плоскость. И первоначально по всему СССР власти селили все трудовые коллективы под одну крышу.

Создавая трудо-бытовые (производственно-бытовые) коллективы, власть стремится решить задачу формирования социально однородного, организованного, контролируемого, управляемого, зависимого, прикрепленного к месту труда и месту жительства человеческого материала. Трудо-бытовые коллективы по замыслу советского правительства должны были превратить человека с крестьянским типом мышления, сезонным восприятием времени, преимущественно индивидуальным стилем труда и поведения, со специфической трудовой моралью и мировоззрением – в человека, оперирующего точными отрезками пространства и времени, способного включаться в координированные и сложноорганизованные усилия больших масс людей, способного быть оператором точной производственной и военной техники, являющегося, в конечном счете, составной частью единого общегосударственного производительного комплекса[427].

Зачастую жилища строились в годы индустриализации ненадлежащего качества. Так, в рабочем городке при заводе «Маяк Революции» в Пензе «запоры у квартир скверные. Полы также неважные. Коридоры узкие. Сени маленькие, темные. Чуланчики мизерные. Не мешало бы также около дома поставить столб с фонарем»[428].

---

[426] Трудовая правда. 1931. 14 июля. С. 2.
[427] Меерович М. Г. Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 гг.). М., 2008. С. 116.
[428] Трудовая правда. 1928. 21 февраля. С. 3.

Можно сказать, что люди жили как скот. Так, в Самаре при Бахиловском гудронном заводе построили для рабочих бараки, «совсем не защищенные ни от солнца, ни от ветра, ни от дождя. Стали строить капитальные постройки, но без плана»[429]. Данное предположение подтверждают жалобы рабочих на состояние жилья. Так, рабочие писчебумажной фабрики им. Воровского в Сызрани писали: «Жилищные условия тяжелые: дома все протекают, только часть из них покрыты толью, а средств на ремонт отпускают недостаточно». На «Измайловке» некоторые женщины-работницы с детьми живут в холодных проходных коридорах и не могут добиться себе лучших условий[430].

По выражению ученого С. Коткина, самой злободневной проблемой всего жилищного строительства в годы индустриализации стала проблема «недоделок». Людей заселяли в дома, которые еще не сдались в эксплуатацию. В условиях жилищного кризиса власти на это закрывали глаза.

О потребности в жилище в начале индустриализации свидетельствуют следующие цифры: «Творец Рабочий» – 45 семей нуждаются в площади, «Коллективное творчество» – 14, фабрика им. Кутузова – 10[431]. В начале второй пятилетки потребность в жилплощади оставалась на высоком уровне. Причиной был большой приток новых рабочих рук. Так, по предприятиям Металлотреста на 1932 г. требовалось следующее количество квартир: Ремонтный котельный № 1 – 30, Металлоштамп – 50, Металлист – 5, Механический обозостроительный – 24, Завод им. 1 мая – 5, Мелекесский ремонтно-литейный – 30, мехзавод «Возрождение» – 24, «Красный Пахарь» – 50[432]. Стоит отметить, что жилищную проблему рабочего класса советскому правительство так и не удалось до конца решить.

В ситуации жилищного кризиса 1930-х гг. местные власти призывали промышленные объекты развернуть свое жилищное строительство. Однако заводы были вынуждены вкладывать больше средств в производство, а не в жилье для

[429] Волжская коммуна. 1928. 6 января. С. 2.
[430] СОГАСПИ. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 3. Л. 25-28.
[431] СОГАСПИ. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 3. Л. 77–78.
[432] ГАСО. Ф. Р-671. Оп. 1. Д. 92. Л. 49.

своих работников. К примеру, в Пензе на бисквитной фабрике трудилось больше тысячи человек, но при этом она совершенно не имела жилья.

Отчеты комиссий, которые обследовали жилищные условия рабочих промышленных предприятий, представляют нам очень печальную картину: с Карбюраторного завода в виде непредставления жилищной площади уволилось за 1936 г. 549 человек. С завода им. Куйбышева увольнялись лучшие стахановцы, которые, несмотря на большой трудовой стаж и огромные достижения, так и не смогли получить хоть какую-либо комнату[433]. Ситуация дошла до такого, что с 1936 г. многие заводы Средневолжского края перестали принимать на работу людей, у которых не было жилплощади.

Помимо комнат, рабочим и их семьям предоставляли жилье в общежитиях. Данные дома строились специально или располагались в арендованных жилых домах. В годы индустриализации обстановка в таких общежитиях была очень неблагоприятной.

Основной массе рабочих, которым все-таки дали жилье, приходилось довольствоваться бараками. Об этих бараках заботились мало, как и жильцы, так и власти, так как они изначально позиционировались как временное жилье.

Заводы и фабрики жизненно нуждались в квалифицированных кадрах. Для этого предприятия устраивали высококвалифицированных специалистов на постоянное проживание в гостиницах, хотя это и влекло за собой серьезные финансовые затраты. В 1936 г. в Куйбышеве сдали в эксплуатацию Дом Специалистов. Квартиры в нем предоставлялись исключительно для ИТР и научным работникам промышленных предприятий. Но стоит сразу сказать, что отдельную квартиру удалось получить отдельным счастливчикам новой промышленной элиты. В соседнем Чапаевске приехавшие высококвалифицированные рабочие ютились на вокзалах и в вагонах[434].

В годы индустриализации издается ряд законов и постановлений по усилению прав предприятия на выселение из ведомственного жилья уволенных

[433] СОГАСПИ. Ф. Р-714. Оп. 1. Д. 92. Л. 5.
[434] ГАСО. Ф. Р-1160. Оп. 1. Д. 144. Л. 260.

рабочих. Страх рабочих перед потерей жилья в условиях жилищного криза явился великолепным стимулов советской власти к работе. Но стоит сразу сказать, что часто данные постановления не соблюдались. Жилищная площадь регистрировалась не на имя рабочего, трудившегося на предприятии, а на имя жены или кого-либо из родственников.

В ноябре 1931 г. Самарский Горкомхоз вместе с Горсоветом в целях разрешения жилищного кризиса в Средневолжском крае решил мобилизовать актив по учету и изъятию жилой площади по Самаре. Вопреки уже существующему законодательству о выселении нетрудового элемента из домов муниципального фонда, которое ограничивало выселение лишь категорией лиц, имеющих определенный размер дохода, производилось выселение всех лишенцев.

Еще одним способом получения жилой площади стали настроечные и восстановительные кампании. Одновременно шло переоборудование дворовых хозяйственных построек под жилье. Зачастую жилье, получаемое в результате всех этих операций, было малопригодным для жизни и низкокачественным.

Н. Б. Лебина считает, что еще одним источником пополнения свободного жилфонда, стала жилищная площадь, которая освободилась в результате арестов 1930-х гг.

В годы индустриализации в Средневолжском крае наблюдаются новые подходы к застройке городов жильем и в строительстве социалистических рабочих поселков, расположенных неподалеку от промышленных предприятий. Данные поселки, по мнению М. Г. Мееровича, строились с целью создания планировки жилых районов, которая была способна обеспечить государственный контроль над жизнью и деятельностью рабочих. Яркими примерами подобной инфраструктуры стали рабочие поселки Карбюраторного завода в Самаре, завода № 15 в Чапаевске.

Жилье нового типа в Средневолжском крае строилось в незначительных объемах. Продолжало преобладать деревянное малоэтажное строительство. То есть изначально строилось жилье низкого качества, которое было рассчитано на короткий срок эксплуатации.

Еще одной серьезной проблемой жилищного фонда в городах Средневолжского края было то, что жилье, которое использовалось в условиях большего перенаселения, было значительно изношено. С одной стороны, громадные денежные средства на ремонт затрачивались в результате естественного старения домов, но, с другой, имело место и халатное отношение жильцов к жилплощади. Средств на ремонт катастрофически не хватало. С 1931 г. средства тратились в городах Средневолжского края только на текущий ремонт. Только с 1933 г. был отмечен рост ассигнований на капитальный ремонт жилья[435]. Большая часть средств, которые были выделены на проведение ремонтных работ, пошла на благоустройство Самары.

В годы индустриализации произошли определенные изменения в обстановке и интерьере рабочего жилища, которые отражали рост культурных потребностей пролетариата и рост материальных возможностей по-новому организовать свой быт. Также во многие рабочие сами начали делать ремонт своих жилищ.

Одна из основных форм жилья представляли коммунальные квартиры. Архивные материалы дают нам представление о происходившем в коммуналках противоборстве частной и публичной сферы. Свои личные комнаты жильцы поддерживали относительно в порядке, но до мест общественного пользования никому не было дело. Кроме всего этого, места общего пользования (кухни, туалеты, коридоры) вызвали постоянные конфликты по поводу справедливого распределения их ресурсов, обязанностей по поддержанию данных мест в порядке, по поводу каких-либо общественных расходов.

Но для жителей коммунальных квартир в 1930-е гг. была характерна взаимопомощь. Эта помощь проявлялась в присмотре за детьми, заботе о больных и беспомощных. Нормальные соседские отношения давали допуск в личное пространство и соседи спокойно могли ходить друг к другу в гости.

Можно сделать вывод, что в Средневолжском крае так и не был решен жилищный вопрос. Тяжелые жилищные условия соответствовали общесоветской

[435] ГАСО. Ф. Р-1141. Оп. 7. Д. 125. Л. 13.

ситуации, но жилищные нормы крупнейших городов региона были существенно ниже советских показателей. Также оставлял желать лучшего уровень благоустроенности домов и квартир. При этом Советское государство сохранило самую низкую в мире квартирную плату, которая составляла в среднем не более 5 % бюджета рабочей семьи.

Постоянно ужасная ситуация с жилплощадью провоцировала недовольство среди рабочих по отношению к вновь прибывающим в город людям. Некомфортные условия существования и вынужденное соседство чужих друг другу семей провоцировало частые бурные конфликты.

Советская власть использовала жилище в качестве стимула рабочих усиленно трудиться. Кто плохо исполнял свои трудовые обязанности, тот оставлялся без жилплощади. Хотя рабочие в 1920–30-е гг. искали все возможные лазейки, чтобы закрепить за своей семьей предоставленные государством квадратные метры.

Выводы по главе 3

1. Заработная плата являлась одним из главных материальных стимулов к труду. Советская власть за годы индустриализации несколько раз реформировала систему оплаты труда.

2. Из-за продовольственного кризиса начала 1930-х гг. качественно уровень жизни пролетариата не вырос.

3. Условия труда рабочих на производстве в годы индустриализации оставались плохими, несмотря на то, что советская власть вкладывала большие ассигнования в охрану труда и медицинского обслуживание рабочего класса. Поэтому на предприятиях наблюдался высокий уровень заболеваемости и травматизма.

4. Досуг рабочего представлял собой сложную систему. С одной стороны, были старые излюбленные формы неорганизованного досуга, с другой – новые

формы, которые были политизированы. Именно через организованные формы досуга советская власть воспитывала человека социалистического типа.

5. Жилищно-бытовые условия являются одной из составляющих повседневной жизни рабочих. Жилищная проблема была одной из самых острых в Средневолжском крае в изучаемый период. Поэтому советская власть использовала жилье как стимул для рабочих усерднее и продуктивнее трудиться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эпоха индустриализации стала важнейшим периодом отечественной истории, которая заложила фундамент советской системы, изменила все стороны жизни общества. Изучение проблемы трудовых отношений и повседневности позволяет определить сильные и слабые звенья складывавшейся системы, понять истоки ускоренного промышленного подъема Советского государства.

Важнейшим итогом первых пятилеток в Средневолжском крае стали реконструкция и открытие сотен предприятий, выявление природных месторождений, значительный рост предприятий, выпускающих продукцию тяжелой промышленности. В то же время лидирующие позиции в промышленности исследуемого региона принадлежали легким отраслям промышленности, что оказало влияние на количественный и качественный состав рабочего класса Средневолжского края. Отличительной особенностью исследуемого региона послужила сельскохозяйственная специализация экономики. Источником пополнения рабочего класса явилось крестьянство. Недавние сельские жители сохраняли связь с деревней, поэтому в среде новых пролетариев распространялись мелкобуржуазные настроения. Это приводило к завышенным претензиям на получение материальных и бытовых благ и способствовало возникновению конфликтов на производстве. В то же время приток неквалифицированной рабочей силы на производство и вызывал высокий уровень безработицы в регионе. Большое число безработных позволяло заводскому начальству устанавливать заведомо заниженное материальное стимулирование рабочих, не соблюдать охрану труда на производстве.

Пополнение рабочего класса Средневолжского края шло и за счет представительниц женского пола. Особенно в годы второй пятилетки власть активно привлекала на заводы женщин. На заводе «Красный Октябрь», по данным переписи 1932–1933 гг., было зарегистрировано 20 % женщин среди всего трудового коллектива. Советской властью были разработаны целые программы по

внедрению женщины в промышленное производство и особенные стимулы к труду.

Задачи новой организации труда и повышения производительности ставились в центр большевистской политики, согласно которой массы сами должны были на практическом опыте приходить к убеждению, что уровень их благосостояния зависит исключительно от их собственного труда. В связи с этим партия и профсоюзы должны были направлять инициативу и способности рабочих на повышение производительности труда на производстве. Часть рабочих участие в общественных мероприятиях рассматривало как возможность для дальнейшего продвижения по карьерной лестнице и получения различных материальных благ. Поэтому главная роль в создании новой трудовой повседневности отводилась самим рабочим и их организациям. В то же время работа в партийных и общественных организациях зачастую носила формальный и бессмысленный характер. Многочисленные собрания отвлекали рабочих от трудовой деятельности, сокращали время отдыха.

Образование напрямую вело к улучшению материального положения, быстрому карьерному росту и повышению социального статуса. Успешная учеба и регулярное повышение квалификации поощрялись администрацией завода морально (грамоты, благодарности, предпочтение при вступлении в партию) и материально (премии, перевод на высокооплачиваемую должность, первоочередное получение жилья). Проявившим себя работникам администрация предоставляла право на приоритетное повышение квалификации и занятие лучших рабочих мест. Уровень грамотности рабочих исследуемого региона был изначально низок по сравнению с пролетариями Центрального промышленного района, что было связано с притоком в среду рабочих выходцев из деревни. В большинстве случаев желание учиться исходило от самих людей. Рабочие понимали, что чем выше их квалификация, тем выше может быть их заработная плата и быстрее пойдет продвижение по карьерной лестнице, поэтому образование мы можем справедливо рассматривать как фактор, влияющий на трудовые отношения на производстве. Большой популярностью среди трудящихся

пользовались вечерние школы и культпоходы за овладение грамотностью и техникой. На многих предприятиях существовали вечерние рабочие школы. Более 90 % рабочих были охвачены профессиональной учебой.

Указом ЦИК и СНК СССР от 11 сентября 1929 г. в стране была установлена единая система индустриально-технического образования. Самым распространенным типом стали школы ФЗУ, которые существовали почти при всех крупных предприятиях. А в 1931 г. правительство страны утвердило единую систему рабочего образования без отрыва от производства. На заводах и фабриках вошло в практику шефство кадровых рабочих над молодыми («изотовское движение»). Но власть на местах столкнулась с рядом проблем. Это плохая материально-техническая база большинства учебных заведений, невысокий уровень учителей и инструкторов. В школах ФЗУ преподаватели с высшим образованием были большой редкостью.

Существенным фактором интенсификации производства на заводах стало ударничество, а позднее, с середины 1930-х гг., стахановское движение, получившее широкое распространение. Ударники (передовики производства) опять-таки поощрялись и морально, и материально. В условиях карточной системы начала 1930-х гг. им предоставлялась возможность получения дополнительных материальных благ. С 1929 г. на всех предприятиях СССР развернулась широкая программа по поднятию производительности труда. Необходимо было быстро выполнять высокие производственные планы. Наиболее популярным методом стимулирования трудящихся стало движение ударных бригад. Заводы и цеха вызывали друг друга на соревнования, заключая договоры. В рамках социалистического соревнования рабочие боролись за трудовую дисциплину, уменьшение брака на производстве, оздоровление условий труда и многое другое. Социалистическое соревнование переросло в 1935 г. в стахановское движение.

Средневолжский край является родиной работы на двух станках. Первыми «двустаночниками» были рабочие суконных и текстильных фабрик (Румянцевская и Языковская) региона Е. Павлов, Н. Герасимов, Т. Маркелов. Быть ударником в 1920-30-е гг. считалось почетным, так как это сулило определенные материальные

выгоды. Поэтому мы можем отметить широкий энтузиазм рабочего класса Средневолжского края в изучаемый период. То есть социалистическое соревнование и стахановское движение стали оружием в ускоренной индустриализации в руках советской власти.

Но были, конечно, и серьезные недочеты. Некоторые предприятия откровенно преувеличивали свои достижения. На некоторых заводах и фабриках людей заставляли трудиться сверхурочно за ту же заработную плату. Одним из существенных недостатков была беспорядочность и увеличение количества вызовов на соцсоревнование. Несмотря на это, всплеск трудового энтузиазма стал одной из причин успешной индустриализации Средневолжского края.

Сложные социально-экономические процессы, происходившие в стране в годы индустриализации, повлекли за собой продовольственные трудности. Администрация заводов формально занималась социальными вопросами, бытом рабочих. Исходя из этого, сложно было рассчитывать на добросовестное отношение к труду. На протяжении 1928–1936 гг. на многих предприятиях наблюдался высокий уровень прогулов по неуважительным причинам.

Незаинтересованность рабочих в результатах своего труда породил разные формы протеста. Пролетариат в рабочее время занимался чем угодно, но только не выполнением своих должностных обязанностей. Частыми явлениями стала порча заводского оборудования. Огромной проблемой было воровство рабочих: воровали инструменты, детали, сырье, готовую продукцию и многое другое.

Вполне обыденным был приход рабочих на предприятие в состоянии алкогольного опьянения. Пили и во время работы, и в обеденное время. В среде рабочих неоднократно отмечались выступления против ударников. Заводское начальство разных предприятий пыталось переломить ситуацию со слабой трудовой дисциплиной, но, используя только «кнут», кардинально переломить тенденцию не удалось. Негативные явления на производстве вынуждали советскую власть постоянно корректировать систему трудовых отношений для осуществления планов индустриализации.

В годы первых пятилеток власть отдавала приоритет на промышленных объектах материальным стимулам труда, главным из которых явилась заработная плата. По сути, денежное вознаграждение явилось основной формой стимулирования рабочих к труду. С конца 20-х гг. XX в. наблюдается резкий рост заработной платы в три-четыре раза. С введением на промышленных объектах Средневолжского края экономических стимулов рабочих повысилась заинтересованность последних в результатах своей деятельности. Отсюда и постепенное сокращение количества прогулов и опозданий. В то же время не удалось советской власти избежать недовольства. К примеру, рабочие Самаро-Златоустовской железной дороги в 1928–1929 гг. жаловались на низкие расценки в оплате труда.

Несмотря на активную борьбу с разницей в оплате труда, власти не удалось избежать разрыва в размере заработной платы. Так было на суконных фабриках Средневолжского края. В 1930-е гг. в СССР началась реформа, главной задачей которой была борьба с уравниловкой. Еще одной проблемой было несоответствие роста заработной платы и роста производительности труда на предприятиях. Многие предприятия перевыполняли план по фонду заработной платы на десятки процентов. Многие даже передовые фабрики и заводы не избежали этого явления. К примеру, подобная ситуация наблюдалась на фабрике «Красная Звезда» в Самаре. Еще одной тенденцией в оплате труда был быстрый рост заработной платы у рабочих одних профессий и медленный у других. Это связано с выделением ведущих отраслей тяжелой промышленности. Средние заработки рабочих в месяц металлической и машиностроительной отрасли региона в октябре 1930 г. были более 100 руб. А вот текстильщики и швейники получали менее 60 руб.

В особо привилегированном положении находились иностранные рабочие, которые получали куда большие деньги за свой труд на промышленных предприятиях региона, чем отечественный пролетариат (в среднем в 2,5 раза).

Несмотря на рост заработной платы в годы индустриализации, уровень благосостояния рабочего вырос мало. Это было связано с тарифной реформой

1928 г. и продовольственным кризисом начала 1930-х гг. С начала 1929 г. во многих городах Средневолжского края стала вводиться карточная система на основные продукты питания. Недовольство городского населения Средневолжского края не приняло ярких форм протеста. А рабочие иногда были инициаторами увеличения рабочего дня для выполнения производственных программ. Недовольство также проявилось текучкой кадров и разговорами в очередях. С 1934 г. ситуация в стране стала улучшаться. Теперь проблема заключались не в том, что нельзя было найти тот или иной товар, а в том, что продукты не всегда были надлежащего качества.

Таким образом, уровень жизни рабочего класса в годы первых пятилеток был низким. Хотя, начиная с 1934 г. можем видеть улучшения. Рабочие могли уже удовлетворять свои основные потребности.

Безусловно, условия труда являлись одной из составляющих формирующейся системы трудовых отношений на производстве и повседневной жизни рабочих. К началу индустриализации ситуация на промышленных предприятиях была ужасающей. Несмотря на целый ряд законодательных актов в 1928–1936 гг., кардинально переломить ситуацию с улучшением трудового быта не удалось. Рабочие трудились в помещениях, которые не соответствовали санитарным нормам. Состояние многих помещений на Пензенском велозаводе, макаронном заводе в Самаре не соответствовало никаким противопожарным нормам. В зиму на многих предприятиях рабочие трудились в плохо освещенных и неотапливаемых цехах. Неудивительно, что по многим предприятиям наблюдался рост заболеваемости. Так, на кирпичном заводе в Самаре он доходил до 30 % в месяц.

С конца 1920-х гг. началась активная деятельность по улучшению охраны труда. Для пролетариата читали инструкции и расклеивали красочные плакаты, которые ярко пропагандировали правильное поведение рабочих на предприятии. На охрану труда каждого мероприятия выделялись десятки и сотни тысяч рублей. За соблюдением безопасности отвечали краевые отделы труда. Но стоит сказать, что не всегда на заявленные мероприятия выделялось достаточное количество

средств. Иногда наоборот – денег хватало, но работы были проведены нерационально. Таким образом, условия труда не улучшались на некоторых предприятиях, поэтому на добросовестное отношение к работе у пролетариата было сложно рассчитывать. Рабочие сами в ходе социалистического соревнования стали бороться за оздоровление условий труда. Так было на обувной фабрике им. 1 мая в Самаре в 1936 г. Но к концу 1930-х гг. ситуация стала меняться в лучшую сторону. Все больше на предприятиях становится теплых и светлых помещений. Улучшается санитарная ситуация как внутри предприятий, так и вокруг них.

В годы индустриализации приходит понимание, что социальная политика, направленная на улучшение условий труда и быта, развитие физкультуры и спорта, дает снижение заболеваемости и тем самым оказывает ощутимое воздействие на сокращение экономических потерь в производстве. В 1930-е гг. советская власть уделяет повышенное внимание медицинскому обслуживанию. В регионе происходит открытие новых медицинских учреждений, растет число пропедевтических мероприятий (вакцинация, профилактические лекции по предупреждению инфекционных заболеваний).

Несмотря на тяжелые условия труда, люди находили время для отдыха в вечернее время и выходные. Досуг представлял собой сложную систему и был неразрывно связан с повседневностью рабочего класса. С одной стороны, это совершенно новые формы досуга, которые были сильно политизированы, с другой – социальное происхождение пролетариата способствовало сохранению старых городских и деревенских традиций свободного времяпрепровождения.

Из организованных форм досуга самым популярным было кино, которое показывали не только в специально отведенных для этого местах, но и в рабочих клубах. Киноленты, по мнению партийных лидеров, должны были сформировать человека нового социалистического типа. В картинах показывались годы революционной борьбы, победы шагающей по стране индустриализации. Театр в годы индустриализации у рабочих не пользовался такой популярностью. Очень распространены были занятия физкультурой и спортом. Ни одни выходные не

обходились без какого-либо спортивного мероприятия, о котором заранее сообщали в местных газетах. Особенно в Средневолжском крае получил распространение пролетарский туризм («Жигулевская кругосветка», «Свияжская кругосветка»). На основе ОПТ получил распространение самодеятельный туризм.

Многие рабочие предпочитали более спокойные формы досуга. Это парковые гуляния, отдых у речки в летнее время, посиделки во дворах. Однако негативная сторона из будней рабочих никуда не делась. Частыми явлениями были драки и пьянки.

Очень остро в годы индустриализации продолжал стоять вопрос с жильем. Многие рабочие, как уже было отмечено, были выходцами из деревень, и, соответственно, никакой жилплощади у них не было. До конца решить проблему с предоставлением квадратных метров каждому рабочему и его семье в Средневолжском регионе правительству не удалось. Зачастую рабочие ютились в бараках, которые были совершенно не приспособлены к нормальной жизни. Уровень благоустроенности квартир и домов пролетариата продолжал оставаться на низком уровне. Стоит отметить, что жилищно-бытовые условия являются одной из главных составляющих повседневной жизни рабочих Средневолжского края в 1928–1936 гг.

Исследование вопроса труда и повседневной жизни промышленных рабочих Средневолжского края в 1928–1936 гг. открывает новые линии развития в изучении отечественной истории. В целом можно переосмыслить политику СССР в области трудовых отношений, взаимоотношений рабочих с государством и между собой, определить место обычного человека в индустриальном обществе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия большевиков
ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВСНХ – Высший Совет Народного хозяйства
ВСРМ – Всероссийский союз работников машиностроения
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГАНИ УО – Государственный архив новейшей истории Ульяновской области
ГАПО – Государственного архива Пензенской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Самарской области
ГАУО – Государственный архив Ульяновской области
ГГРУ государственное геологоразведочное управление
ЖАКТ – Жилищно-арендное кооперативное товарищество
ЖСКТ – Жилищно-строительное кооперативное товарищество
ЗИФ – Завод имени Фрунзе
Истпроф – Комиссия по изучению истории профессионального движения в России и СССР
ИТР – инженерно-технические работники
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
НКВД – наркомат внутренних дел
НЭП – новая экономическая политика
ОГПУ – Объединённое государственное политическое управление
ОПТ – Общество Пролетарского Туризма
ОПТЭ – Общество Пролетарского Туризма и Экскурсий
РАН – Российская академия наук
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГАЭ – Российский государственный архив экономики
РКП (б) – Российская коммунистическая партия большевиков
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РТШ – рабочая техническая школа
СамГРЭС – Самарская гидроэлектростанция
СНК – совет народных комиссаров
СОГАСПИ – Самарский областной государственный архив социально-политической истории
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ФЗУ – фабрично-заводское ученичество

ХТО – хозяйственно-технический отдел
ЦИК – центральный исполнительный комитет
ЦК – центральный комитет

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1.1. Неопубликованные источники

***Государственный архив новейшей истории Ульяновской области* (ГАНИ УО)**

1. Фонд Р-3. Ульяновский окружной комитет (окружком) ВКП (б) (1928–1930 гг.). Оп. 1. Д. 417 ; Д. 422.

2. Фонд Р-13. Ульяновский городской комитет (горком) (1998–1990 гг.). Оп. 1. Д. 816.

3. Фонд Р-114. Машиностроительная первичная организация. Оп. 1. Д. 127.

***Государственный архив Пензенской области* (ГАПО)**

4. Фонд Р-324. Завод им. Фрунзе. Оп. 1. Д. 1520 ; Д. 1521 ; Д. 1526 ; Д. 1529 ; Д. 1535 ; Д. 1536 ; Д. 1539 ; Д. 1540 ; Д. 1541 ; Д. 1551 ; Д. 1581 ; Д. 1755 ; Д. 1774 ; Д. 1864.

5. Фонд Р-2503. Стекольный завод «Красный гигант». Оп. 1. Д. 47 ; Д. 50 ; Д. 57.

6. Фонд Р-1046. Автомедтехника. Оп. 1. Д. 24 ; Д. 26 ; Д. 42 ; Д. 69 ; Д. 88 ; Д. 95 ; Д. 103 ; Д. 104 ; Д. 106.

7. Фонд Р-510. Маяк Революции. Оп. 1. Д. 61 ; Д. 62 ; Д. 69 ; Д. 71.

8. Фонд Р-424. Пензенский окрисполком. Оп. 1. Д. 390А.

9. Фонд Р-383. Нижнеломовский уисполком. Оп. 1. Д. 152.

***Государственный архив Российской Федерации* (ГАРФ)**

10. Фонд Р-5515. Народный комиссариат труда СССР 1923–1933. Оп. 11. Д. 81 ; Оп. 20. Д. 107 ; Оп. 4. Д. 73 ; Оп. 19. Д. 22 ; Оп. 16. Д. 96 ; Оп. 16. Д. 33 ; Оп. 4. Д. 106.

11. Фонд Р-7062. Союзный Совет социального страхования при народном комиссариате труда СССР 1925–1933. Оп. 1. Д. 52.

Государственный архив Самарской области **(ГАСО)**

12. Фонд Р-2934. Завод им. Масленникова. Оп. 11. Д. 1 ; Д. 102 ; Оп. 17. .72; Оп. 8. Д. 4 ; Д. 35 ; Д. 65 ; Д. 76.

13. Фонд Р-524. Фабрика «Красная Звезда». Оп. 1. Д. 470 ; Д. 123 ; Д. 21 ; Д. 23 ; Д. 106 ; Д. 66 ; Д. 256 ; Д. 201.

14. Фонд Р-1147. Городской отдел труда. Оп. 1. Д. 3 ; Д. 5 ; Д. 14.

15. Фонд Р-671. Металлотрест. Оп. 1. Д. 20 ; Д. 92 ; Д. 168 ; Д. 188 ; Д. 191 ; Д. 17.

16. Фонд Р-2305. Чапаевский завод химических удобрений. Оп. 2. Д. 11 ; Д. 35 ; Д. 20.

17. Фонд Р-2100. Куйбышевская кондитерская фабрика. Оп. 1. Д. 27 ; Д. 84 ; Д. 94 ; Д. 101 ; Д. 234.

18. Фонд Р-2152. Обувная фабрика им. 1 мая. Оп. 1. Д. 20 ; Д. 29.

19. Фонд Р-919. Самарский кожевенный завод им. Линдова. Оп. 7 –Д. 5 ; Оп. 9. Д. 6 ; Д. 13 ; Оп. 10. Д. 1 ; Оп. 11. Д. 23. ; Оп. 12. Д. 3.

20. Фонд Р-1111. Станкостроительный завод. Оп. 8. Д. 15 ; Оп. 10. Д. 1.

21. Фонд Р-682. Фабрика гнутовой мебели «Красная Волга». Оп. 1. Д. 208 ; Д. 64.

22. Фонд Р-779. Исполнительный комитет Куйбышевского краевого совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 8. Д. 18 ; Д. 19.

23. Фонд Р-3499. Самарская городская рабоче-крестьянская инспекция. Оп. 1. Д. 145.

Государственный архив Ульяновской области **(ГАУО)**

24. Фонд Р-276. Отдел труда городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Ульяновск. Оп. 1. Д. 29 ; Д. 162 ; Д. 172.

25. Фонд Р-454. Володарский райком ВСРМ г. Ульяновска. Оп. 1. Д. 192 ; Д. 199 ; Д. 305 ; Д. 306 ; Д. 231 ; Д. 238.

***Российский государственный архив социально-политической истории* (РГАСПИ)**

26. Фонд Р-17. Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС). Оп. 32. Д. 181 ; Д. 131 ; Д. 166 ; Д. 115.

27. Фонд Р-106. Фракция РКП (б), ВКП (б) в ЦК профессионального союза рабочих швейной промышленности СССР (1919-1934). Оп. 1. –Д. 163 ; Д. 160 ; Д. 144 ; Д. 137 ; Д. 135 ; Д. 126.

***Российский государственный архив экономики* (РГАЭ).**

28. Фонд Р-4372. Госплан СССР. Оп. 36. –Д. 748.

***Самарский областной государственный архив социально-политической истории* (СОГАСПИ)**

29. Фонд Р-52. Самарский окружком ВКП (б). Оп. 1. Д. 2 ; Д. 145 ; Д. 77 ; Д. 146 ; Д. 47 ; Д. 84 ; Д. 80 ; Д. 86 ; Д. 25 ; Д. 294 ; Д. 314.

30. Фонд Р-38. Ячейка ВКП (б) Самарских главных ж/д мастерских. Оп. 1. Д. 41.

31. Фонд Р-13. Фракция ВКП (б) Сызранского окрсовета профсоюзов. Оп. 1. Д. 3.

32. Фонд Р-480. Ячейка ВКП (б) №2 Самарского хим. завода «Берсоль», г. Чапаевск. Оп. 2. Д. 36 ; Д. 42.

33. Фонд Р-520. Фракция ВКП (б) Средневолжского крайотдела профсоюза текстильщиков, г. Самара. Оп. 1. Д. 2 ; Д. 3.

34. Фонд Р-9431. Средневолжский крайотдел профсоюза рабочих металлистов, г. Самара. Оп. 2. Д. 64 ; Д. 65 ; Д. 63 ; Д. 58 ; Д. 62 ; Д. 12 ; Оп. 3. Д. 28 ; Д. 41 ; Д. 73.

35. Фонд Р-9362. Средневолжский крайком профсоюза мясо-рыбоконсервной, плодосушильной и маслобойной промышленности. Оп. 1. Д. 8 ; Д. 13 ; Д. 17 ; Д. 45 ; Д. 47 ; Д. 91 ; Д. 92 ; Оп. 2. Д. 2.

36. Фонд Р-9426. Средневолжский крайотдел профсоюза рабочих бумажной промышленности, г. Самара. Оп. 1. Д. 40 ; Д. 42 ; Оп. 2. Д. 7 ; Д. 8 ; Д. 11 ; Д. 18 ; Д. 32 ; Д. 33 ; Д. 81 ; Д. 82 ; Д. 83.

37. Фонд Р-655. Средневолжский обком ВКП (б), г. Самара. Оп. 5. Д. 75.

38. Ф. Р-1141. Куйбышевский крайком ВКП (б). Оп. 3. Д. 51 ; Оп. 4. Д. 71 ; Д. 73 ; Оп. 6. Д. 44 ; Оп. 20. Д. 2 ; Д. 88 ; д. 817 ; Д. 737 ; Оп. 40 Д. 113.

39. Фонд Р-656. Самарский обком КП РСФСР. Оп. 1. Д. 118 ; Оп. 5. Д. 10.

40. Фонд Р-714. Самарский горком КП РСФСР. Оп. 1. Д. 101 ; Д. 148 ; Д. 160 ; Оп. 2. Д. 190 ; Д. 2348 ; Оп. 41 Д. 178.

41. Фонд Р-62. Фракция ВКП (б) Средневолжского крайотдела союза местного транспорта, г. Самара. Оп. 1. –Д. 36.

42. Фонд Р-8. Сызранский окружком ВКП (б). Оп. 1. –Д. 167.

43. Фонд Р-9356. Куйбышевский областной совет профсоюзов. Оп. 6. Д. 129.

44. Фонд Р-46. Чапаевский горком КП РСФСР. Оп. 1. Д. 4.

45. Фонд Р-1. Самарский губком ВКП (б). Оп. 1. Д. 1013.

1.2. Опубликованные источники

Документы и материалы

46. XVII Съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. – Москва : Партиздат, 1934. – 716 с.

47. КПСС в резолюциях и решениях съезда, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 2: 1917–1922. – Москва : Политиздат, 1983. – 488 с.

48. Материалы по районированию и организации Средневолжской области. – Самара : Средне-Волжск. план. комис., 1925. – 360 с.

49. Пятый пленум Средне-Волжского крайисполкома. Доклады и постановления. – Самара : Средневолжское краевое государственное издательство, 1930. – 64 с.

50. СЗ СССР. Отдел 1. – Москва : Политиздат, 1929.

51. Средне-Волжская область : Сборник материалов к 1-й областной конференции ВКП (б) и 1-му областному съезду Советов. – Самара : Временное бюро ЦК ВКП(б) и Организационный Комитет Средне-Волжской области, 1928. – 119 с.

52. Трудовые конфликты в СССР 1930–1991 : сборник статей и документов. – Москва : Институт российской истории РАН, 2006. – 445 с.

Статистические материалы

53. 150 лет Самарской губернии (цифры и факты) : статистический сборник. – Самара : Облкомстат, 2000. – 405 с.

54. Народное хозяйство и профсоюзы Средней Волги. – Саратов : Средневолжское гос. изд-во, 1932. – 39 с.

55. Народное хозяйство Ульяновской области. – Ульяновск, 1961. – 272 с.

56. Профсоюзы и индустриализация. – Москва : Политиздат, 1929. – 191 с.

57. Профессиональные Союзы СССР. 1926–1928. – Москва : Политиздат, 1928. – 358 с.

58. Пятилетний план индустриализации Средневолжского края. – Москва ; Самара : Гос. изд-во, 1931. – 128 с.

59. Социалистическая индустриализация и развитие рабочего класса Мордовии, 1926–1970 гг. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1977. – 355 с.

60. Средне-Волжский край. – Москва ; Самара : Средневолжское краевое государственное издательство, 1930. – 503 с.

61. Труд в СССР. – Москва : Политиздат, 1934. – 142 с.

Периодические издания

62. Волжская Коммуна (Самара). – 1928–1932.

63. За индустриализацию (Самара). – 1931–1932.

64. Коммунист (Саратов). – 1935.

65. Красный октябрь (Волгоград). – 1934.

66. Пролетарский путь (Ульяновск). – 1928–1929.

67. Трудовая Правда (Пенза). – 1928.

68. Ударник (Самара). – 1930.

Воспоминания

69. Верендякин, В. В. Пять лет Мордовской АССР и десять лет Мордовской автономной области / В. В. Верендякин // Записки МНИИЯЛИ. – Вып. 1. – Саранск, 1940. – С. 3–31.

70. Ивашкин, А. П. Социалистическая промышленность Мордовской АССР / А. П. Ивашкин, А. Кладов // Советская Мордовия: очерки, посвященные 20-летию республики. – Саранск, 1950. – С. 24–28.

71. Мизов, И. Ударники Волги / И. Мизов. – Москва ; Ленинград : Политиздат, 1931. – 24 с.

72. Милх, Л. Р. Средняя Волга в XIV годовщину Октябрьской революции / Л. Р. Милх. – Москва ; Самара : Государственное издательство, 1931. – 36 с.

73. Хонин, В. А. Итоги работы местной промышленности за 1-е полугодие 1929 года / В. А. Хонин. – Самара : Государственное издательство. Средне-Волжское отделение, 1929. –169 с.

74. Хонин, В. А. Промышленность Средневолжской области / В. А. Хонин. – Самара : Государственное издательство. Средне-Волжское отделение, 1929. – 128 с.

75. Хонин, В. А. Проблемы индустриализации Среднего Поволжья / В. А. Хонин. – Москва : Государственное издательство. Средне-Волжское отделение, 1930. – 111 с.

Труды партийных руководителей

76. Крупская, Н. К. Ликвидация неграмотности / Н. К. Крупская. – Москва : Изд-во Наркомпроса РСФС, 1938. – 96 с.

77. Куйбышев, В. В. Избранные произведения / В. В. Куйбышев. – Москва : Госполитиздат, 1958. – 374 с.

78. Ленин, В. И. Как организовать соревнование? / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. Т. 35. – Москва : Политиздат, 1958. – С. 200–204.

79. Луначарский, А. В. Проблемы народного образования : сборник статей / А. В. Луначарский. – Москва : Работник просвещения, 1925. – 226 с.

80. Сталин, И. В. Сборник сочинений / И. В. Сталин. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1951. – Т. 3. – 368 с.

81. Цихон, А. М. Добьем уравниловку и обезличку / А. М. Цихон. – Москва : Партийное издательство, 1932. – 38 с.

2. Литература

2.1. Монографии, статьи, сборники статей

82. 15 лет Средней Волги. – Москва ; Самара : Государственное издательство. Средне-Волжское отделение, 1932.. – 128 с.

83. Адушкин, Н. Е. Рабочий класс Мордовии / Н. Е. Адушкин – Саранск : Мордовское книжное издательство, 1981. – 175 с.

84. Афанасьев, И. Куйбышевская область. – Куйбышев : Государственное издательство. Средне-Волжское отделение, 1939. – 112 с.

85. Баланс народного хозяйства Союза ССР/ под ред. П. Попова. – Москва : Республиканский информационно-издательский центр, 1993. – 250 с.

86. Бейлин, А. Е. Как родилось социалистическое соревнование / А. Е. Бейлин. – Москва : Профиздат, 1960. – 88 с.

87. Бейлин, А. Е. Кадры специалистов СССР, их формирование и рост / А. Е. Бейлин. – Москва : ЦУНХУ, 1935. – 415 с.

88. Бейлин, А. Е. Подготовка кадров в СССР за 15 лет / А. Е. Бейлин. – Москва : Народное просвещение, 1932. – 55 с.

89. Богданов, И. М. Грамотность и образования в дореволюционной России и в СССР / И. М. Богданов. – Москва : Статистика, 1964. – 195 с.

90. Бордюгов, Г.А. Социальный паразитизм или социальные аномалии (Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20-30-е гг.) / Г.А. Бордюгов // История СССР. – 1989. – № 1. – С. 60–74.

91. Бочкова, Л. М. Особенности индустриализации автономных республик и областей Российской Федерации (1926–1932 гг.). / Л. М. Бочкова // История СССР. –1989. – № 6. – С. 82–89.

92. Бронтман, Л. Борьба за кадры / Л. Бронтман. – Москва : Госиздат РСФСР «Московский рабочий», 1930. – 64 с.

93. Брыков, А. Средняя волга на перепутье / А. Брыков, П. Петров. – Москва ; Самара : Государственное издательство. Средне-Волжское отделение, 1932. – 32 с.

94. Бубнов, А.С. Статьи и речи о народном образовании / А.С. Бубнов. – Москва : Академия педагогических наук РСФСР, 1959. – 416 с.

95. Васильев, Е. За достойную социалистического общества производительность труда / Е. Васильев, Х. Ковальзон // Плановое хозяйство. – 1939. – № 3. – С. 160–175.

96. Венди, З. Голдман. Женщины у проходной (Гендерные отношения в советской индустрии) / З. Голдман Венди. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 360 с.

97. Венедиктов, А.В. Организация государственной промышленности в СССР Т. 2: 1921–1934 / А.В. Венедиктов. – Л., 1961. – 864 с.

98. Веселков, Ф. С. Материальное стимулирование трудящихся в СССР / Ф. С. Веселков – Москва : Гос. Изд-во полит. лит-ры., 1962. – 238 с.

99. Виноградов, Н. А. Здравоохранение в СССР (1917–1957) / Н. А. Виноградов. – Москва : Медгиз, 1957. – 100 с.

100. Войнаровская, Ю. В. Настроения населения малых городов Поволжья (1920–1930-е гг.) / Ю. В. Войнаровская // Известия Самарского университета научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 11, № 2. – С. 133–136.

101. Гастев, А. К. Нормирование и организация труда / А. К. Гастев. – Ленинград. : Книгоиздательство ВЦСПС, 1929. – 120 с.

102. Генкин, Л. Б. Становление новой дисциплины труда / Л. Б. Генкин. – Москва : Профиздат, 1967. – 200 с.

103. Дацук, Г. Проблема квалифицированных кадров народного хозяйства / Г. Дацук. – Москва : Гострудиздательство, 1930. – 96 с.

104. Ерманский, О. А. Стахановское движение и стахановские методы / О. А. Ерманский. – Москва : Соцэкгиз, 1940. – 370 с.

105. Журавлев, С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе. 1920–1930 гг. / С. В Журавлев. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 352 с.

106. Журавлев, С. В. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация на советском предприятии. 1928–1938 гг / С. В. Журавлев, М. Ю. Мухин. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 258 с.

107. Зворыкин, А. А. Социалистическое соревнование в промышленности СССР / А. А. Зворыкин. – Москва : Наука, 1961. – 215 с.

108. Здравоохранение в годы восстановления. – Москва : Политиздат, 1973. – 316 с.

109. Зуев, В. Д. Во главе промышленного преобразования / В. Д. Зуев. – Куйбышев : Кн. изд-во, 1971. – 119 с.

110. Зуев, В. Д. Из опыта работы Средне-Волжской краевой партконференции по подготовке промышленных кадров в годы второй пятилетки / В. Д. Зуев // Из опыта партийного руководства развитием промышленности Среднего Поволжья. – Куйбышев, 1974. – 145 с.

111. Зуйкова, Е. М. Быт при социализме / Е. М. Зуйкова. – Москва : Изд-во Моск.ун-та, 1977. – 240 с.

112. Иванов, Ю. М. Положение рабочих в России в 20-х – начале 30-х гг. / Ю. М. Иванов, Е. М. Зуйкова // Вопросы истории. – 1995. – № 5. – С. 122–128.

113. Изменение в численности и составе советского рабочего класса : сборник статей / под ред. М. Рашина. – Москва : Политиздат, 1961. – 291 с.

114. Из истории социалистической индустриализации Среднего Поволжья : сборник статей. – Куйбышев, 1973. – 290 с.

115. История индустриализации Среднего Поволжья. – Куйбышев : Кн. изд-во, 1974. – 541 с.

116. История социалистической экономики СССР. Т. 3. – Москва : Наука, 1976. – 536 с.

117. История социалистической экономики СССР. Т .4. – Москва : Наука, 1978. – 566 с.

118. Ильюхов, А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. / А. А. Ильюхов. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 415 с.

119. Камардин, И. Н. Трудовая дисциплина на промышленных предприятиях Среднего Поволжья в 1921–1929 гг. / И. Н. Камардин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2005. – № 1 (16). – С. 84–93.

120. Камардин, И. Н. Пьянство среди рабочих Поволжья в Период НЭПа / И. Н. Камардин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4. – С. 26–33.

121. Камардин, И. Н. Социокультурный облик рабочих Поволжья, или как отдыхали трудящиеся в 1920-е годы / И. Н. Камардин // Пространственное развитие России: проблемы, вызовы, стратегии. – Саранск : Издательство Мордовского университета, 2012. – С. 435–445.

122. Климочкина, А. Ю. Бытовая культура советских горожан в 1930-е гг. / А. Ю. Климочкина // Вестник СамГу. – 2006. – № 10/1 (50). – С. 86–93.

123. Ковалев, С. М. Коммунистическое воспитание трудящихся / С. М. Ковалев. – Москва : Соцэкгиз, 1960. – 526 с.

124. Козлова, Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора / Н. Н. Козлова. – Москва : РОССПЭН, 1996. – 215 с.

125. Коновалов, М. М. Мордовская автономная область / М. М. Коновалов // Среднее Поволжье. – 1931. – № 1-2. – С. 60–76.

126. Коровин, Н. Р. Индустриализация СССР в 30-е гг. / Н. Р. Коровин. – Иваново : [б/и], 2001. – 144 с.

127. Край Ильича за 50 советских лет. – Саратов : Приволжское книжное издательство. Ульяновской отделение, 1967. – 319 с.

128. Кузьмина, Т. Н. Подготовка рабочих кадров в Поволжье: проблемы и итоги. 1920-1930-е гг. / Т. Н. Кузьмина, Н. А. Шарошкин. – Пенза : Изд-во ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2004. – 263 с.

129. Кузьмина, Т. Н. Индустриальное развитие Поволжья. 1928 – июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки / Т. Н. Кузьмина, Н. А. Шарошкин. – Пенза : Изд-во ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2004. – 263 с.

130. Кузьминов, И. И. Стахановское движение – высший этап социалистического соревнования / И. И. Кузьминов. – Москва : Политиздат, 1940. – 220 с.

131. Кухер, К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху / К. Кухер 1928-1941. – Москва : РОССПЭН, 2012. – 352 с.

132. Лаптин, М. Н. Ленин о материальных стимулах к труду / М. Н. Лаптин. – Москва : Экономиздат, 1962. – 232 с.

133. Лаптин, М. Н. Ленин о стимулировании труда при социализме / М. Н. Лаптин. – Москва : Экономиздат, 1969. – 46 с.

134. Ларин, А. Алкоголизм промышленных рабочих и борьба с ним / А. Ларин. – Москва : Политиздат, 1929. – 26 с.

135. Лебина, Н. Б. От поколения к поколению / Н.Б. Лебина. – Ленинград : Лениздат, 1983. – 172 с.

136. Лебина, Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 гг. / Н. Б. Лебина. – Санкт-Петербург : Нева, 1999. – 320 с.

137. Лебина, Н. Б. Теневые стороны жизни советского города 20–30-х годов / Н.Б. Лебина // Вопросы истории. –1994. – № 2. – С. 30–42.

138. Лебина, Н. Б. Энциклопедия банальностей / Н. Б. Лебина. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. – 442 с.

139. Лейбович, О. В Городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции / О. Лейбович. – Москва : РОССПЭН, 2008. – 390 с.

140. Лившиц, Б. Проблема рынка и кризисов / Б. Лившиц. – Москва : Плановое хозяйство, 1926. – 311 с.

141. Лопяло, К. Жилище – рабочим! / К. Лопяло. – Москва : Профиздат, 1932. – 94 с.

142. Людтке, А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии / А. Людтке // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. – Москва, 1999. – С. 77–100.

143. Мазов, В. А. Охрана труда в машиностроении / В. А. Мазов, А. И. Шуминов. – Москва : Машиностроение, 1983. – 160 с.

144. Маркевич, А. М. «Магнитка близ Садового кольца»: стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот». 1883–2001 гг. / А. М. Маркевич, А. К. Соколов. – Москва : РОССПЭН, 2005. – 368 с.

145. Меерович, М. Г. Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937 / М. Г. Меерович. – Москва : РОССПЭН, 2008. – 303 с.

146. Миронов, Б. Н. Социальная история России : в 2 т. / Б. Н. Миронов. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1999. – 582 с.

147. Наякшин, К. Я. Очерки истории Куйбышевской области / К. Я. Наякшин. – Куйбышев : Кн. изд-во, 1962. – 622 с.

148. Осокина, Е. А. За фасадом «Сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927–1941 / Е. А. Осокина. – Москва : РОССПЭН, 1999. – 271 с.

149. От капитализма к социализму. Основные проблемы переходного периода в СССР 1917-1937 гг. Т. 2. Развернутое строительство социализма в СССР 1928–1937 гг. – Москва : Наука, 1981. – 533 с.

150. Остапенко, И. П. Участие рабочего класса СССР в управлении производство / И. П. Остапенко. – Москва : Наука, 1964. – 208 с.

151. Очерки истории здравоохранения СССР (1917–1956 гг.) / под ред. М. И. Барсукова. – Москва : Медгиз, 1957. – 393 с.

152. Очерки истории Ульяновской организации ВЛКСМ. – Саратов : Приволжское книжное издательство. Ульяновской отделение, 1967. – 381 с.

153. Парафонова, В. А. Бриллиант в хрустальной империи / В. А. Парафонова // Наука в России. – 2011. – № 5. – С. 87–95.

154. Пашков, А. И. Экономический закон преимущественного роста средств производства / А. И. Пашков. – Москва : Политиздат, 1958. – 232 с.

155. Пензенская область за 50 лет советской власти / под. ред. П. Д. Селиванова. – Саратов ; Пенза : Приволжское книжное издательство, 1967. – 367 с.

156. Пензенская энциклопедия. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2001. – 759 с.

157. Пензенский край в истории и культуре России / под. ред. О. А. Суховой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – 526 с.

158. Постников, С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900-1941 гг. / С. П. Постников, М. А. Фельдман. – Москва : РОССПЭН, 2009. – 370 с.

159. Рабочий класс – ведущая сила в строительстве социалистического общества. 1928–1937 гг. – Москва : Наука, 1984. – 512 с.

160. Радзиминский, В. Планирование зарплаты / В. Радзиминский. – Москва : Политиздат, 1932. – 301 с.

161. Рашин, А. Состав фабрично-заводского пролетариата СССР / А. Рашин. – Москва : Изд-во ВЦСПС, 1930. – 191 с.

162. Развитие советской экономики / под ред. А. А. Арутиняна и Б. Л. Маркуса. – Москва : Политиздат, 1940. – 664 с.

163. Розенберг, Л. Я. Учет работы стахановцев в промышленности / Л. Я. Розенберг – Л. : Оргаметалл, 1936. – 22 с.

167. Рольф, М. Советские массовые праздники / М. Рольф. – Москва : РОССПЭН, 2009. – 440 с.

168. Рузавин, Д. Мордовская АССР / Д. Рузавин, С. Петров. – Саранск : Мордгиз, 1936. – 61 с.

169. Серебрянская, Г. В. Волго-Вятский арсенал: промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны / Г. В. Серебрянская. – Нижний Новгород : НГТУ, 1997. – 251 с.

170. Симбирский край в новейшей истории России. 1917–1991. Люди. События. Факты. – Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2012. – 200 с.

171. Скворцов, Н. Народное образование / Н. Скворцов // Среднее Поволжье. – 1931. – № 1–2. – С. 77–82.

172. Соколов, А. К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – сер. 1930-х гг.) / А. К. Соколов // Экономическая история. Обозрение. – 2000. – № 4. – С. 39–80.

173. Тизанов, С. С. Кадры: Состояние, потребность и подготовка их в СВК / С. С. Тизанов. – Москва ; Самара, 1930. – 56 с.

174. Тизанов, С. С. Культурное строительство СВО / С. С. Тизанов. – Москва ; Самара, 1930. – 121 с.

175. Толбицын, Г. М. Год социалистического соревнования / Г. М. Толбицын. – Самара : Государственное издательство. Средне-Волжское отделение, 1930. – 28 с.

176. Труфанов, И. П. Проблемы быта городского населения СССР / И. П. Труфанов. – Ленинград : ЛГУ, 1973. – 144 с.

177. Формирование и развитие советского рабочего класса (1917–1961 гг.) : сборник статей / под ред. Полетаева и Рогачевской. – Москва : Политиздат, 1964. – 403 с.

178. Хавин, А. Ф. Советская историческая энциклопедия / А. Ф. Хавин. – Москва : Политиздат, 1965. – 592 с.

179. Хариссон, М. Стабильны ли командные системы? Почему потерпела крах советская экономика? / М. Хариссон Экономическая история. Обозрение. – Вып. 6. – Москва, 2001.– С. 120–141.

180. Хельбек, Й. Личность и система в контексте сталинизма: попытка переоценки исследовательских походов / Й. Хельбек // Крайности истории и крайности историков : сборник статей к 60-летию профессора А. П. Ненарокова. – Москва, 1997. – С. 195–207.

181. Хмельницкий, Д. Кладбище соцгородов. Градостроительная политика в СССР 1928–1932 гг. / Д. Хмельницкий, М. Меерович, Е. Конышева. – Москва : РОССПЭН, 2011. – 288 с.

182. Храмков, Л. В. Введение в Самарское краеведение / Л. В. Храмков. – Самара : Научно-технический центр, 2007. – 428 с.

183. Царькова, С. Б. Опыты экономического районирования региона в 1920-х гг. / С. Б. Царькова // Экономика Самарской губернии: 150 лет развития : материалы региональной научно-практической конференции. – Самара, 2001. – С. 347–355.

184. Червонный, Н. С. Рост благосостояния трудящихся масс в СССР / Н. С. Червонный. – Москва :Соцэкгиз, 1939. – 68 с.

185. Шаповалова, Л. Д. Совместная деятельность профсоюзов и комсомола / Л. Д. Шаповалова // Советские архивы. – 1983. – № 5. – С. 112–118.

186. Шарошкин, Н. А. Промышленность и рабочие Поволжья в 1920-е годы / Н. А. Шарошкин. – Пенза : Изд-во ПГПУ им. В. Г. Белинского, 1998. – 318 с.

187. Шкаратан, О. И. Проблема социальной структуры рабочего класса СССР / О. И. Шкаратан. – Москва : Политиздат, 1970. – 472 с.

188. Шмидт, В. Положение рабочего класса в СССР / В. Шмидт. – Москва ; Ленинград : Госиздат, 1928. – 229 с.

189. Штылько, А. Индустриализация СССР в 1-й период Первой пятилетки / А. Штылько. – Москва : Госполитиздат, 1956. – 100 с.

190. Ягодкин, В. Социалистическое соревнование по поднятия урожайности в Ульяновском округе / В. Ягодкин // Среднее Поволжье. – 1929. – № 11. – С. 108–110.

191. Ясперс, Я. Общая психопатология / Я. Ясперс. – Москва : Практика, 1997. – 1053 с.

2.2. Исследования зарубежных авторов

192. Bergson, A. The structure of Soviet Wages. A Study is Socialist Economics / A. Bergson. – Cambridge. 1954. – P.255.

193. Cheremukhin, A. Industrialization and Economic development of Russia throygh the Lens of a Neoclassical Growth Model / A. Cheremukhin, M. Golosov, S. Guriev, A. Tsyvinki. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – 57 p.

194. Filtzer, D. Soviet workers and de-stalinization. The consolidation of the modern system of Soviet production relations, 1953–1964 / D. Filtzer. – Cambridge, 1992. – 318 p.

195. Filtzer, D. Soviet workers and the collapse of Perestroika: the soviet labour process and Gorbachev's reforms. 1985–1991 / D. Filtzer. – Cambridge, 1994. – 295 p.

196. Harrison, M. Trends in Soviet labour productivity, 1928–85: War. Postwar recovery, and slowdown / M. Harrison // European Review of Economic History. – 1998. – № 2. – P. 171–200.

197. Shilnikova, I. Evolution of labour motivation for textile workers in Soviet Russia (1918 – 1929): a microanalysis of archival data / I. Shilnikova // Working papers: national research university higher school of economics. – M., 2013. – 21 p.

2.3. Диссертации и авторефераты диссертаций

198. Бадмаева, Е. Н. Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политике в социально-экономической сфере : дис. … канд. ист. наук / Бадмаева Е. Н. – Астрахань, 2011. – 575 с.

199. Бадретдинова, М. М. Промышленность и рабочие Южного Урала в период НЭПа (1921–1927 гг.) : дис. … канд. ист. наук / Бадретдинова М. М. – Оренбург, 1995. – 242 с.

200. Белоусова, О. А. Иностранные рабочие и специалисты на Кузнецком металлургическом комбинате (1929–1939 гг.) : дис. … канд. ист. наук / Белоусова О. А. – Томск, 2004. – 156 с.

201. Бехтерева, Л. Н. Рабочие оборонной промышленности Удмуртии в 1920-е годы (количественные и качественные характеристики) : дис. … канд. ист. наук. / Бехтерева Л. Н. – Ижевск, 1998. – 181 с.

202. Богданов, А. В. Иностранные рабочие и специалисты на предприятиях Челябинска и Магнитогорска (1929–1933 гг.) : дис. … канд. ист. наук / Богданов А. В. – Челябинск, 2011. – 183 с.

203. Буряк, Е. М. Трудовые отношения в первые годы Советской власти (на материалах промышленных районов Урала) : дис. … канд. ист. наук / Буряк Е. М. – Ижевск, 2009. – 239 с.

204. Володина, Н. В. Производственная повседневность тюменских рабочих в 1945–1965 гг. : дис. … канд. ист. наук / Володина Н. В. – Тюмень, 2012. – 314 с.

205. Гаврилова, Т. В. Художественная интеллигенция и художественная культура Пензенского края в 1920-е – 1930-е гг. : дис. ... кан. ист. наук / Гаврилова Т. В. – Пенза, 2007. – 266 с.

206. Гнусарев, И. С. Повседневная жизнь городов Пензенской губернии в годы гражданской войны : дис. … канд. ист. наук / Гнусарев И. С. – Пенза, 2014. – 244 с.

207. Деревякин, Г. Н. Коммунистическая партия – руководитель и организатор трудового воспитания молодого поколения рабочего класса в годы социалистического строительства (1921–1937) : дис. … канд. ист. наук / Деревякин Г. Н. – Саратов, 1984. – 162 с.

208. Заводчиков, В. А. Роль профсоюзов Среднего Поволжья в строительстве социализма (1928–1937) : дис. … канд. ист. наук / Заводчиков В. А. – Куйбышев, 1983. – 214 с.

209. Зелев, М. В. Инженерно-техническая интеллигенция Среднего Поволжья в 1928 – 1941 гг. : дис. … канд. ист. наук / Зелев М. В. – Пенза, 2001. – 282 с.

210. Ильиных, И. В. Взаимоотношения власти и городского населения Урала в ходе мобилизационных кампаний 1928–1932 гг. : дис. … канд. ист. наук / Ильиных И. В. – Нижний Тагил, 2006. – 288 с.

211. Камардин, И. Н. Трудовые конфликты в Среднем Поволжье, 1918–1929: По материалам Пензенской, Самарской и Симбирской (Ульяновской) губерний : дис. … канд. ист. наук / Камардин И. Н. – Пенза, 2001. – 264 с.

212. Каштанов, О. А. Промышленность и рабочий класс Мордовии в период осуществления политики инудстриализации страны. 1926–1941 гг. : дис. … канд. ист. наук / Каштанов О. А. – Саранск, 1996. – 166 с.

213. Кирюшина, Т. А. Материальное положение и быт работников промышленности Среднего Поволжья в 1933 – июне 1941 гг. : дис. … канд. ист. наук / Кирюшина Т. А. – Пенза, 2011. – 250 с.

214. Климочкина, А. Ю. Повседневная жизнь российского провинциального города 1930-х. гг. (на материалах Среднего Поволжья) : дис. … канд. ист. наук / Климочкина А. Ю. – Самара, 2007. – 308 с.

215. Корноухова, Г. Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920-1930-е гг.: На материалах Астраханской области : дис. … кан. ист. наук / Корноухова Г. Г. – Москва, 2004. – 197 с.

216. Мирясов, А. В. Мотивация труда рабочих промышленных предприятий России в 1920-е гг. (на материалах Пензенской губернии) : дис. … канд. ист. наук / Мирясов А. В. – Пенза, 2002. – 283 с.

217. Панин, С. Е. Повседневная жизнь советских городов – пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е гг.: На материалах Пензенской губернии : дис. ... канд. ист. наук / Панин С. Е. – Пенза, 2002. – 319 с.

218. Плохотников, В. С. Производственная повседневность рабочих г. Тюмени в годы первых советских пятилеток (октябрь 1928 – июнь 1941) : дис. … канд. ист. наук / Плохотников В. С. – Тюмень, 2017. – 288 с.

219. Сметанина, В. В. Культура повседневности сибирского рабочего: 1920–1930-е гг. : дис. … канд. ист. наук / Сметанина В. В. – Кемерово, 2006. – 242 с.

220. Чебоксарова, Т. Г. Производственная повседневность технической интеллигенции Западной Сибири в годы НЭПа : дис. … канд. ист. наук / Чебоксарова Т. Г. – Омск, 2007. – 190 с.

221. Чернова, О. А. Деятельность профессиональных союзов на промышленных предприятиях Центрального Черноземья в 1920-е гг. (по материалам Курской и Воронежской губерний) : дис. … канд. ист. наук / Чернова О.А. – Белгород, 2011. – 325 с.

2.4. Электронные публикации

222. Эволюция мотивации труда в российской промышленности, 1861 – 2000 г. Российско-голландский проект [Электронный ресурс] / Исторический факультет Московского Государственного Университета им. М. Ю. Ломоносова. 1997–2017. – URL: http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/version/motivation.htm.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Процент сдельных часов к общему числу рабочего времени в промышленности СССР в 1927–1931 гг.[436]

Отрасли промышленности	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	
					I кв.	II кв.
По всей промышленности	57,8	58,5	59,3	57,2	57,1	58,4
Добывающая и обработка минер.	59,4	60,7	61,4	60,1	58,2	59,8
Камменноугольная	52,7	50,7	51,8	54,5	54,9	53,6
Нефтяная	17,4	12	11,7	14,1	15,2	12,4
Переработка нефти	30,7	27,6	30,5	32,6	31,3	27,3
Металлургия черных металлов	66,6	68,8	68,4	64,1	62,5	63
Обработка металлов	61,6	62,2	63,4	59,4	58,1	59,9
Машиностроение	63,9	62,8	63	59	58,2	60,6
Обработка дерева	50,5	52	51,1	51	52,5	53,3
Химическая	59,3	58,6	54,9	49,2	49,1	47,6
Пищевкусовая	22,1	26,3	30,6	30,2	30,8	37
Кожевенно-меховая	60,6	61,3	61,3	60,3	61	60,2
Хлопчатобумажная	70	69,21	69,6	64,5	67,9	67,2
Шерстяная	58,5	59,8	59,6	58,1	59,5	58,7
Льняная	69,4	72	73,1	66	64,2	64,8
Швейная	84	85,1	85,1	83,6	83,4	87
Произв-во кожаной обуви	73,3	70,6	67,9	62,6	61,6	64
Бумажная	32,1	35,4	46,5	51,4	55,7	55,3
Полиграфическая	34,3	40,8	47,9	51,9	53,6	54,4

[436] Труд в СССР: Экономико-статистический справочник. М., Л., 1932. С. 133.

Приложение 2

Среднедневная заработная плата рабочих (без учеников) цензовой промышленности СССР в 1927-1931 гг.[437]

Отрасли промышленности	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	
					I кв.	II кв.
По всей промышленности	2,67	2,90	3,17	3,58	3,86	4,01
В % к 1927 г.	100	108,6	118,7	134,1	144,6	150,2
Добывающая и обработка минер.	2,38	2,55	2,70	2,97	3,23	3,33
В % к 1927 г.	100	107,1	113,4	124,8	135,7	139,9
Камменноугольная	2,45	2,59	2,75	3,07	3,39	3,65
В % к 1927 г.	100	105,7	112,2	125,3	138,4	148,9
Нефтяная	2,56	2,95	3,25	3,64	3,93	4,03
В % к 1927 г.	100	115,2	127	142,2	153,5	158,6
Переработка нефти	2,78	3,15	3,40	3,85	4,18	4,05
В % к 1927 г.	100	113,3	12,3	138,5	154	145,7
Металлургия черных металлов	2,69	2,96	3,30	3,67	4,0	4,25
В % к 1927 г.	100	110	122,7	136,4	148,7	158
Обработка металлов	3,21	2,49	3,78	4,15	4,42	4,25
В % к 1927 г.	100	109,7	117,8	129,3	137,7	141,7
Машиностроение	3,45	3,85	4,25	4,68	4,84	4,97
В % к 1927 г.	100	11,6	123,2	135,7	140,3	144,1
Обработка дерева	2,31	2,49	2,69	3,06	3,16	3,46
В % к 1927 г.	100	107,8	116,5	132,5	136,8	149,8
Химическая	3,11	3,37	3,52	3,77	4,02	4,18
В % к 1927 г.	100	108,4	113,2	121,2	129,3	134,4
Пищевкусовая	2,70	2,98	3,19	3,35	3,56	3,74
В % к 1927 г.	100	110,4	118,1	124,1	131,9	138,5
Кожевенно-меховая	3,28	3,56	3,64	3,77	4,01	4
В % к 1927 г.	100	108,5	118,2	122,4	122,3	122
Хлопчатобумажная	2,29	2,44	2,67	2,89	3,01	3,08
В % к 1927 г.	100	106,6	116,6	126,2	131,4	134,5
Шерстяная	2,35	2,54	2,75	2,90	3,05	3,15
В % к 1927 г.	100	108,1	117	123,4	129,8	134
Льняная	1,72	1,5	1,96	2,14	2,30	2,44
В % к 1927 г.	100	107,6	114	124,4	133,7	141,9
Швейная	2,98	3,34	3,59	3,61	3,59	3,56
В % к 1927 г.	100	112,1	120,5	121,1	120,5	119,5
Произв-во кожаной обуви	3,39	3,60	3,59	3,89	4,11	1,13
В % к 1927 г.	100	106,2	105,9	114,7	121,2	121,8
Бумажная	2,48	2,68	3,04	3,51	3,80	3,98
В % к 1927 г.	100	108,1	122,6	114,5	153,2	160,5
Полиграфическая	3,44	3,69	3,90	4,39	4,64	4,61
В % к 1927 г.	100	107,3	113,4	127,6	134,9	134

[437] Труд в СССР: Экономико-статистический справочник. М. : Л., 1932. С. 131.

Приложение 3

Динамика роста и место заработной платы по ее размерам в различных отраслях промышленности[438]

№ п/п	Отрасль промышленности	Среднемесячная зарплата в руб.			Рост по отношения к 1928 г.		Место по уровню зарплаты		
		1929	1930	1932	1931	1932	1928	1931	1932
1	Машиностроение	99,94	120,87	136,08	30,1	16,4	1	1	1
2	Полиграфическая	90,34	109,00	109,75	20,7	21,5	2	2	8
3	Обувная	86,72	96,54	103,86	11,3	19,8	3	8	9
4	Обработка металла	85,82	108,40	121,40	26,3	41,5	4	3	4
5	Кожевенно-меховая	85,70	95,25	102,49	11,1	19,6	5	9	10
6	Химическая	82,09	99,83	110,50	21,6	34,6	6	7	7
7	Переработка нефти	81,30	105,75	118,90	30,1	46,3	7	5	6
8	Швейная	79,79	82,80	88,00	3,8	11,0	8	14	14
9	Добычи нефти	77,95	106,12	119,30	36,1	53,0	8	4	5
10	Черная металлургия	75,61	102,94	132,73	36,1	75,5	10	6	2
11	Пищевкусовая	73,37	87,94	95,59	19,9	30,3	11	12	11
12	Бумажная	67,04	91,10	88,92	35,9	32,6	12	11	13
13	Шерстяная	63,73	74,66	82,13	17,2	28,9	13	15	15
14	Каменноугольная	63,27	93,95	122,50	48,5	90,5	14	10	3
15	Обработка дерева	60,98	85,09	80,42	39,5	46,6	15	13	12
16	Хлопчатобумажная	59,89	70,03	78,43	16,9	31,0	16	16	16
17	Льнообработка	41,58	58,54	65,04	36,0	56,4	17	17	17
В среднем по 17 отраслям		70,94	96,02	111,37	35,3	57,0	-	-	-

[438] В. Радзмиминский. Регулирование оплаты труда // Ударник. 1932. №2.

Приложение 4

Капитальные вложения в хозяйство и культуру Средневолжского края по отраслям (млн руб.)[439]

Отрасль	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Электроэнергия	3,4	5,3	11
Гос. промышленность	13	28	44,5
Кооп.промышленность	0,5	2,3	3,3
Лесное хозяйство	1	2,4	7,6
Новое ж/д строительство	3,6	-	-
Водный транспорт	0,8	3,3	2,7
Торговля и снабжение	2,2	13,4	17,4
Жилищное строительство	6,4	8,1	7,4
Коммунальное строительство	4,1	5,1	6,4
Культура и наука	2,7	7,1	8,3

[439] СОГАСПИ. Ф. Р-52. Д. 84; Д. 86.

Приложение 5

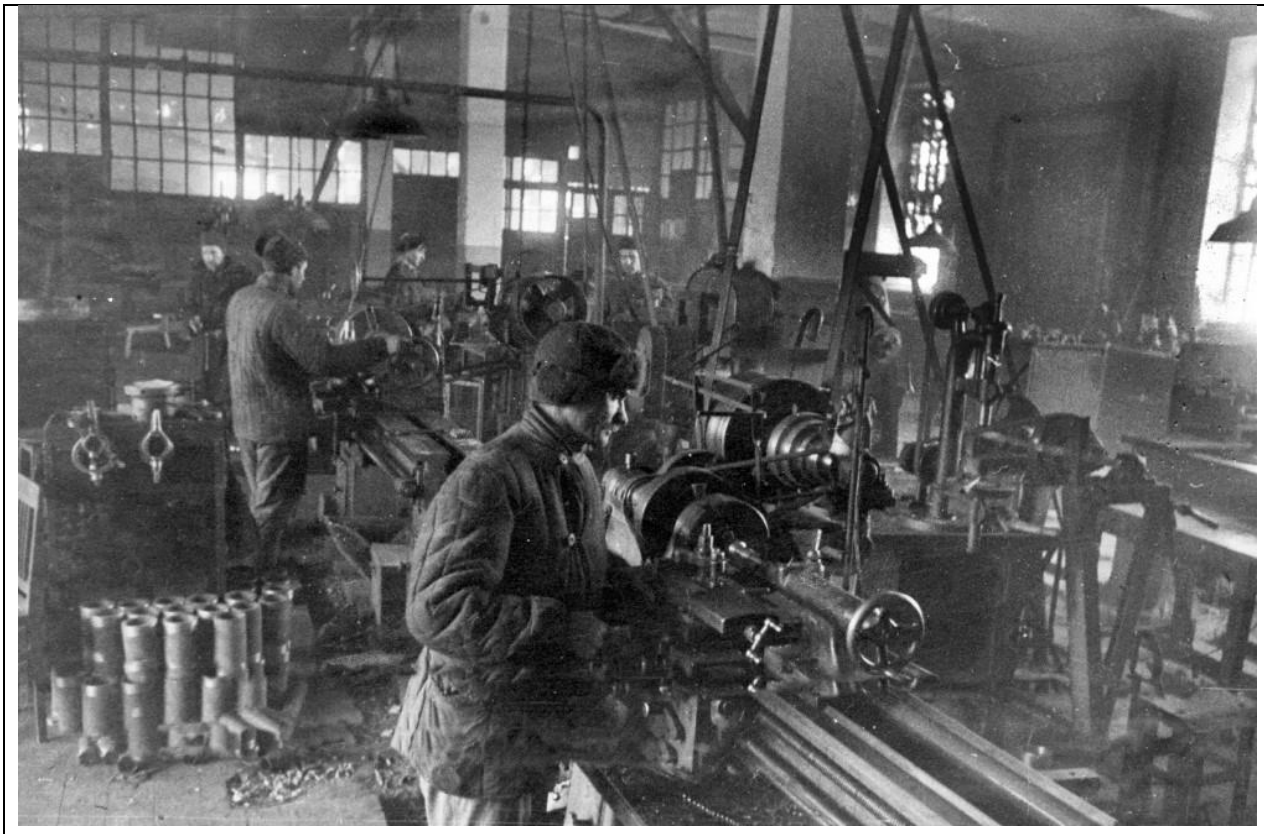
Динамика контингента студентов вузов за 1928-1932 гг.[440]

Типу учебных заведений (вузы и втузы в том числе)	Число учащихся к началу года (тыс. человек)					
	1928	1929	1930	1931	1932	1933
Индустриальные	48,9	52,3	62,8	133,7	205,8	272
Сельскохозяйственные	25	26,9	34	44,7	58	82
Педагогические	37,5	39	43,4	43,5	63,2	90
Медицинские	26,1	25,6	26,1	27,6	34	42
Социально-экономические	15,5	16,5	18,2	19,2	26	35

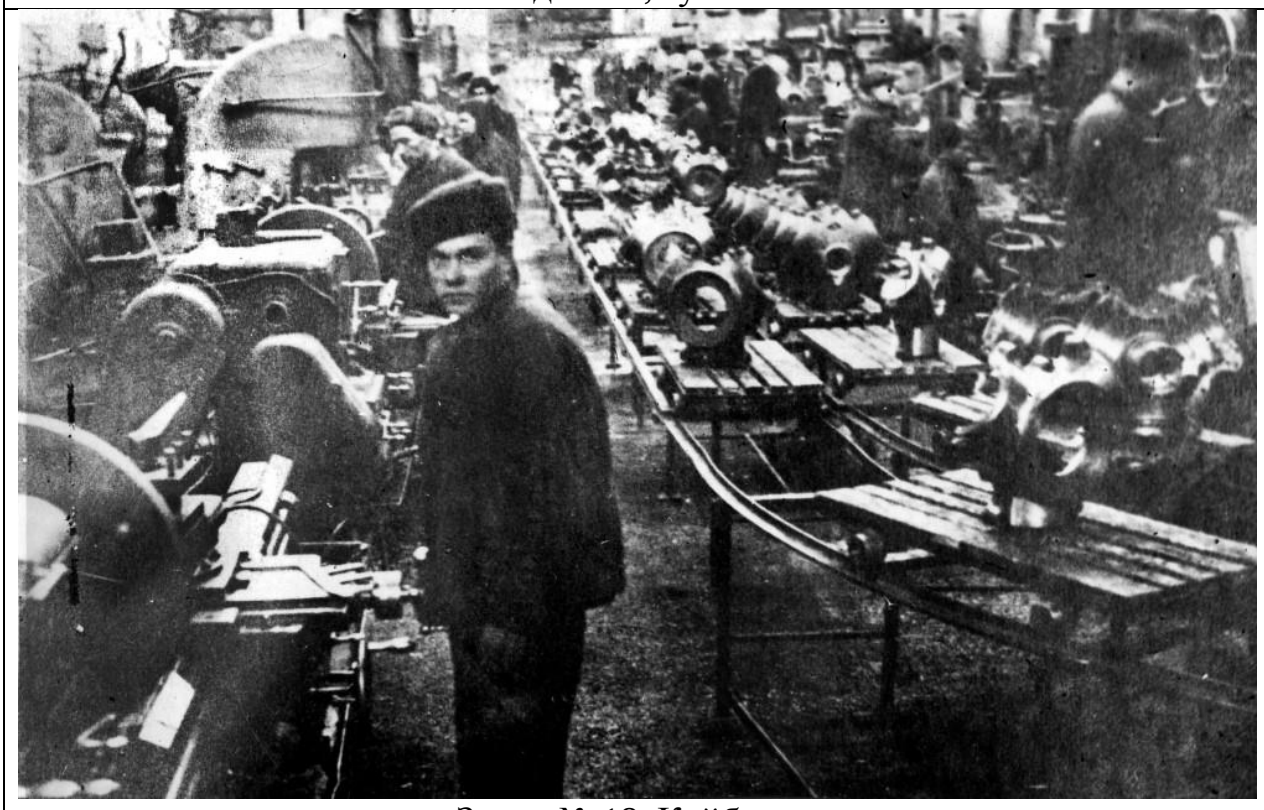
[440] Труд в СССР. М., 1934. С. 33.

Приложение 6

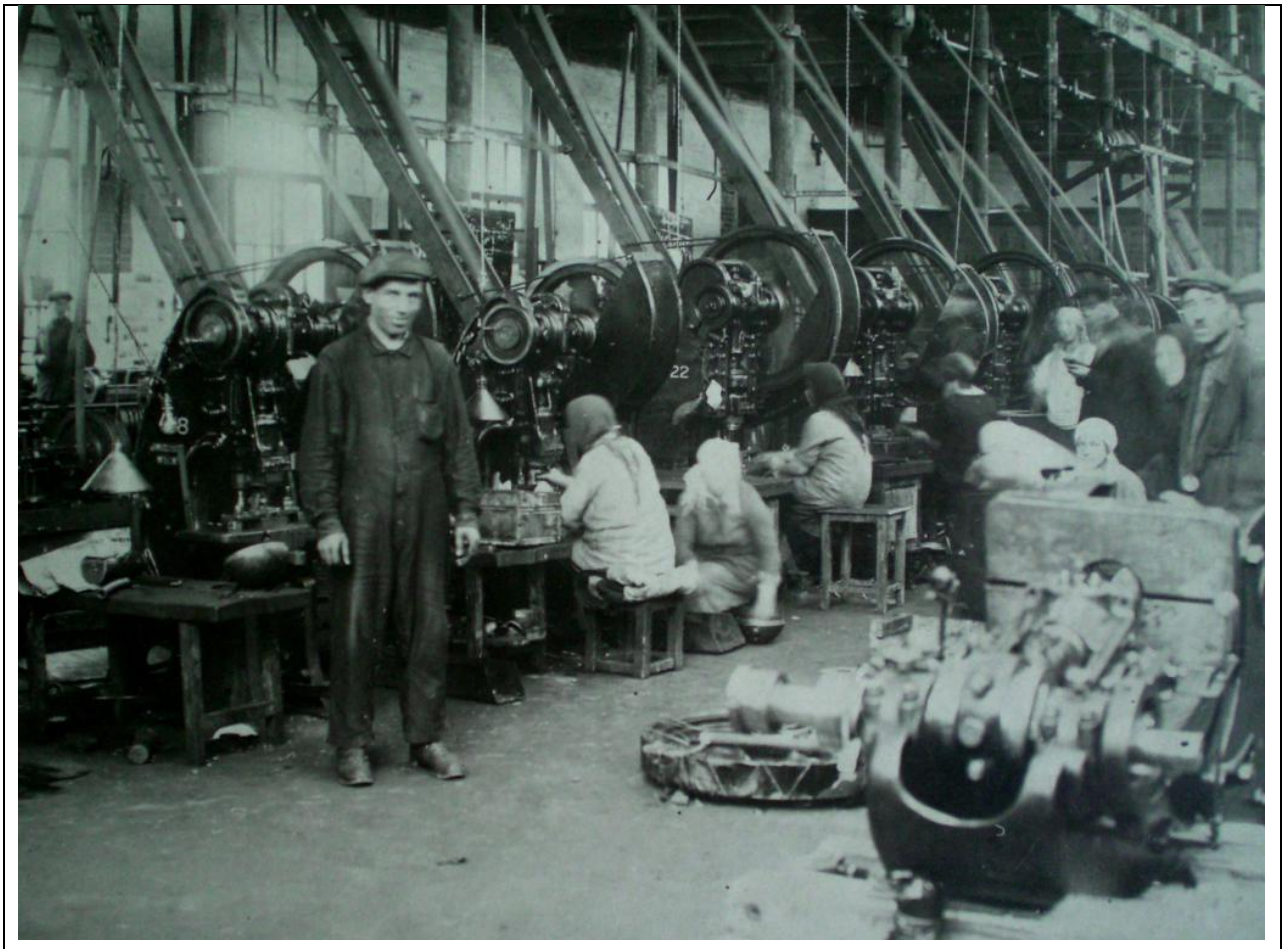
Условия труда на предприятиях Средневолжского края в 1930-е гг.



Завод № 24,Куйбышев



Завод № 18, Куйбышев



Завод Металлист, Ульяновск

Приложение 7

Зарплата в процентном отношении к предыдущему году на предприятиях Средневолжского края[441]

Предприятие	1927/28 г.	1928/29 г.
Жигулевский завод	128,1	106,6
Средне-Волжский завод	111,9	99,3
Штамповочная фабрика	130,5	103,5
Фабрика гнутовой мебели	117,6	90,9
Спичечная фабрика	123,2	89,5
Винокуренный завод	103,2	112,6
Дрожзавод	111,5	104,7
Кожзавод	136,2	102,5
Ватная фабрика	103,4	103,2
Швейпром	118,2	94,9
Красная Звезда	105,5	100,5
Полиграфпром	112,2	131,0

[441] СОГАСПИ. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 36. Л. 4–5.

Приложение 8

Динамика роста заработной платы в отдельных отраслях промышленности в 1926/27 и 1927/28 гг. (руб.)[442]

Отрасль промышленности	1926/27 г.	1927/28 г.
Каменноугольная	54	56,57
Нефтяная	59,56	73,06
Железорудная	59,54	63,11
Металлопромышленность	69,25	74,45
Электротехническая	85	89
Строительных материалов	51,03	52,62
Основная химическая	62	65
Текстильная	48,86	51,93
Кожевенная	74,31	76
Бумажная	49,97	53,03
Резиновая	90,12	93,20
Спичечная	40,08	42
Пищевая	49,71	52,92

[442] Ильюхов А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. С. 141 ; ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 16. Д. 33.

Приложение 9

Место различных отраслей промышленности по уровню оплаты труда в 1928 – 1936 гг.[443]

Отрасль	Среднемесячная зарплата, руб.		
	1928 г.	1932 г.	1936 г.
Электростанции	87,5	146,4	292,2
Каменноугольная	63,3	122,1	302,2
Черная металлургия	75,6	132,2	272,1
Машиностроение	91,3	141,4	282,2
Химическая	82,1	122,6	263,7
Хлопчатобумажная	59,9	85,9	199,6
Шерстяная	63,7	90,2	194,8
Льнообработка	41,6	70,6	172,2
Пищевкусовая	68,1	96,2	188,2
Нефтяная	78,5	130,0	307,4
В среднем по отраслям	70,2	111,5	242,5

[443] *Васильев Е. Ковальзон Х.* За достойную социалистического общества производительность труда // Плановое хозяйство. 1939. № 3. С. 163.

Приложение 10

Питание семейных фабрично-заводских рабочих СССР (все домашнее и общественное питание на 1 человека, граммов в день)[444]

	1926 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
	февраль	1 квартал		1 полугодие	
Мука и хлеб в переводе на муку	нет данных	433	401	нет данных	нет данных
Мука ржаная	1	нет дан.	40	32	2
Мука пшеничная	46	нет дан.	12	35	15
Хлеб ржаной	222	нет дан.	315	359	297
Хлеб пшеничный	325	нет дан.	158	194	357
Крупа и бобовые	46	43	36	33	26
Картофель	243	230	228	262	404
Овощи	99	66	89	104	104
Фрукты и ягоды	18	6	3	5	5
Мясо	150	66	40	34	34
Сало	8	2	1	1	1,5
Рыба	28	29	24	28	36
Молоко	199	64	52	98	118
Масло коровье	9	2	1	4	5
Прочие мол. прод.	6	3	4	10	9
Яйца	5	0,5	0,2	1	1,5
Масло растительное	12	9	3	2	2
Маргарин	0	2	3	4	3

[444] Осокина Е. А. За фасадом «Сталинского изобилия». М., 1999. С. 263. РГАЭ. Ф. Р- 8043. Оп. 11. Д. 31. Л. 103;

Сахар	33	40	18	21	18
Конфеты и сладости	3	20	17	19	15
Соль	19	12	10	нет дан.	нет дан.
Чай, кофе	2	0,3	0,2	нет дан.	нет дан.

Приложение 11

Нормы снабжения иностранных специалистов и рабочих (кг на человека в месяц)[445]

	Специалисты		Члены их семей		Рабочие	
Мука	4	2	2	2	4	2
Крупа	6	3	5	2	5	2
Мясо	9	7	5	3	6	5
Рыба свежая	6	3	4	2	3	2
Масло жив.	3	1,5	2	1	1	1
Масло раст.	1	0,5	1	0,5	1	0,5
Сахар	4	3	4	1,5	2,5	2
Сметана, творог	1,5	-	1,5		1	-
Чай	0,2	0,1	0,2	0,05	0,1	0,1
Яйца (штук)	60	-	60	-	30	-
Молоко (л)	1	0,5	1	1	1	0,5
Мыло хоз. (кусков)	2	1	2	1	2	1
Папиросы (штук)	50	40	25	-	50	20

[445] РГАЭ. Ф. Р-8043. Оп. 11. Д. 31. Л. 103 ; Д. 49. Л. 9.